

Артиллерия, огонь!

В. И. Казаков

ЗА ЧЕСТЬ
И СЛАВУ
★ РОДИНЫ

ЗА ЧЕСТЬ И СЛАВУ РОДИНЫ

В. И. КАЗАКОВ
Артиллерия, огонь!

Издание второе

МОСКВА — ИЗДАТЕЛЬСТВО — ДОСААФ — 1975

К 14   **Казаков В. И.**
Артиллерия, огонь! Издание второе, М.,
ДОСААФ, 1975.

239 с. с ил., портр.

Документальная повесть маршала артиллерии Героя Советского Союза В. И. Казакова, который командовал артиллерией 16-й армии, Брянского, Донского, Центрального и 1-го Белорусского фронтов, принимал самое активное участие в разгроме врага под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге, в Белорусской, Висло-Одерской и Берлинской операциях.

К 11204-057 БЗ—17—01—752
072(02)-75 БЗВ—1—9—752

9(С)27

Уходят годы, события. Уходят люди. И все то, чем эти люди раньше жили, что создавали своими руками, за что насмерть бились с врагами,— с течением времени становится историей. Ею занимаются, как известно, специалисты-историки. Они будто идут по следам тех, кто делал эту историю. И происходит чудесное: возвращаются годы, восстанавливаются события, оживают люди и их дела.

Не как историк, а как активный участник Великой Отечественной войны и рассказывает о героях-артиллеристах в своей книге «Артиллерия, огонь!» маршал артиллерии Герой Советского Союза В. И. Казаков.

Перу В. И. Казакова принадлежит ряд ценных трудов, посвященных советской артиллерии, ее солдатам, сержантам, офицерам, командирам и политработникам. Предлагаемая книга была задумана Василием Ивановичем как популярный очерк об артиллерии периода минувшей войны, о героических подвигах, совершенных советскими артиллеристами в боях за Родину против гитлеровских оккупантов.

В сражениях с немецко-фашистскими захватчиками В. И. Казаков командовал артиллерией 16-й армии, Брянского, Донского, Центрального и 1-го Белорусского фронтов, принимал самое активное участие в разгроме врага под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге, в Белорусской, Висло-Одерской и Берлинской операциях.

Как известно, в Сталинградской битве впервые в широком масштабе было осуществлено артиллерийское наступление. О нем впечатляюще рассказывает автор книги, показывает массовые, беспримерные подвиги советских артиллеристов, их несгибаемую стойкость в смертельной схватке с ненавистным врагом.

Командуя артиллерией Донского фронта, В. И. Казаков вносил посильный вклад в разработку принципов советского военного искусства применительно к условиям вооруженной борьбы в Великой Отечественной войне, с учетом современных по тому времени воен-

ной техники и оружия. Он был в ряду новаторов в боевом применении артиллерии, ее массировании и маневрировании противотанковыми артиллерийскими средствами в борьбе с «тиграми» и «пантерами».

В послевоенные годы Казаков командовал артиллерией Группы советских войск в Германии, был заместителем командующего и командующим артиллерией Советской Армии. Умер В. И. Казаков 25 мая 1968 года, находясь на посту генерального инспектора Министерства обороны СССР.

За выдающиеся заслуги перед Родиной Василий Иванович Казаков был удостоен многих военных наград. Советское правительство присвоило ему звания маршала артиллерии и Героя Советского Союза, он награжден четырьмя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова I степени, орденом Суворова II степени, орденами Кутузова I степени и Красной Звезды, многими медалями.

В предисловии к этой книге, обращаясь к советской молодежи, В. И. Казаков писал:

«Я понимаю, что беру на себя нелегкую задачу, хотя, разумеется, буду писать не в целом о событиях и не вообще о людях, а об артиллерии, о ее огромном значении в боях на разных фронтах Великой Отечественной войны.

Артиллерия мне очень близка и дорога, потому что всю свою жизнь я посвятил ей. Она поразила мое воображение, покорила своей силой и увлекла за собой на всю жизнь. Было это в 1917 году. На фронте я получил контузию. После длительного лечения в госпитале мне предоставили отпуск. Так я оказался в Петрограде, где трудился рабочим на заводе, а затем служил в 180-м пехотном полку, который после июльской демонстрации расформировали за неблагонадежность, а весь личный состав отправили на фронт.

28 октября в дверь квартиры постучали и спросили:

— Солдаты есть?

— Есть,— ответил я, приглашая в комнату людей в серых шинелях. Узнав, кто я и почему нахожусь дома, солдаты с красными повязками на левом рукаве сказали:

**В. И. Казаков,
маршал артиллерии,
Герой Советского Союза**

— Пойдем с нами обыскивать квартиры офицеров, отбирать у них оружие.

Я согласился и оказался вовлеченным в исторические события.

На следующий день мне пришлось принять участие в бою с юнкерами, засевшими во Владимирском военном училище.

Артиллерия — грозная сила в бою. Мощным и точным огнем она может прокладывать путь танкам и пехоте, разрушать вражеские укрепления, уничтожать и подавлять живую силу и огневые средства противника, отражать его атаки, истреблять авиацию и т. д. Не случайно в сражениях с немецко-фашистскими захватчиками советская артиллерия заслужила образное звание «бога войны». Будучи главной огневой силой нашей армии, она сыграла выдающуюся роль в разгроме врага.

Конечно, артиллерия сама по себе не всесильна. Она, например, не может самостоятельно овладеть населенным пунктом или участком местности и удерживать их. Но перед нею и не стоит такая задача. Ее решают пехота и танки с участием артиллерии.

При активном участии артиллерии проходили все операции Великой Отечественной войны. Пушками начинался разгром фашистских войск под Москвой зимой 1941—1942 годов. Могучие огневые удары артиллерии возвестили о переходе советских войск в контрнаступление под Сталинградом 19 ноября 1943 года. Этот день стал Днем артиллерии (ныне — Днем ракетных войск и артиллерии). Под грохот артиллерийской канонады наша доблестная армия громила гитлеровские полчища на Курской дуге и Днепре, в Белоруссии, Прибалтике, Польше и Венгрии. Исполинской артиллерийской грозой началась и завершилась победная битва за Берлин.

И даже теперь, когда на вооружении Советской Армии состоит такое могучее оружие, как ракетно-ядерное, артиллерия не потеряла своего значения. Она и поныне остается грозной силой борьбы с танками, пехотой, авиацией, средством разрушения инженерных сооружений противника.

Артиллеристам в первую очередь и посвящается эта книга.

Переиздается она по многочисленным просьбам читателей.

В 1940 году я был начальником артиллерии 7-го механизированного корпуса, в который входила и Московская мотострелковая (бывшая Пролетарская стрелковая) дивизия. В ней я прослужил начиная с 1927

года более 12 лет. Командовал дивизионом, артиллерийским полком, а потом был начальником артиллерии дивизии. Поэтому, естественно, когда в июне 1941 года наш корпус начал боевые действия, меня особенно интересовало, как же сражались артиллеристы именно этой дивизии, многих из которых я хорошо знал. А события разворачивались так.

В полдень 1 июля 1941 года на рубеже реки Березина в районе города Борисова в Белоруссии в бой с врагом вступили части Московской мотострелковой дивизии.

Для защиты одной из наших переправ южнее Борисова стояло орудие первой батареи артполка. Командир расчета сержант Алексей Калиберда выбрал для него хорошую позицию. Отсюда просматривалась деревня на другом берегу и подступы к мосту.

Орудие метким огнем уничтожило вражеский пулемет, стрелявший с чердака одного из домов, рассеяло скопление пехоты в деревне. Несмотря на то, что это был первый бой, артиллеристы действовали умело и бесстрашно. Точно стрелял наводчик красноармеец Пирка, успешно справились со своими обязанностями орудий-

ные номера — красноармейцы Игнатьев, Кулик, Петрин и многие другие.

У Зембинского моста, южнее совхоза Веселово, оборонялся батальон, которым командовал капитан Д. Т. Шепелев. Стрелкам помогали артиллеристы дивизиона старшего лейтенанта А. В. Жбанова. Мост был взорван нами, но неудачно: некоторые опоры уцелели. Воспользовавшись тем, что над рекой поднялся густой туман, гитлеровцы попытались восстановить его: подошли три автомашины с досками, на насыпи появились вражеские саперы.

Через несколько минут снаряды артиллерийского дивизиона Жбанова накрыли гитлеровцев. Машины были разбиты.

На другом участке обороны сражались с немецкими танками артиллеристы полка, которым командовал капитан А. М. Ботвинник. 1 июля они уничтожили 15 танков и десятки солдат противника.

Но враг не унимался. Он перенес свой удар ближе к шоссе Минск — Москва и захватил мост через реку Березину.

Ночью туда же, ближе к дороге, переместились и батареи полка Ботвинника. Они приготовились стрелять по атакующим танкам с открытых позиций.

Утром 2 июля густой туман повис над землей. Но к одиннадцати часам он рассеялся, и фашисты возобновили наступление. На нашу пехоту и артиллерию обрушились сотни снарядов и мин. В воздухе появились большие группы бомбардировщиков. Дым от разрывов бомб и снарядов закрыл позиции советских войск. В этот момент в атаку двинулись фашистские танки. Наши артиллеристы не дрогнули. Они искусно вели огонь по бронированным машинам и пехоте врага. Вот уже подбит один танк, два, три... Но на смену им по мосту спешили другие. Много их было тогда у фашистов! И на них гитлеровские

генералы возлагали свою главную надежду. Казалось, сомнут они сейчас наши батареи и устремятся дальше.

Но не тут-то было! Советские артиллеристы стояли насмерть. От их метких выстрелов все больше вражеских танков выходило из строя.

— Герои ребята! Орлы! — восхищался командир мотострелкового полка майор П. Г. Новиков, находившийся на наблюдательном пункте вместе с капитаном Ботвинником. — Ты посмотри только!

Несколько танков выползли из прибрежного кустарника и, ведя огонь из орудий и пулеметов, устремились на одну из наших батарей. Еще минута, и они раздавят орудия. Но этого не произошло: их встретил губительный огонь артиллеристов. Одна за другой замерли подбитые вражеские машины, а уцелевшие попятились назад.

Но и батарея понесла большие потери. Осталась исправной одна пушка, а в живых — лейтенант С. Гомельский и пять бойцов. А когда немецкие танки снова перешли в атаку, артиллеристы открыли огонь из пушки. И фашисты отступили, так и не прорвавшись на этом участке.

Раненный в ногу лейтенант Гомельский с помощью трех батарейцев пришел на НП.

— Товарищ майор, — обратился он к командиру полка, — уничтожено семь фашистских танков. Мы потеряли четыре орудия.

Новиков и Ботвинник, а также бойцы, находящиеся на наблюдательном пункте, с восхищением смотрели на лейтенанта и его боевых товарищей. Они хорошо знали их еще по довоенному времени. Батарея под командованием лейтенанта С. Гомельского осенью 1940 года отличилась на маневрах войск Московского военного округа. Ее личный состав показал тогда замечательное мастерство, с высокой оценкой выполнил все поставленные

перед батареей задачи. Она была признана одной из лучших в военном округе, а Гомельский заслужил благодарность заместителя командующего войсками округа.

В те первые дни особенно было заметно, как умели насмерть разить врага наши воины. Я говорю об этом с гордостью: абсолютное большинство воинов-артиллеристов учились до войны с полным напряжением сил. В жесточайших схватках с превосходящим противником они продемонстрировали боевое мастерство, стойкость, высокую идейную закалку. И грязной клеветой на наших воинов являются утверждения некоторых зарубежных «историков», будто Красная Армия, в том числе и ее артиллерия, были плохо обучены и не были готовы к сражениям с сильным и умелым врагом. Сам ход оборонительных сражений наших войск в первые месяцы войны, их итог, выразившийся в разгроме лучших сил фашистского вермахта и в крушении стратегических замыслов гитлеровского генерального штаба наглядно опровергает злобные вымыслы современных буржуазных фальсификаторов истории.

Но вернемся к тому времени. И 1 и 2 июля 1941 года все попытки гитлеровцев прорвать оборону Московской мотострелковой дивизии и захватить шоссе, чтобы устремиться на восток, потерпели провал. Враг понес большие потери в живой силе и технике и, в который уже раз с начала войны! — почувствовал великую силу сопротивления наших войск.

Вспоминаю: в единоборстве с фашистскими танками в те дни особенно отличились бойцы и командиры 12-го танкового полка. Свыше двух часов отражали они ожесточенный натиск врага и все же остановили его.

Особенно памятным для Московской стрелковой дивизии был день 6 июля. Впервые с начала боев она перешла в наступление и разгромила противника. А произошло, скажу кратко, вот что.

Вечером 5 июля гитлеровцы прорвались на Минское шоссе и захватили его на участке от Славени до Толочина. Частям дивизии было приказано отбить у противника Толочино и освободить шоссе. В результате яростного боя наши воины отбросили фашистов на 17—20 километров и успешно выполнили поставленную задачу. Враг потерял до 200 солдат убитыми, 800 пленными, оставив на поле боя 350 исправных автомашин.

Несмотря на большие потери, гитлеровцы рвались на восток. Утром 10 июля части Московской стрелковой дивизии заняли оборону на берегу реки Ардов, западнее города Орша. И сразу же на них обрушились удары немецкой авиации и артиллерии. А затем начались атаки пехоты и танков.

Москвичи стояли насмерть. Многие и многие фашисты нашли здесь свою гибель от меткого огня наших воинов. Были отбиты пять танковых атак врага. Но он не прекращал попыток пробить брешь в нашей обороне: подбрасывал на поле боя все новые и новые силы. И вот уже в шестой раз двинулись немецкие танки в атаку на огневые позиции советских артиллеристов. Началась грозная дуэль между танками и орудиями. При отражении этой атаки бессмертной славой покрыл себя наводчик орудия старший сержант Николай Дмитриев.

Еще в мирное время он был замечательным мастером своего дела, дисциплинированным и исполнительным воином. За успехи в боевой и политической подготовке удостоился знака «Отличник РККА». Подлинное боевое мастерство, смелость и отвагу показал сержант Дмитриев и в боях. Вместе с товарищами по орудийному расчету за десять дней он уничтожил пять танков, восемь пулеметов и несколько десятков солдат врага.

Как только была подана команда «Расчет, к орудию! По танкам, бронебойным, огонь!», Дмитриев занял свое место наводчика. Проворно вращая ручками подъемно-

го и поворотного механизмов, он навел перекрестие панорамы на башню головного танка. Секунду выждал и нажал на спусковой рычаг: раздался выстрел. Вражеский танк замер. Еще выстрел — для верности. Над башней показался дымок.

Второй танк успел выстрелить по орудию. Взрывной волной Николая швырнуло к станине, и он потерял сознание.

Сколько продолжалось беспмятство, он не знал. Может быть минуту, может, и пять. Когда пришел в себя и огляделся, то первое, что бросилось ему в глаза, — безжизненные тела товарищей.

«Неужели один остался? Нет. Кто-то шевелится». Это был командир орудия, молоденький сержант, только сегодня прибывший в расчет. Дмитриев приподнялся и, преодолевая боль от раны в плече, подполз к сержанту.

— Куда вас? — спросил он.

Командир орудия открыл глаза, тихо, но твердо приказал:

— К орудию! По танкам — огонь!

Николай, чувствуя, как с каждой минутой силы возвращаются к нему, встал на ноги, дослал снаряд в казенник. Потом прильнул к панораме. Приземистые бронированные машины ползли на орудие.

Выстрел. Один танк остановился. «Теперь бы сразу по второму ударить... Но надо зарядить орудие, потом уточнить наводку. Бегут драгоценные секунды. Был бы еще кто-нибудь! Нет никого. Самому надо все делать...» Дмитриев взял снаряд, зарядил орудие. Секунда — и перекрестие панорамы на башне фашистского танка. Выстрел! Есть!

Дмитриев о себе не думал. Перед его глазами стояли товарищи — еще несколько минут назад живые, веселые. Они лежали мертвые и словно зывали к нему о

мщении — за них самих, за их матерей и жен, за поруганную родную землю.

Дмитриев действовал почти автоматически, не обращая внимания на то, что враги вели частый огонь по нему и снаряды разрывались близко. Подбил еще один танк. Теперь их уже четыре. И два бронетранспортера.

Когда врага отогнали, наши солдаты нашли сержанта Дмитриева у орудия. Он был тяжело ранен. В госпитале хирурги извлекли из его тела семнадцать осколков. Он выжил.

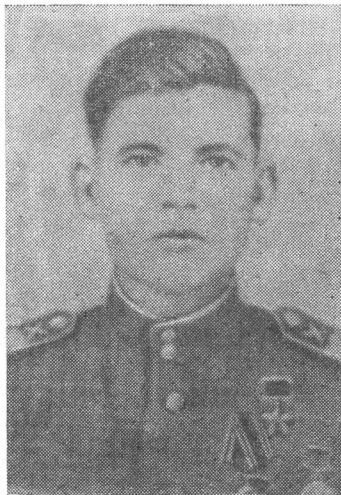
«Пройдут дни, недели, месяцы, — думал я. — О подвиге Николая Дмитриева

расскажут агитаторы и политработники нашей армии и флота. О нем напишут газеты. И то, что совершил Дмитриев, повторят сотни наводчиков, ибо у наших воинов всегда на вооружении окрыляющий девиз: «Бери себе в пример героя и следуй за ним».

А вскоре Президиум Верховного Совета СССР за этот подвиг присвоил Николаю Михайловичу Дмитриеву звание Героя Советского Союза.

Артиллеристы дивизии гордились своим героем и в последующих боях повторили и приумножили его подвиг.

Истоком массового героизма советских людей были непоколебимая верность идеям коммунизма, преданность делу родной Коммунистической партии, любимой

Герой Советского Союза старший сержант Н. М. Дмитриев

Советской Отчизне. Высочайшая идейная убежденность, пламенный патриотизм и ненависть к фашистским захватчикам вели наших воинов на беспримерные подвиги во имя светлой цели.

Тем временем события разворачивались все более стремительно и напряженно.

В ночь на 7 июля командир танковой дивизии генерал-майор танковых войск Ф. Т. Ремизов приказал подчиненному ему 18-му мотострелковому полку совместно с 18-м гаубичным артиллерийским полком немедленно выступить из занимаемых районов на запад по маршруту Рудня — Бабинович — Богушевск — Сенно и при встрече с противником атаковать и разгромить его.

18-й мотострелковый полк (сп) начал движение около часу ночи. Его командир полковник А. Гладков в составе группы командирской разведки вместе с командиром дивизии и командиром 18-го гаубичного артполка Д. Брюховым следовал в голове колонны главных сил. На рассвете генерал Ремизов получил донесение о том, что передовой отряд соединения на восточной окраине города Сенно натолкнулся на противника и, пытаясь сбить его с занимаемых позиций, завязал ожесточенный бой. Главные силы дивизии в это время прошли город Богушевск и находились в нескольких километрах западнее его.

Командир дивизии решил подкрепить передовой отряд вторым и третьим батальонами 18-го мотострелкового полка, первым и вторым дивизионами 18-го гаубичного артполка.

Получив приказание, батальоны и дивизионы устремились вперед.

На следующий день, перед восходом солнца, они уже были на месте. Командир гаубичного артполка, выбравший себе наблюдательный пункт на безымянной высоте восточнее Сенно, хорошо видел, как батальоны с ходу

атаковали фашистов, засевших в окопах и окраинных зданиях города.

Гитлеровцы вели сильный огонь из пулеметов и минометов. Особенно нашим пехотинцам досаждала минометная батарея, расположенная позади белого двухэтажного дома, возвышавшегося в центре города. Стрелки залегли, атака захлебнулась. В этот момент вступила в бой артиллерия. Батареи уже стояли на огневых позициях, а их командиры заняли наблюдательные пункты.

Массированный огонь наших 152-миллиметровых гаубиц-пушек обрушился на немцев. Мощные разрывы накрыли расположение вражеских минометчиков. Это стреляла первая батарея, которой командовал старший лейтенант Тугарев. Пехота снова поднялась в атаку и вскоре освободила восточную половину города.

Тут, надо сказать, против наших войск действовали части 17-й танковой дивизии из группы Гудериана.

В бою за город Сенно произошел весьма знаменательный эпизод, в котором наглядно проявился высокий патриотизм советских граждан. Под вечер на НП командира гаубичного артполка Д. Брюхова пришел местный житель — мужчина лет пятидесяти, высокий, с начинающей сидеть бородой. Он сумел пройти под огнем с занятой врагом территории, ежесекундно рискуя погибнуть от пули или осколка снаряда (жаль, что никто не записал тогда его фамилии), и сообщил, что в лесу, западнее города, на поляне гитлеровцы устанавливают орудия. Видимо, он когда-то был солдатом, потому что на карте быстро нашел поляну и указал, где оборудуются вражеские огневые позиции.

Через полчаса гаубичные дивизионы старшего лейтенанта Шаренкова и капитана Скверчинского произвели пятиминутный огневой налет по гитлеровским батареям.

Когда дивизия полностью освободила город Сенно, стало известно, что артиллеристы очень удачно накрыли

вражеский дивизион, разбили несколько орудий и тягачей. И как все это важно было для нас в те суровые дни!

Вспоминается и еще один эпизод той поры, который убедительно говорит о таком ценном качестве наших артиллерийских командиров, как военная хитрость.

Почти весь день 7 июля над расположением советских войск летал самолет-разведчик, который за своеобразную форму крыльев и пилотской кабины солдаты прозвали «горбылем». Артиллеристы, конечно, поняли, что он фотографирует боевые порядки. И знали, что вслед за этим последует налет бомбардировщиков или удар вражеской артиллерии. Они решили перехитрить фашистов.

Вечером все наши батареи ушли на другие позиции, а на прежних оставили маскировочные сети и ящики из под снарядов.

В 8 часов вечера следующего дня действительно появились 18 пикирующих Ю-87. Не делая обычного полукруга, они сбросили бомбы на ложные позиции батарей.

Надо было видеть наших солдат, торжествовавших над тем, как немецкие летчики усердно бомбили пустые места. Впоследствии советские артиллеристы не один раз успешно использовали подобный прием.

Бои за город Сенно запомнились мне и еще одним фактом, имевшим важные последствия в борьбе нашей артиллерии с фашистскими танками.

Как я уже говорил, на боевые качества своих танков немецкий генералитет и сам Гитлер возлагали огромные надежды. Мы в предвоенное время, конечно, знали об этом. Многие командиры слышали о книге немецкого генерала Г. Гудериана «Внимание, танки!», теоретические положения которой проверялись фашистами в войне против Польши и Франции. Однако почему-то считалось (а в наставлении по стрельбе об этом говорилось), что успешно поражать бронированные цели способна только

противотанковая артиллерия. Жизнь опровергла эти убеждения.

Утром 10 июля в районе артиллерийских позиций слышалась частая стрельба танковых пушек и глухие выстрелы гаубиц. Что такое? Оказалось, что к первой батарее, которой командовал уже упоминавшийся старший лейтенант Тугарев, прорвалось восемь танков. Немцы увидели батарею и ринулись на нее. Но было поздно. Расчеты успели развернуть свои орудия навстречу бронированным машинам и открыли по ним прицельный огонь. Разрыв 152-миллиметрового снаряда около танка опрокидывал его. А о результатах прямого попадания даже говорить нечего.

Три уцелевшие вражеские машины поспешно покинули поле боя. А опыт применения тяжелых орудий в борьбе с танками, полученный на нашем и других фронтах, в скором времени лег в основу специальной инструкции. В ней предписывалось вести бой с танками всеми имеющимися на вооружении Красной Армии орудиями. Это заметно повысило наши возможности в организации противотанковой борьбы, способствовало преодолению «танкобоязни», которой страдала некоторая часть воинов...

18-й гаубичный артполк находился в корпусном, то есть в моем непосредственном подчинении. Поэтому я хорошо знал, что в боях за освобождение города Сенно весь его личный состав, начиная от командира до орудийных номеров и водителей артиллерийских тягачей, проявил высокие качества — мужество, храбрость. Солдаты, сержанты, командиры выполняли свои обязанности энергично и сметливо, не страшась ни бомбежек, ни сильного огня противника, ни атак его танков. Пример смелости и отваги, как обычно, показывали коммунисты и комсомольцы. Заместитель командира полка по политической батальонный комиссар П. Л. Емельяненко, по-

мимо своей непосредственной работы, обеспечил бесперебойный подвоз боеприпасов на огневые позиции, занимался об организации своевременного питания личного состава, находился на самых трудных и ответственных участках боя. Отличился смелостью и инициативными действиями командир 2-го дивизиона капитан Скверчинский.

К сожалению, несколько дней спустя он был тяжело ранен и умер в медсанбате. Заслуживают доброго слова и храбрые, искусные в артиллерийском деле командиры батарей Тугарев, Сандаков и Чабан, командир огневого взвода лейтенант Гужаловский и многие другие воины.

Рассказывая о первых боях артиллеристов 7-го механизированного корпуса, их мужестве и высоком воинском мастерстве, благодаря которому они не раз били хваленых вояк вермахта, мне хотелось бы поведать еще об одном боевом эпизоде.

12 июля 1941 года наша 14-я танковая дивизия совершала марш в район Вязьмы. По параллельной ее маршруту шоссейной дороге Демидово—Духовщина двигалась колонна фашистских танков и бронетранспортеров, прорвавшихся на соседнем участке фронта. Расстояние между дорогами местами не превышало четырех километров. Но ни наши танкисты, ни немцы не подозревали о том, что они идут так близко друг от друга.

Вечером, когда советские танкисты остановились на привал, они слышали шум моторов и лязг гусениц. Командир дивизии полковник И. Д. Васильев приказал начальнику артиллерии майору Е. П. Липовскому срочно выслать к шоссе разведчиков, чтобы выяснить, кто и в каком направлении там движется.

Через два часа командир взвода разведки старший лейтенант Киселев доложил, что на шоссе у деревни ос-

тановились на привал около сотни танков и бронетранспортеров противника. Немцы вели себя беспечно и боевого охранения не выставили, что с ними случалось очень редко.

Решение напрашивалось само собой: нанести врагу внезапный удар и уничтожить его. Полковник Васильев решил поручить выполнение этой задачи артиллеристам.

Ближе всех к немцам располагался дивизион, которым командовал капитан Шепелев. Ему и приказали под покровом ночи незаметно занять огневые позиции для стрельбы прямой наводкой.

Ночь была безветренная. Тучи закрывали звезды, иногда накрапывал мелкий дождь. Стояла тишина. Лишь издалека, откуда-то из района Витебска, доносились звуки редкой артиллерийской стрельбы.

Капитан Щавелев с командирами батарей тщательно изучили предполагаемый рубеж, на котором должны располагаться орудия, и подступы к нему. Рубеж проходил по высоте, метрах в 600—700 от противника.

Щавелев хотел поставить пушки на указанные места незадолго до рассвета. Чтобы не создавать шума, орудия решили выкатить на руках. На каждое выдали по десять снарядов. Первый залп должны были произвести по команде майора Липовского. Предусмотрели, что после окончания стрельбы расчеты так же на руках откатывают орудия в укрытие, где их будут ждать тягачи.

До рассвета оставалось еще не менее получаса, а пушки уже стояли на своих местах. Наводчики устанавливали на прицельном механизме исходные данные для стрельбы, подносили снаряды протирали снаряды. Все это делалось бесшумно. Около половины пятого рассвело, хорошо стали видны стоявшие открыто на шоссе танки, бронетранспортеры и большие, покрытые тентами грузовые автомашины оккупантов. Можно было открывать огонь.

Майор Липовский поднял руку и резко опустил ее. Раздался оглушительный залп. А потом каждое орудие стреляло в самом высоком темпе, на который способны расчеты.

Было видно, как снаряды рвались прямо на шоссе, среди вражеских машин. Там поднялась паника. Солдаты прыгивали с бортов грузовиков и бронетранспортеров и тут же падали, сраженные осколками. Дым черными клубами поднимался над колонной.

Ни одного ответного выстрела не раздалось со стороны противника — он был ошеломлен. Потом мы узнали, что шесть орудий дивизиона, участвовавших в огневом нападении на врага, за две-три минуты сожгли 16 танков, 11 бронетранспортеров и автомашин, убили и ранили около ста фашистов.

После выполнения задачи артиллеристы присоединились к своему полку. На марше их встретил командующий 19-й армией генерал И. С. Конев (ныне Маршал Советского Союза). Его легковая машина свернула на обочину дороги. Командир дивизии Васильев и майор Липовский представились ему, он улыбнулся.

— Кто из ваших такой «концерт» немцам устроил? — спросил Конев.

Комдив доложил подробности.

— Молодцы, артиллеристы! — похвалил участников боя генерал. — Достойных представьте к награждению орденами и медалями. Действуйте так и впредь!

— Есть! — ответил командир дивизии.

— Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1941 года многие артиллеристы, в том числе и майор Е. П. Липовский, были награждены орденами и медалями.

...Хочется сказать и о действиях входившего в состав 7-го мехкорпуса 471-го пушечного артиллерийского полка (ПАП). Он участвовал во всех вышеупомянутых первых

боях с гитлеровцами, и его бойцы и командиры показали такие же высокие морально-боевые качества, как и воины других соединений и частей корпуса. 471-й полк внес немалый вклад во всеобщее дело ослабления вражеских дивизий, рвавшихся к Москве. Светлой памяти и признательности нашего народа заслужили многие герои этой части, отдавшие свою жизнь и пролившие кровь в жестоких боях с врагом на дальних подступах к столице.

Утром 25 августа 1941 года командованию корпуса стало известно, что в лесу севернее и северо-восточнее деревни Сапрыкино (5 километров северо-западнее станции Ярцево) сосредоточилась группировка войск противника в составе до двух пехотных полков, пяти танковых батальонов и пяти-шести артиллерийских дивизионов. Гитлеровцы изготовились для нового удара по нашей обороне. Командир корпуса решил упредить противника. Он приказал 471-му пушечно-артиллерийскому полку совершить огневое нападение на выявленную группировку фашистов.

В течение дня артиллерийские разведчики уточняли район расположения вражеских войск, а командиры дивизионов и батарей готовили исходные данные для стрельбы по указанным им участкам.

В 22 часа 30 минут небо над районом огневых позиций части осветилось вспышками многочисленных пушечных выстрелов. Огонь полка оказался точным и ошеломляющим и нанес врагу крупные потери. Намеченное на утро следующего дня наступление гитлеровских войск было отменено.

Через несколько дней полк нанес сокрушительный огневой удар по выдвинувшейся к фронту автоколонне противника, уничтожив около 40 грузовиков с боеприпасами.

Не могу не сказать, что в точных, эффективных действиях 471-го пушечного арtpолка сказалось умелое и четкое руководство его командира И. П. Азаренкова.

Именно он в те дни предложил почаще менять расположение огневых позиций артиллерии, чтобы вводить противника в заблуждение относительно ее истинного количества. Он был горячим сторонником массированного огня в масштабе полка.

Заканчивая рассказ о действиях артиллерии летом 1941 года, не могу не повторить, что первый период войны был для нашей Родины и ее армии исключительно трудным. Враг превосходил нас в своих силах, технике и вооружении, он уже имел большой опыт боевых действий. Но его дивизии не смогли идти по нашей земле победным маршем. Каждый рубеж, каждый населенный пункт ему приходилось брать в жестоком бою.

В те грозные дни множество советских воинов, стоявших на пути врага, проявляли чудеса героизма и самоотверженности, замечательную боевую выучку, дисциплинированность, готовность до конца сражаться за свою любимую Родину. Именно этим и можно объяснить, что хорошо вымуштрованные, до зубов вооруженные новейшей по тому времени техникой и оружием, опьяненные легкими победами в Центральной и Западной Европе фашисты встречали растущее сопротивление наших войск, метались в поиске слабых мест в советской обороне и все более теряли первоначально достигнутые темпы наступления.

Как очевидец и участник событий того времени могу засвидетельствовать, что немецко-фашистские войска встретили в лице Красной Армии могучего и грозного противника, который в скором времени наглядно доказал свою подлинно исполинскую силу.

Летом и осенью 1941 года, в тяжелое для нашего народа время, преданность и любовь к Родине доказали все советские люди. Они самоотверженно трудились в цехах заводов и на колхозных полях, ге-

роически дрались с врагом в жестоких схватках у берегов Немана и Березины, на просторах Украины и в лесах Белоруссии... Вершиной испытания их беспредельной преданности Советской Родине, верности делу ленинской партии стала Великая Отечественная война против гитлеровских полчищ, вероломно вторгшихся в нашу страну. И одним ее важнейшим историческим событием явилась битва под Москвой.

Бронированные полчища врага с первого дня войны рвались к сердцу нашей Родины. Немецкие фашисты стремились любой ценой захватить и смести с лица земли столицу первого в мире государства трудящихся. И поэтому не жалели они ни солдат, ни танков, ни самолетов. Захватом Москвы оккупанты надеялись победоносно закончить войну, а наш народ превратить в своих рабов. Но враг жестоко просчитался.

Непоколебимая стойкость и самоотверженность, боевое мастерство и храбрость советских воинов, поддерживаемых всем народом, оказались сильнее огня и стали.

Защита Москвы и развернувшееся затем сокрушительное контрнаступление советских войск изобилуют приме-

рами невиданной отваги и героических подвигов наших солдат, командиров, воинов всех видов и родов войск. Перед величием духа советских людей, вставших на оборонительных рубежах под Москвой, была развеяна в прах спесивая гордость немецко-фашистских захватчиков. Здесь они впервые с начала второй мировой войны по-настоящему столкнулись с невиданно огромной и непонятной для них силой народа-исполина.

Моя родная Московская мотострелковая дивизия и ее артиллерийский полк также отличились в боях за нашу столицу. 21 сентября она за успешные сражения на реке Березине и под Оршей одной из первых в Красной Армии получила звание гвардейской. Дивизия была также награждена орденом боевого Красного Знамени. В приказе Народного комиссара обороны СССР по этому поводу говорилось, что в многочисленных боях за нашу Советскую Родину против гитлеровских захватчиков 1-я Московская мотострелковая дивизия неоднократно наносила жестокие поражения немецко-фашистским войскам, обращала их в бегство, наводила на них ужас.

22 октября в 6 часов утра дивизия получила приказ занять рубеж в трех-четыре километрах западнее и юго-западнее Наро-Фоминска и во взаимодействии с другими войсками остановить здесь наступление врага. Утром следующего дня ее 175-й мотострелковый полк уже вел бой с прорвавшимися к подмосковному городу танками и автоматчиками противника. На помощь ему пришли два дивизиона арtpолка. В ожесточенной схватке фашисты были остановлены. Но они не отказались от мысли захватить Наро-Фоминск и бросали в бой новые силы.

Им удалось ворваться в юго-западную часть города. Горячие бои завязались за здания прядильно-ткацкой фабрики, за каждый дом фабричного городка. Наши

войска перешли в контратаку и выбили оккупантов из захваченных ими домов.

Собравшись с силами, фашисты вновь атаковали защитников Наро-Фоминска и опять были выбиты за его пределы. Тогда враг предпринял наступление на участке, который обороняли небольшие силы нашей пехоты и несколько батарей артполка. Пьяные гитлеровцы, ведя яростный огонь из автоматов, во весь рост шли на окопы. Они надеялись запугать советских солдат.

Но командир артполка Ботвинник быстро организовал заградительный огонь. Снаряды обрушились точно на атакующие цепи фашистов. Понесся большие потери, гитлеровцы отступили на исходные позиции. В этот день противник так и не сумел добиться успеха.

Однако опасность сохранялась. Именно тогда командование и политотдел дивизии обратились к бойцам, командирам и политработникам с воззванием.

«Храбрые танкисты! Прославившие себя артиллеристы,— говорилось в нем.— Бесстрашные пехотинцы, истребители, разведчики, саперы, водители! Поклянемся перед нашими матерями, давшими нам жизнь. Поклянемся перед партией, Советским правительством, что всю нашу ненависть к врагу, силу, мощь оружия обрушим на поганые головы фашистских бандитов.

Москва — это сердце нашей Родины, и если будет нужно, то каждый из нас отдаст свою жизнь за наш родной любимый город.

За Советскую Родину! За социализм! Ни шагу назад! Вперед и только вперед, и победа будет за нами!»

Напечатанное в дивизионной газете «На штурм», это воззвание еще больше воодушевило воинов.

Битва за Москву с каждым днем становилась все ожесточеннее. Наиболее кровопролитные бои шли на Можай-

ском, малоярославском, наро-фоминском и волоколамском направлениях. Москва стала прифронтовым городом.

24 октября дивизия получила задачу — очистить Наро-Фоминск от противника. В каждом подразделении были созданы штурмовые группы в составе стрелкового взвода, одного танка, одного орудия и двух-трех саперов. Артиллерийские командиры с наблюдателями и средствами связи выдвигались вперед как можно дальше.

Начальник артиллерии дивизии Артемий Иванович Холодный наладил взаимодействие дивизионов и батарей с батальонами и ротами. Особое внимание в предстоящем уличном бою он обратил на действия орудий сопровождения. Наши батареи и орудия, выделенные для стрельбы прямой наводкой, вели по противнику огонь.

В 16 часов один полк под прикрытием артиллерийского огня форсировал реку Нару и захватил северную окраину города, другой вышел на западную, а третий занял юго-восточную окраину. Лишь юго-западная окраина города оставалась в руках противника.

Такие же упорные бои велись и на всех других участках фронта. И там артиллерия вела самые активные боевые действия, нанося врагу большие потери.

В первых числах ноября наступление гитлеровцев под Москвой было остановлено почти на всех направлениях.

Наступила ночь на 7 ноября. В напряжении были артиллеристы, ожидая сюрпризов от врага. Но она прошла спокойно, а в 10 часов артиллерийский полк облетела весть: в Москве на Красной площади по сложившейся традиции состоялся парад войск. Впервые за свою 15-летнюю историю артиллеристы Московской дивизии не участвовали в параде. На этот раз они несли боевую вахту, охраняя покой советской столицы. В этот же день было получено сообщение о награждении артиллеристов орденами и медалями.

В полку чествовали прославленного на всю дивизию старшего лейтенанта Матвея Цыпкина. Его называли «гроза фашистов». Батарея Цыпкина подбила несколько танков, уничтожила много пулеметов и минометов, а также живой силы врага. Его наградили орденом Красного Знамени и назначили командиром артдивизиона. На полковом митинге старшему лейтенанту Цыпкину вручили личный подарок Михаила Ивановича Калинина — комплект теплого обмундирования. На подарке стояла надпись: «Вручить лучшему воину вашей части».

Я гордился своими сослуживцами-артиллеристами.

В первой половине октября штаб 16-й армии прибыл в район Можайска. В это время я уже был начальником артиллерии этой армии. В городе находился командующий фронтом генерал армии Г. К. Жуков. Он приказал командарму 16-й генералу К. К. Рокоссовскому выйти со штабом в район Волоколамска и подчинить себе все части, расположенные на широком фронте от Московского моря до Рузы.

Выйдя на волоколамское направление, армия начала действовать в обновленном составе.

Противник сосредоточил на московском направлении против наших фронтов западного направления 80 дивизий, в том числе 14 танковых и 9 моторизованных. Но для немедленного наступления у него не хватало сил и средств. Главной причиной были его огромные потери в живой силе и боевой технике. Противнику требовалось время, чтобы пополнить свои дивизии и подготовиться к дальнейшему наступлению. Мы же стремились воспользоваться этой передышкой и, в свою очередь, подготовиться к предстоящим боям. На нашем рубеже имелся всего один противотанковый ров да и тот находился на левом фланге армии. Поэтому вся ответственность за противотанковую оборону легла на артиллеристов.

На танкоопасных направлениях каждой стрелковой роте придали по четыре-шесть орудий. Конечно, для боя с многочисленными танками этого было недостаточно. Все знали, что предстоят неравные схватки, так как противник бросил в бой множество бронированных машин. Понимая, что здесь артиллерия может явиться главной силой, наши бойцы и командиры делали все возможное, чтобы встретить врага во всеоружии. Расчеты тщательно оборудовали огневые позиции, отрыли глубокие окопы и щели, создали перед своими орудиями минные поля.

Во всех артиллерийских полках прошли митинги, партийные и комсомольские собрания, сыгравшие огромную роль в моральной подготовке личного состава к боям за Москву. Мне довелось побывать на одном из таких собраний — в части капитана З. Г. Травкина. Коммунисты выступали немногословно, но горячо и убежденно. Все они говорили о самом главном — о своем месте в бою, и не вообще, а конкретно, в зависимости от воинской специальности каждого. С особым волнением звучали их слова о защите столицы Родины.

Мне были понятны и близки чувства и мысли, владевшие ими. Московское море. Волоколамск, Руза... Все эти дорогие сердцу места становились теперь полем жестокого сражения; до них докатилась война!

Утром 11 октября в районе Лотошино, западнее Волоколамска, в походном порядке с боевым охранением продвигалась 2-я танковая немецкая дивизия. Впереди нее в походной колонне, никого не опасаясь, шло ее боевое охранение в составе разведывательного отряда, танковой роты, роты бронемашин, взводов тяжелого оружия и связи, роты мотоциклистов.

Подпустив вражеское боевое охранение на 400—500 метров, открыла огонь противотанковая батарея 316-й стрелковой дивизии (впоследствии переименована в 8-ю

гвардейскую имени И. В. Панфилова стрелковую дивизию).

Эта батарея имела боевую задачу прикрывать мост через реку Лобь. Она вышла на указанный рубеж и в первый же день подбила танк и бронемашину врага. Остальные танки, отстреливаясь, отошли в свой тыл. Командир батареи старший лейтенант Борис Петрович Владимиров получил приказание не разрушать мост, а сберечь его для наших войск. Однако захваченные пленные показали, что они из состава 2-й танковой дивизии входили во 2-й разведывательный отряд и что в 10 километрах за ними следуют главные силы дивизии на Волоколамск, Истру, Москву. Стало ясным — мост надо взорвать. Старший лейтенант Владимиров приказал командиру отделения разведки Ежову с группой бойцов выполнить приказ. Немцы заметили их на подходе к реке и открыли артиллерийский и пулеметно-автоматный огонь, а затем бросили в атаку танки и мотопехоту. Наши батарейцы подбили два танка и бронемашину, уничтожили до взвода вражеских автоматчиков. Вторая атака также была отбита. Сержант Ежов с группой разведчиков пробрался к мосту и подорвал его.

В ночь на 12 октября в Лотошино прибыла рота курсантов училища Верховного Совета РСФСР. В это время вражеская пехота, поддерживаемая 16 танками и тяжелыми бронемашинами, вновь перешла в атаку. Семь танков противника под прикрытием огня артиллерии с ходу форсировали реку и прорвались к окопам курсантов. Батарея Владимирова подбила три вражеских танка. Четыре машины прорвались на позиции и «утюжили» окопы. Батарейцы Владимирова, боясь поразить курсантов, перенесли огонь на танки противника, подходившие к реке из глубины. Артогнем враг был снова отброшен на исходные позиции. Из четырех танков, которые «утюжили» окопы, два были подбиты курсантами, одну машину, про-

рававшуюся на позицию батареи с тыла, расстреляло второе орудие. И лишь четвертый танк, маневрируя, ушел за реку.

Пехоте противника под прикрытием огня минометов и орудий удалось все же переправиться через реку. До двух взводов гитлеровцев приближалось к огневой позиции батареи. Владимиров вынужден был прекратить огонь по танкам и заняться отражением атаки немецкой пехоты. Владимиров был ранен, но не оставил своей батареи.

16 октября батарея вместе с подразделениями курсантского полка устроила засаду против фашистской колонны пехоты в районе Сырково—Ярополец. Артиллеристы подпустили вражеские танки на 60—80 метров и в упор стали расстреливать их. Враг потерял 8 танков, 3 бронемашин и около 10 автомобилей.

Но, подтянув свежие силы, 19 октября фашистские войска снова несколько раз атаковали позиции в Яропольце. В этот день было отбито 10 танковых атак. Наши орудия находились в боевых порядках пехотных подразделений и своим огнем поддерживали курсантов. 20 октября утром противник вновь предпринял атаку. Артиллерийским, пулеметным и автоматным огнем она была отбита.

Но враг наседал. Более трех часов его авиация «обрабатывала» наш передний край, а затем гитлеровцы сразу же перешли в наступление. И опять враг напоролся на наш артиллерийский огонь. Не считаясь с огромными потерями, немецко-фашистское командование посылало в бой все новые и новые воинские части.

Тогда-то командир курсантского полка С. И. Младенцев и ввел в бой резервный батальон. Полк занимал широкий участок обороны, а артиллерии было недостаточно. Младенцев решил: надо чтобы приданные ему пушки маневрировали вдоль фронта, создавая видимость насыщенности артиллерией на участке обороны. Такие

орудия назывались кочующими. В этих многодневных боях все атаки противника разбились о стойкость курсантов и артиллерийских подразделений.

20 октября я вместе с командирами штаба артиллерии армии побывал на батарее Владимирова. Все его орудия были выставлены на стрельбу прямой наводкой, а перед ними на поле боя уже дымились подбитые немецкие танки.

Понеся большие потери, оккупанты до 25 октября не проявляли активности в районе Яропольца. По данным разведки, они готовили удар на правом фланге курсантского полка, поэтому перебросили туда свежие части своей 106-й пехотной дивизии. Командование нашей дивизии перебросило на этот участок батарею Владимирова и тяжелый артиллерийский дивизион Московского артиллерийского училища.

26 октября противник возобновил наступление. Его пехота наступала при поддержке большого количества танков и бронемашин. В этот день гитлеровцы предприняли три атаки, но все они были отбиты огнем тяжелого дивизиона Московского артиллерийского училища и батареи Б. П. Владимирова.

На шоссе Ярополец — Клин в районе деревень Масленниково и Ботово фашисты прорвались через боевые порядки одного стрелкового полка. Батарея Владимирова быстро выдвинулась на открытую огневую позицию и обрушила огонь на фланг, выходящий на шоссе колонны врага. Подоспевший дивизион 857-го артиллерийского полка 316-й стрелковой дивизии также открыл огонь по наступающим цепям. Понеся большие потери, гитлеровцы отошли.

29 октября с утра повторилось все опять. Первой начала действовать вражеская авиация, потом артиллерия, а затем пехота с танками пошла в атаку на передний край курсантского полка и правого фланга 316-й дивизии.

Командир артиллерийской батареи старший лейтенант Б. П. Владимиров. Под его командованием батарея отважно громила фашистов под Москвой в 1941 году

И здесь врага встретила прославившаяся батарея Б. П. Владимирова. Вместе с тяжелым дивизионом Московского артиллерийского училища она своим огнем помогала курсантскому полку отбивать атаки немецких танков.

Чтобы больше не возвращаться к действиям батареи старшего лейтенанта Владимирова, скажу — на ее примере видно, на что способно крепко сложенное, хорошо обученное и решительное в своих действиях даже небольшое артиллерийское подразделение. Как читатель успел заметить, батарея, состоявшая из четырех орудий, обладала высокой маневренностью. Ее перебрасывали с

одного участка на другой, иногда по несколько раз в день. Были случаи, когда она с ходу разворачивалась в боевой порядок и быстро открывала огонь. Батарея способна была вести успешную борьбу с пехотой и главным образом с танками врага. Она в одинаковой степени успешно действовала как в обороне, так и в наступлении, отражала атаки и активно участвовала в контратаках. Такая подвижность в бою батарей делала артиллерию в годы всей войны очень эффективным средством вооруженной борьбы.

По мере нарастания опасности, угрожавшей столице, возрастала роль нашей артиллерии. В непрерывно менявшейся обстановке сталкивались порою далеко не равные силы, на артиллеристов возлагались весьма сложные задачи. Это происходило потому, что противник, не считаясь ни с какими потерями, концентрировал на важнейших направлениях большие массы танков и моторизованной пехоты.

Нашей 16-й армии были приданы 289-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк Н. К. Ефременко, 296-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк капитана А. И. Алешкина, 523-й пушечный артиллерийский полк Резерва Главного Командования (РГК) капитана З. Г. Травкина, 525-й истребительный артиллерийский полк, 13-й и 14-й полки гвардейских минометов Горохова и Васильева, а также отдельные реактивные дивизионы К. Д. Карсанова, Богдана, И. Н. Анашкина и отдельный дивизион Московского артучилища. Артиллерии у нас в армии стало больше, и войска воспрянули духом, зная, что, пока ее полки и дивизии стоят на позиции, пехота чувствует себя под надежной защитой. Штаб артиллерии армии выдвигал ее для борьбы с танками на наиболее опасные направления и обеспечивал успех сухопутных войск. Вскоре истребительные противотанковые артиллерийские полки — 289-й под командованием майора Ефременко и 296-й под командованием капитана Алешкина, пополненные людьми и техникой, были направлены в район Волоколамска.

Доблестно сражались с врагом на Волоколамском направлении артиллеристы 316-й стрелковой дивизии генерала Панфилова. В октябре 1941 года они, как и пехотинцы, получили первое боевое крещение. Немецко-фашистские войска на всей полосе обороны дивизии перешли в наступление. На правом фланге в районе деревни Новинки 2-й дивизион артиллерийского полка поддержи-

вал стрелковый полк. Находившийся непосредственно на позициях и выполнявший роль стреляющего заместитель командира дивизиона Д. Поцелуев открыл по противнику огонь прямой наводкой двумя пушечными батареями. Артиллеристы-панфиловцы уничтожили много солдат противника и батарею противотанковых пушек. Вражеская атака была сорвана.

Однако бои не только не утихали, но все более разгорались. Особенно сильными они были на левом фланге дивизии в районе села Осташково, где действовал 1-й артдивизион.

Именно в эти тяжелые дни за образцовое выполнение заданий командования 67 артиллеристов-панфиловцев были награждены орденами и медалями; орден Красного Знамени получил командир артиллерийского полка подполковник Курганов.

Стремясь во что бы то ни стало добиться успеха, немецко-фашистское командование с каждым днем наращивало силу ударов. Фашистская пропаганда вещала на весь мир, что «непобедимые, доблестные, верные фюеру войска ведут победные бои на подступах к Москве». Правдой здесь было то, что бои действительно шли на подступах к Москве, но неправдой то, что эти бои были «победные». Здесь, в белоснежных полях под Москвой, враг истекал кровью, терял свои лучшие кадровые части и уже появились признаки его поражения. Фашисты предприняли атаку в направлении населенных пунктов Игнатково, Жилино, Осташево. В ней участвовало до 150 танков и полк моторизованной пехоты. Навстречу этой массе танков был брошен 296-й истребительный противотанковый артиллерийский полк капитана Алешкина и две батареи 357-го артиллерийского полка. Всю тяжесть удара врага они приняли на себя, так как пехота под натиском превосходящих сил противника отходила на новый рубеж в направлении села Становище. Лишившись

прикрытия, артиллеристы вынуждены были противостоять не только танкам противника, но и пехоте.

Противник за короткий срок потерял 22 танка. Но и наши артиллеристы понесли потери в людях и технике: было разбито 9 орудий с тракторами.

Фашисты продолжали развивать наступление. С большим трудом им удалось занять населенные пункты Бражниково, Жилино, Ивановское, форсировать реку Рузу и овладеть Осташевым. Затем оккупанты бросили в направлении села Спасс-Рюховское 35 танков. Наша разведка установила, что на южном берегу Рузы, в районе поселка Жилино сосредоточилось более 100 немецких танков.

Однако и мы не сидели сложа руки, а принимали необходимые меры, развернув армейский противотанковый резерв — 289-й истребительный артиллерийский полк и два реактивных дивизиона капитана И. Н. Анашкина.

Когда я прибыл в Спасс-Рюховское, чтобы лично проверить готовность артиллеристов командир 289-го полка Н. К. Ефременко доложил мне, что, по сведениям разведки, в районе Осташево фашисты сосредоточили большие силы пехоты и танков и, по всей видимости, в ближайшие дни предпримут сильную атаку на наши позиции. Поэтому он провел с подчиненными командирами рекогносцировку, в течение ночи на наиболее танкоопасных направлениях расставил батареи, боевые позиции были надежно оборудованы и замаскированы.

Боевой порядок полка состоял из двух эшелонов: в первом находились первая батарея капитана Котова, вторая батарея старшего лейтенанта Л. А. Шипневского, третья батарея старшего лейтенанта Д. К. Капацына и пятая батарея старшего лейтенанта А. И. Белякова; во втором — четвертая батарея капитана Сиромыха и шестая батарея, фамилию командира которой мне не удалось установить. Между ними была организована хорошая огневая взаимосвязь. Насколько прочна и надежна была

Н. К. Ефременко — командир
289-го истребительно-противо-
танкового полка (1941 год)

противотанковая оборона на этом участке, показали бои: при первой же попытке приблизиться к Спасс-Рюховскому враг потерял сразу 7 танков.

21 октября противник на этом направлении организовал разведку боем: теперь уже на позиции 289-го полка двигалось 17 танков и больше роты пехоты. В бой с ними вступили третья и пятая батареи и одна стрелковая рота батальона капитана Решетникова. Потеряв пять танков и до взвода пехоты, немцы отошли в лес у Осташева и до 26 октября не решались наступать на этом направлении.

Наступило тревожное затишье, какое обычно бывает только перед большим боем. В связи с этим были предупреждены все командиры артиллерийских частей и особенно командиры истребительно-противотанковых артиллерийских полков. Им было приказано усилить бдительность, постоянно всем быть на своих местах в готовности и встретить врага во всеоружии.

Командир 289-го полка майор Н. К. Ефременко вечером 25 октября вместе с комиссаром полка С. Ф. Немировым обошли все подразделения, побеседовали с бойцами и командирами, разъяснили им боевую задачу, устранили обнаруженные недостатки и недоделки.

В предвидении жестокого боя я приказал выложить

на огневые позиции по 100 снарядов на каждое орудие, а тракторы отвести в тыл, на опушку леса, и укрыть их в окопах. Все командиры батарей получили приказание открывать огонь по танкам только с расстояния 500—400 метров и одновременно всеми орудиями, расчетам вести бой до последнего снаряда.

Рано утром 26 октября артиллеристы слышали гул самолетов: в небе появились темно-серые контуры вражеских бомбардировщиков. Они летели в направлении Осташево. Шестая батарея, вооруженная зенитными орудиями, открыла огонь. «Юнкерсы», пикируя, засыпали бомбами боевые порядки полка. Но зенитчики открыли сильный огонь и сбили один самолет. Благодаря заблаговременной подготовке бомбежка не причинила полку значительных потерь.

Началась артиллерийская подготовка. Но и она оказалась безрезультатной. Люди и техника находились в хорошо оборудованных укрытиях. Вражеские самолеты повторили налет с бомбами более крупного калибра. Отлично оборудованные инженерные сооружения — блиндажи, глубокие щели — надежно предохраняли наших артиллеристов от рвавшихся бомб противника. Наши артиллеристы-зенитчики сбили еще два немецких самолета. В это время на батарее прибыл командующий 16-й армией Константин Константинович Рокоссовский. Высокий, стройный, подтянутый и, как всегда, спокойный, он выслушал короткий, четкий доклад майора Ефременко и одобрил выбор огневых позиций, похвалил организацию системы огня. Он приказал ему усилить наблюдение за левым флангом, подчинить себе стрелковые подразделения, используя их для прикрытия огневых позиций батарей. На прощание Рокоссовский сказал Ефременко:

— Надеюсь на артиллеристов. Вы не должны пропустить немцев в Спасс-Рюховское.

Через минут 30—40 вражеские танки выползли из леса севернее Осташево и двинулись на боевые порядки артиллеристов. Майор Ефременко и другие командиры насчитали их до 80, затем потеряли счет. Танки врага наступали эшелонами. За ними шла пехота.

Подпустив наступающие танки на расстояние прямого выстрела, все батареи полка одновременно повели интенсивный огонь. Открыли сильный ружейно-пулеметный и минометный огонь все стрелковые подразделения дивизии генерала И. В. Панфилова.

Выстрелы орудий, разрывы снарядов и мин, треск пулеметов и автоматов, рев танков — все слилось в сплошной гул. Начался тяжелый бой.

Над подбитыми фашистскими танками взвились языки пламени, к небу поднялись черные клубы дыма. Через некоторое время остановились еще с десятков вражеских танков, пробитых бронебойными снарядами нашей истребительной артиллерии. Но еще много стальных машин ползло на позиции артиллеристов, за ними бежали группами автоматчики, подбадривая себя воинственными выкриками.

Майор Ефременко приказал командирам батарей вести огонь поочередно бронебойными снарядами и шрапнелью. Первый же залп шрапнелью батареи лейтенанта А. И. Беякова образовал зметную брешь в цепи фашистских автоматчиков. Сквозь густой дым на поле боя просматривались танки. Интенсивно они атаковали батареи старших лейтенантов Беякова и Капачина. В критические моменты боя Беяков и Капачин сами становились за наводчиков и вели огонь, воодушевляя своих подчиненных. Командир взвода, лейтенант Сторижко, стрелявший за наводчика и уже подбивший четыре танка, получил тяжелое ранение. Артиллеристы перенесли его в ровик. Беяков подбежал к орудию и первым же выстрелом зажег приближающийся к позиции танк. Он про-

должал стрелять, и его метко выпущенные снаряды подожгли еще два танка. Остальные отвернули в сторону. Батарея Белякова потеряла три орудия.

Убедившись, что противотанковую оборону 289-го полка не пробить, противник направил свои танки в обход боевых порядков полка и Спасс-Рюховского. Одна часть танков пошла справа в направлении Клишино — Дубосеково — Волоколамск. Путь им преградил 296-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк капитана А. И. Алешкина. Другая часть танков направилась в обход Спасс-Рюховского слева: на Чертаново — Сапегино — Ново-Петровск. На этом направлении сопротивление им могли оказать только четвертая батарея 289-го полка капитана Сиромахо и вторая батарея старшего лейтенанта Л. А. Шипневского. Вражеские танки, учитывая сильный огонь нашей противотанковой артиллерии, двигались на больших скоростях и, казалось, вот-вот ворвутся на позиции четвертой батареи. Но капитан Сиромахо вовремя заметил маневр врага. Как только танки приблизились к огневым позициям на расстояние прямого выстрела, все орудия одновременно открыли огонь. Их поддерживала вторая батарея Шипневского.

Расчеты орудий действовали точно и быстро. Вскоре перед их позициями пылали уже пять немецких танков. Сержант Калинин в этой схватке был ранен в руку, но не оставил поля боя до тех пор, пока прямое попадание вражеского снаряда не разбило орудия.

Отважно дрались и другие расчеты батареи. Несколько танков все же ворвались на позиции четвертой батареи и начали «утюжить» щели, в которых укрылись наши расчеты. Три танка двинулись в направлении второй батареи. Их расстреляли прямой наводкой.

Майор Ефременко полагал, что все люди, находившиеся в укрытиях, после «утюжки» погибли. Но прочно оборудованные и глубоко отрытые окопы выдержали и

Герой Советского Союза гвардии младший сержант П. Д. Стемасов

спасли жизнь почти всему личному составу батареи. И как только танки ушли, бойцы и командиры начали подниматься из окопов, вытаскивать свое имущество и вооружение, занимать указанные им места в обороне. Прорвавшиеся на командный пункт майора Ефременко два танка вдруг остановились и начали обстреливать позиции шестой батареи. Наши разведчики и саперы, находившиеся поблизости в укрытиях, незаметно выбрались из блиндажа, связками гранат и бутылками с горючей жидкостью сожгли оба танка вместе с их экипажами.

Бой с танками длился уже более трех часов. Первая батарея уничтожила 7 танков, вторая — 5, третья — 17, четвертая — 11, пятая — 17, два танка было подбито у командного пункта полка, шестая батарея сбила 3 самолета противника.

Полк понес в этом бою также большие потери, но враг не прошел.

Так закончился под Москвой в районе села Спасс-Рюховское один из самых памятных дней боя 289-го истребительного противотанкового артиллерийского полка под командованием майора Николая Карповича Ефременко с немецкими захватчиками на волоколамском направлении. За этот бой полк был награжден орденом Красного Знамени. Свыше 120 бойцов, сержантов и офицеров по-

лучили боевые награды. Младший сержант Стемасов Петр Дмитриевич был удостоен звания Героя Советского Союза.

Вначале я говорил о том, что в современном скоротечном бою с быстроменяющейся обстановкой победа над врагом достигается усилиями воинов всех родов войск. Свой вклад в дело победы внесли не только стрелки, танкисты, летчики, артиллеристы, но и связисты, саперы и другие.

Вот начался бой. Противник наступал, его танки рвались к нашим позициям. Советские воины знали приказ — стоять насмерть, врага к столице Родины — Москве не пропустить. Это знал и Петр Стемасов — связист 3-й батареи старшего лейтенанта Д. К. Капацына. Он знал также, что его товарищи-артиллеристы, которым он обеспечивает связь, уже подбили 17 танков. Но противник не унимался.

В критический момент боя одно орудие батареи замолчало. Тогда старший лейтенант Капацын послал младшего сержанта Стемасова узнать, что случилось.

Прибежав на позицию, Стемасов увидел пушку, лафет которой засыпало землей. Из орудийного расчета остался в живых только наводчик Неронов. Ему, как умел, помогал тракторист Чоботов. Будучи старшим по званию, младший сержант Стемасов приказал откопать лафет, и все трое начали дружно работать. Тут выяснилось, что орудийная панорама разбита. Наводчик побежал за запасной панорамой, а в это время показались вражеские танки.

Сохраняя присутствие духа, младший сержант решил стрелять по ним. Он ведь был артиллерийским связистом. Хорошие командиры, заботясь о взаимозаменяемости, обучали и телефонистов работать у орудий. Правда, Сте-

масов раньше никогда не стрелял боевыми снарядами, однако, часто наблюдая за стрельбой, он имел представление, как вести огонь по танкам. Стемасов стал наводить орудие на приближавшийся танк. С помощью Чоботова он зарядил орудие и выстрелил. Танк судорожно дернулся и замер на месте. В следующую минуту из него вырвались языки пламени. По всей вероятности, загорелся бензин. Тщательно прицелившись, младший сержант подбил еще один танк. Но вот и наводчик вернулся с панорамой, занял свое место у орудия. Три смельчака за короткий срок подбили еще семь танков.

В пылу боя они не заметили, что группа фашистов зашла им в тыл. Но и в эти критические минуты младший сержант Стемасов и его товарищи не растерялись. Чоботов быстро побежал за трактором, прицепил орудие. Через лес, по бездорожью он вывел его из опасной зоны. По пути Стемасов и его товарищи подобрали несколько раненых бойцов.

За инициативу, находчивость и героизм, проявленные в бою, Петру Дмитриевичу Стемасову и было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Награды полку вручал лично командарм Рокоссовский в торжественной обстановке, в клубе одного из заводов в районе Химок.

Вручая орден Красного Знамени прославленному полку, командарм сказал, что перед этой частью была поставлена очень ответственная боевая задача — не допустить прорыва танков через Спасс-Рюховское на Волоколамск и прикрыть левый фланг армии.

— Эту задачу, — подчеркнул командующий, — полк майора Ефременко выполнил с честью. Он выдержал атаки врага и не пропустил его танки через свои боевые порядки.

Высокие правительственные награды воодушевили личный состав полка на новые ратные подвиги и еще

больше укрепили веру в силу нашего советского оружия. Командиры и бойцы приобрели боевой опыт, научились хладнокровно встречать и уверенно поражать вражеские танки. Это было весьма важно, так как в первые месяцы войны необстрелянные солдаты страдали, как я уже говорил, «танкобоязнью».

Несколько дней спустя 289-й истребительный противотанковый артиллерийский полк был пополнен личным составом, средствами тяги, другой техникой и принял участие в новых боях на подступах к столице.

Бросая в очередное наступление свои войска, гитлеровское командование подогревало их напоминаниями о близости Москвы. Еще, еще один удар, и советские войска не выстоят, Москва «падет к ногам всепобеждающей немецкой армии». Но гитлеровцы каждый раз сталкивались с такой силой сопротивления, что становились в тупик. И стремление взять Москву сменялось тоскливым ожиданием нового приказа фюрера.

После каждого дня наступления, как правило, выдавались два-три дня затишья. Противник производил перегруппировку и подтягивал резервы. В такие дни командиры всех родов войск — стрелковых, артиллерийских, танковых, саперных по своей инициативе высылали в тылы противника разведывательные группы, которые просачивались в промежутках между подразделениями врага либо на стыках, производили внезапный налет, создавали панику и уничтожали живую силу и технику врага, но главное — добывали необходимые разведывательные данные.

Так, например, разведка донесла, в каком направлении движутся колонны противника, каковы его численность и расположение в селе Скирманово. Было установлено, что части противника не могли вести наступление

из-за отсутствия горючего. К тому же наши войска, не успевшие отойти, продолжали вести активные бои в тылу врага.

27 октября на участке Скирманово—Марьино—Покровское возобновились жестокие бои, продолжавшиеся несколько суток. Враг атаковал яростно, но наталкивался на мужественное и стойкое сопротивление бойцов 18-й дивизии народного ополчения Ленинградского района Москвы, 523-го пушечного артиллерийского полка, 694-го и 289-го истребительных полков, подразделения «катюш» майора Богдана и танков М. Е. Катуква (впоследствии маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза). В это время с Дальнего Востока в состав 16-й армии прибыла превосходная 78-я стрелковая дивизия полковника Белобородова (ныне генерал армии, дважды Герой Советского Союза), имевшая в своем составе два артиллерийских полка.

В первых же боях сибиряки показали высокую боевую выучку, мужество и стойкость. За три дня боев артиллеристы под командой старшего лейтенанта Растхенгуса подбили и сожгли до 40 танков противника и уничтожили до двух батальонов мотопехоты. Все попытки гитлеровцев прорвать оборону 78-й дивизии окончились для них безрезультатно. Потеряв до 60 танков и до двух полков мотопехоты, враг вынужден был на участке этого соединения отказаться от дальнейшего наступления.

Расположившись на Волоколамском шоссе справа и слева, артиллерийские подразделения дивизии днем и ночью вели работу по оборудованию огневых позиций и наблюдательных пунктов. Полностью были укрыты и замаскированы орудия, вырыты щели для орудийных номеров, погребки для снарядов. Артиллерийские батареи на переднем крае обороны установили орудия на прямую наводку. Командиры и штабы артиллерийских полков спланировали заградительный огонь перед передним

краем и на вероятных подходах войск противника к нему, заранее пристреляли цели по рубежам и характерным ориентирам.

Противник со второй половины ноября упорно вел непрерывные атаки вдоль Волоколамского шоссе, бросая в бой по 40—50 танков и до двух батальонов пехоты. Однако еще до похода к переднему краю он нес огромные потери от нашего артиллерийского огня. Появившиеся у переднего края танки уничтожались противотанковой и дивизионной артиллерией с открытых позиций.

В штабе армии изучили разведывательные данные о положении вражеских войск, находившихся в районе населенного пункта Скирманово. Выяснилось, что гитлеровцы подготовили Скирманово в качестве исходного пункта для прорыва к Волоколамскому шоссе. Село занимало выгодное тактическое положение. Оно располагалось на высоте, господствовавшей над окружающей местностью. Враг густо насытил оборону села огневыми средствами. Подступы к Скриманово защищались врытыми в землю танками и орудиями. Лишь на одной юго-восточной окраине находилось 12 противотанковых пушек. Жилые дома были превращены в огневые точки и дзоты. В соседних деревнях расположились танки и пехота противника.

Командарм Рокоссовский приказал начать активные боевые действия в направлении Скирманово и овладеть селом. Эта боевая задача была поставлена 18-й дивизии народного ополчения и танкистам генерала Катукова. После мощной артиллерийской подготовки они должны были овладеть Скирманово. Мне командующий армией приказал основной массой артиллерии обеспечить их наступление. Для этой цели я привлек значительные силы — 523-й пушечный артиллерийский полк Травкина, 14-й гвардейский минометный полк «катюш» Горохова, отдельные гвардейские дивизионы «катюш» Анашкина и

Богдана. Они составили армейскую артиллерийскую группу. 18-я дивизия была усилена приданными ей 289-м и 694-м истребительными противотанковыми полками и дивизионом «катюш» под командованием К. Д. Карсанова.

В 7 часов утра 7 ноября была проведена короткая артиллерийская подготовка. После первых огневых налетов нашей артиллерии в расположении противника начались взрывы и пожары. Враг открыл ответный огонь.

После артиллерийской подготовки в атаку пошли танки Катукоев и части 18-й стрелковой дивизии. Артиллерия и гвардейские минометы вели сопроводительный огонь перед нашими наступавшими танками и пехотой. А в этот час в Москве на Красной площади состоялся традиционный парад войск. Участники парада не возвратились в казармы, а прямо с Красной площади отправились на фронт.

8 ноября Рокоссовского вызвали в штаб фронта. Возвратившись оттуда, он созвал Военный совет и сообщил, что командование фронта расценивает сосредоточение сильных группировок немцев в районе Волоколамска и Тулы как их подготовку к новому наступлению. Фашистское командование готовит удар в обход Москвы: на правом крыле фронта — в направлении Клина и Дмитрова, а на левом — в направлении Тулы и Коломны. Следует ожидать также фронтального удара в направлении Истры и Наро-Фоминска.

— Командование фронта требует, — продолжал К. К. Рокоссовский, — чтобы мы помешали перегруппировке вражеских сил. Поэтому нам предстоит нанести контрудар на Скирманово, имеющее для врага ключевое тактическое значение. По самым последним разведывательным данным, положение войск противника в Скирманово не изменилось. К тому же сюда два дня назад прибыла немецкая танковая дивизия.

Согласно принятому плану Скирманово предстояло брать не в лоб, а обойдя его со стороны Агафидова. Гитлеровцы, видимо, не рассчитывали на такой наш обходный маневр: они были готовы к защите Скирманова, но меньше всего ожидали нашего удара с юго-запада.

Перед операцией были проведены партийные и комсомольские собрания, а также общие собрания личного состава подразделения. В резолюции, принятой артиллеристами, говорилось: «Клянемся отдать все на защиту Отчизны, до последней капли крови защищать родную землю и нашу Москву от гитлеровских банд. Клянемся не пропускать фашистские танки. Смелому инициативному бойцу танк не страшен».

Верные своей клятве артиллеристы показали такой энтузиазм, которого еще не наблюдалось раньше ни в одном бою — они ведь теперь наступали. Бойцы и командиры, презирая смерть, смело истребляли вражеские танки, подходили вплотную к огненным точкам врага. Так действовали все артиллеристы командиров Травкина, Ефременко, Горохова, Андреева, Богдана и Анашкина.

Рано утром 12 ноября вместе с членом Военного совета А. А. Лобачевым я выехал в село Рождествено, где размещался наблюдательный пункт командира 18-й дивизии и где уже находился командующий армией К. К. Рокоссовский. Дивизия наносила основной удар. Шла артиллерийская подготовка наступления. В стереотрубу было отлично видно, как в Скирманово черными султанами взлетала в воздух земля. Дали первые залпы дивизионы «катюш». С нескрываемым восхищением смотрели наши воины, как огневые стрелы летели на врага. Новой военной техники у нас стало больше.

В день наступления на деревню Скирманово в 523-м тяжелом пушечном артиллерийском полку из бойцов и сержантов взводов управления, штабной батареи, подразделений обслуживания (парковая батарея, тылы) был

сформирован отряд численностью свыше 200 человек. Его вооружили двумя 45-миллиметровыми пушками, двумя тяжелыми пулеметами, ручными пулеметами, автоматами и карабинами. Отряд принял участие в захвате деревни Скирманово, действуя в боевых порядках стрелковых и танковых подразделений, под командованием помощника начальника штаба полка лейтенанта Борисова. Коротким броском они ворвались на юго-западную окраину Скирманово, захватив у противника два пулемета, пять автомашин, девять танков, которые из-за отсутствия горючего стояли в окопах и действовали как орудия.

Впервые наши воины увидели собственными глазами закопанные в землю немецкие танки, используемые как огневые точки. Это был знаменательный симптом.

Недалеко от деревни Марьино находились огневые позиции 289-го истребительного противотанкового артиллерийского полка майора Н. К. Ефременко. Его орудия вели огонь прямой наводкой и уничтожили пять танков противника, которые пытались контратаковать нашу пехоту. Было также уничтожено три танка, шесть орудий и три пулемета противника, мешавших продвигаться нашим танковым и стрелковым подразделениям. Действия 18-й дивизии, кроме дивизионной, поддерживала артиллерия армейского подчинения и два дивизиона «катюш».

Через два часа наша пехота, танки и артиллерия ворвались в деревню Марьино. В то же время начали действовать танкисты генерала М. Е. Катукова, которым поставили задачу уничтожить противника в Скирманово, прикрыть своим огнем наступление нашей пехоты и в дальнейшем действовать в районе деревни Козлово. Бой длился весь день и всю ночь. Утром 13 ноября наши бойцы ворвались в Скирманово. Оказалось, что все дома и сараи фашисты приспособили под оборону. Под их обломками теперь лежало до 600 трупов врага. В

лощине у Скирманово образовалось настоящее кладбище техники — 60 танков, много артиллерийских орудий; все было разбито сокрушительным огнем нашей ствольной и реактивной артиллерии.

Особо отличился второй дивизион «катюш» под командованием Героя Советского Союза капитана К. Д. Карсанова. По приказу командования дивизион обрушился на Скирманово всей своей мощью. Его огнем было уничтожено 17 танков, более 20 минометов и несколько орудий. От огневого воздействия дивизиона пехота противника буквально обезумела. Разрушительное действие «катюш» усиливалось взрывами машин и бензобаков в расположении противника.

Скирманово превратилось в груды пылавших огнем развалин, над которыми стелились дым и черная пыль. Гитлеровцы бежали... даже в сторону расположения наших войск.

За личную отвагу, высокую выучку и умелые действия капитан Карсанов был награжден орденом Красного Знамени, который ему вручил лично К. К. Рокоссовский.

Забегая вперед скажу, что за месяц напряженной борьбы на подступах к Москве дивизион под командованием Героя Советского Союза капитана Карсанова уничтожил до четырех батальонов противника, 20 минометов, 50 мотоциклов, 45 автомашин с солдатами, боеприпасами и горючим, сжег 16 танков.

Тем же утром 13 ноября 18-я дивизия начала бой за деревню Козлово. К вечеру 14 ноября после мощной артиллерийской подготовки ополченцы вместе с танкистами генерала Катуква овладели деревней.

Пленные показали, что их танковое соединение, разгромленное советскими войсками под Скирмановом, готовилось 13 ноября наступать на Ново-Петровское, Истру. Перехватив инициативу, наши части сорвали задуман-

ную противником операцию и нанесли ему значительный урон. Враг лишился выгодного рубежа.

Упорная активная оборона наших войск по всему фронту, стойкость и мастерство артиллеристов в борьбе с танками развеяли в прах замыслы немецко-фашистского командования. Его армии не вошли в Москву ни 25 октября, ни позднее. Ведь тогда Гитлер хвастливо объявил на весь мир, что 7 ноября он лично на Красной площади примет парад, что отчеканена медаль «За взятие Москвы» и заказано парадное обмундирование для войск.

В полосе 16-й армии противник лишился возможности наступать на Москву кратчайшим путем. Поскольку враг встречал всюду упорное сопротивление и нес большие потери, он часто менял направление своих ударов, стараясь найти уязвимые места в нашей обороне. В связи с этим приходилось и нам маневрировать, перебрасывать артиллерию с одного направления на другое, чтобы усилились тот или иной заранее оборудованный участок обороны.

16 ноября 1941 года немецко-фашистские войска начали новое наступление на широком фронте.

Противотанковые районы в полосе 16-й армии были подготовлены на танкоопасных направлениях. Из 18 противотанковых районов 12 находилось вдоль Волоколамского шоссе. В состав этих районов обязательно включались артиллерийские подразделения. К тому же они прикрывались противотанковыми заграждениями.

Общая глубина обороны на важнейших направлениях достигала 40—50 километров. Плотность обороны армии не удовлетворяла требованиям, особенно против танков противника.

На Волоколамском же направлении у противника было почти двойное превосходство в танках, артиллерии и живой силе. Естественно, что это требовало от войск 16-й

армии упорства и напряжения всех сил, а от командиров — твердого управления во всех звеньях. В те дни войска 16-й армии на одном из своих флангов наступали, а на другом отражали крупную группировку танков противника.

Особенно ожесточенный бой происходил в полосе 316-й стрелковой дивизии генерала И. В. Панфилова. Именно здесь, у разъезда Дубосеково, совершили свой бессмертный подвиг 28 героев-панфиловцев 1075-го полка во главе с политруком Клочковым.

На ново-петровском и истринском направлениях наступали более 100 танков и пехотная дивизия противника. Эта мощь обрушилась на правый фланг 18-й дивизии в районе Нижне-Сияднево — Покровское. Замысел врага оставался прежним — одним ударом смять наши войска и выйти на Волоколамское шоссе.

На фронте в 35 километров действовало до 400 вражеских танков, то есть по 10—12 танков на километр фронта. А на отдельных направлениях их число на километр фронта доходило до 30 и более.

В первый день наступления фашистам не удалось вклиниться в оборону 18-й дивизии, и их замысел был сорван стойкой обороной советских воинов, самоотверженно дравшихся с превосходящими силами.

Особо большую роль в те критические дни сыграл артиллерийский полк 18-й дивизии народного ополчения во главе с командиром майором Андреевым и комиссаром Спиридоновым. Фашистские танки прорвались к артиллерийским позициям. На наблюдательном пункте четвертой батареи находился лейтенант Н. Тарасенко с артиллерийскими разведчиками и связистами. Используя четко работающую связь с батареей, Тарасенко точно корректировал ее огонь. Эта батарея подбила три танка.

К другой батарее, которой командовал лейтенант М. Федоров, прорвалось пять танков противника с груп-

пой автоматчиков. Однако наши артиллеристы не дрогнули, а, подпустив их на близкое расстояние, расстреляли метким огнем. Особенно отличился в этом бою орудейный расчет старшины И. Карандася. Он подбил три танка. В деревне Корольки расчет с орудием оказался отрезанным от батареи и попал в окружение. Бойцов считали погибшими, но старшина Карандася, ведя огонь прямой наводкой, отбил наседавших на него гитлеровцев и скоро вышел к своим. В боях за деревню Румянцево орудие Карандася уничтожило два взвода вражеской пехоты, семь машин, а у города Истры — четыре танка, четыре машины и два взвода вражеской пехоты. В этих боях орудейный расчет И. С. Колобашкина уничтожил пять немецких танков, десять дзотов и до роты пехоты.

Хотелось бы также отметить, что в боях под Москвой играли роль не только отдельные артиллерийские полки или артиллерийские дивизионы, не только батареи или огневые взводы, нередко в успехе боя большое значение имело отдельное орудие.

То, о чем речь пойдет ниже, даже тогда не укладывалось в представлении о человеческих возможностях. Наш советский воин в критические минуты боя оказался сильнее стали, сильнее огня и даже сильнее самой смерти.

В ноябрьских боях 1941 года Героем Советского Союза среди артиллеристов 16-й армии одним из первых стал рядовой наводчик четвертого орудия третьей батареи 694-го противотанкового артиллерийского полка Ефим Анатольевич Дыскин.

И подвиг семнадцатилетнего солдата и дальнейшая судьба этого человека весьма необычны и примечательны. Поэтому расскажу об этом подробнее.

В 1941 году, закончив десятый класс Брянской школы, Е. Дыскин готовился поступить в институт. Война нарушила его планы. И вот вместо студенческой аудитории

юный патриот с группой товарищей добровольно вступает в ряды Красной Армии и попадает в формирующийся 694-й противотанковый артиллерийский полк, вооруженный 37- и 85-миллиметровыми зенитными пушками.

В боях за Москву этот полк действовал на одном из участков фронта нашей 16-й армии. 15 ноября третья батарея полка заняла боевой порядок в общей системе противотанковой обороны на Волоколамском направлении у деревни Горки в полосе 18-й дивизии. В тот день комиссар полка старший политрук Ф. Х. Бочаров обошел все подразделения и сообщил бойцам и командирам, что, по имеющимся данным, противник может перейти в наступление с утра 16 ноября. Каждая батарея во что бы то ни стало должна стойко удерживать занимаемый рубеж, не допустить прорыва вражеских танков через свои боевые порядки.

16 ноября противник действительно пошел в наступление, но рубежа, на котором изготовилась к бою третья батарея, не достиг. В этот день батарея подверглась только сильному артиллерийскому и минометному обстрелу и понесла некоторые потери.

С утра 17 ноября противник возобновил наступление и, имея значительное превосходство в силах и средствах, вклинился в оборону 18-й дивизии.

Первой вступила в бой с танками противника 3-я батарея, судьба которой сложилась трагически. В результате интенсивного минометно-артиллерийского обстрела был выведен из строя почти весь ее командный состав: ранены командир батареи лейтенант Егоров, политрук Головцев, командир взвода младший лейтенант Белованенко. Один за другим замолчали орудия сержанта Байкалова, старших сержантов Налдеева и Соколова.

Еще до решительной атаки танков врага в третьей батарее было уничтожено три пушки. У уцелевшего орудия остались в живых четыре человека — командир

сержант Плохих, наводчики Дыскин и Гуськов и заряжающий Планицын.

Как же это произошло?

Большая группа танков и пехоты противника находилась в роще метрах в 500—400 от расположения батареи. При каждой попытке вражеских танков приблизиться к опушке рощи сержант Плохих открывал интенсивный огонь. Когда одно за другим замолчали два орудия, а затем прекратило огонь и третье, противник, видимо, решив, что надежно подавил наши пушки, начал продвигаться вперед. Как бы прощупывая впереди лежащую местность, к батарее приближались пять танков. Два из них шли прямо на хорошо замаскированное орудие сержанта Плохих. Рядовой Дыскин сел на сиденье правого наводчика, Гуськов — левого, и орудие изготовилось к бою.

Увидев два приближавшихся танка, Дыскин открыл огонь. Первые же выстрелы достигли цели. Оба вражеских танка замерли на месте. Но вот убит Владимир Гуськов, и у орудия остался один наводчик Дыскин. А у 37-миллиметровой зенитной пушки должно быть два наводчика (правый и левый). Тогда сержант Плохих занимает место второго наводчика, но и он скоро выбывает из строя.

Три вражеских танка начали обходить орудие слева. Один за другим, подбитые метким огнем, остановились и эти три вражеских танка. Но за те несколько минут наводчик получил три тяжелых ранения. Боец истекал кровью. Комиссар Бочаров, руководивший эвакуацией раненых с поля боя, увидев окровавленного солдата, пытался снять его с сиденья.

— Я еще могу, — сказал наводчик и попросил разрешения остаться у орудия. Приходится только удивляться, откуда у этого вчерашнего школьника, почти необстрелянного молодого бойца нашлось такое высокое присутствие духа, такое бесстрашие перед надвигавши-

мися на него стальными машинами и такая поражающая воображение стойкость.

Скоро появилось еще два фашистских танка, идущих на орудие. И оно вновь открыло огонь. Уже подбит шестой, седьмой танк, и тут Дыскин получил четвертое ранение. Острая боль и большая потеря крови сделали свое дело: он потерял сознание.

Тут мне представляется уместным сделать небольшое отступление и рассказать, когда и каким образом в штабе 16-й армии стали известны события, о которых сказано выше. В этот памятный день 17 ноября первые сведения о каком-то одиночном орудии, упорно сражавшемся с вражескими танками, были получены от командира одного из подразделений, которое вело бой невдалеке. Единоборство орудия с танками, таким образом, не осталось незамеченным. Об этом же мы узнали и от командира кавалерийского корпуса генерал-майора Л. М. Доватора. Докладывая Рокоссовскому о том, что одна из дивизий корпуса вышла на новый рубеж, он сообщил, что успеху в бою в какой-то мере способствовало неизвестное «блуждающее» орудие, отвлекающее на себя группу вражеских танков.

Когда Рокоссовский спросил у меня, чье это орудие, я не смог сразу ответить и попросил разрешения доложить об этом позднее. Даже в то время, когда почти на всех участках боев наши воины проявляли массовый героизм, случай этот был необычным, и я немедленно послал в указанный район майора Виленского и еще одного командира, фамилии которого я не помню. Они и должны были выяснить, что случилось с отважными артиллеристами и какой части принадлежало это загадочное орудие. После долгих и нелегких поисков Виленский и его напарник все же нашли Дыскина в госпитале в городе Истре. От пришедшего в сознание, но совсем ослабевшего от ран солдата делегаты узнали немного, но и

Герой Советского Союза
Е. А. Дыскин (1941 год, фото-
графия с комсомольского би-
лета)

того, что они доложили, было достаточно, чтобы оценить беспримерный подвиг наводчика орудия Дыскина. Они спросили его, почему он не оставил орудия после второго, а затем после третьего ранения.

— Как я мог оставить свою пушку, если знал, что после меня уже некому стрелять по танкам врага! А еще хотел отомстить за Володю Гуськова, моего друга по школе, и за других,— ответил наводчик слабым голосом.

К. К. Рокоссовский приказал мне подготовить шифровку и отправить ее немедленно командующему войсками Западного фронта Г. К. Жукову с представ-

лением рядового Е. А. Дыскина к званию Героя Советского Союза.

Как выяснилось впоследствии, из Истры Дыскина перевезли в Москву, затем во Владимир. После всех этих скитаний он в конце концов оказался в свердловском госпитале. Там он пролежал до конца 1942 года, и за это время произошли важные события в его жизни. В апреле того же года в госпиталь пришла группа товарищей, чтобы поздравить его со званием Героя Советского Союза. Но в опубликованном Указе Президиума Верховного Совета звание присваивалось Дыскину Ефиму Анатольевичу «посмертно».

Прочтя Указ и, несмотря на полное совпадение фамилии, имени и отчества, Дыскин поздравления не принял, считая, что здесь какая-то ошибка. Ведь в Указе значится погибший Дыскин, а он живой.

Кто-то посоветовал написать письмо М. И. Калинин, чтобы рассеять все сомнения. По настоянию товарищей Дыскин так и сделал. В письме Всесоюзному старосте боец рассказал о возникших сомнениях и о том, где воевал и как был ранен. Через некоторое время пришло ответное письмо: М. И. Калинин подтвердил, что высокое звание присвоено именно ему, рядовому 694-го полка Ефиму Анатольевичу Дыскину. Председатель Президиума Верховного Совета СССР высказал большую радость по поводу того, что боец жив и что ошибка, вкравшаяся в Указ, оказалась, в общем-то, счастливой. Заканчивалось письмо очень теплым поздравлением и пожеланием скорейшего выздоровления.

После этого письма воин поверил, что это именно его отметила Родина самой высокой наградой. Никогда раньше, как это часто бывает с истинными героями, он не думал даже, что удостоится ее. Когда Дыскин уже мог ходить, в Свердловском театре оперы и балета в торжественной обстановке Председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы С. В. Кафтанов по поручению Президиума Верховного Совета Союза ССР вручил Е. А. Дыскину грамоту Героя Советского Союза, орден Ленина и Золотую Звезду.

Медленно потекли однообразные дни госпитальной жизни с лечебными процедурами, перевязками и т. п. Но и здесь проявился характер скромного солдата: он очень смущался, когда его поздравлял кто-либо с высокой наградой.

— Да хватит, ребята, — отбивался он.

Дыскин понимал, что по состоянию здоровья ему больше не придется встать в строй и вернуться на фронт.

Поэтому, узнав, что при госпитале находится эвакуированное из Киева Военно-медицинское училище, не желая терять времени, он начал посещать занятия и настойчиво учиться. К концу 1942 года Дыскин окончил училище и получил звание военного фельдшера, хотя числился еще госпитальным больным.

Дальнейшая судьба героя сложилась так. Незадолго до выписки Дыскина из госпиталя приехал начальник Главного санитарного управления Красной Армии генерал-полковник медицинской службы Е. И. Смирнов. Побеседовав со знатным энтузиастом-медиком, он предложил ему поступить в Военно-медицинскую академию, находившуюся тогда в Самарканде. Дыскин согласился. Ведь еще до войны он намеревался поступить в медицинский институт.

Окончив академию в 1947 году, Дыскин прошел по конкурсу в адъюнктуру на кафедру оперативной хирургии. В 1951 году он стал кандидатом медицинских наук, в 1962 году — доктором.

В июне шестьдесят шестого, приехав в Ленинград, я беседовал уже с полковником медицинской службы, доктором медицинских наук, профессором Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова. Ефимом Анатольевичем Дыскиным за эти годы написаны 45 научных работ, а в 1966 году Президиум Академии медицинских наук вручил ему премию имени академика Н. Н. Бурденко за участие в написании монографии «Хирургическая анатомия груди».

В начале этого рассказа я упомянул и некоторые другие фамилии. Мне удалось установить, что стало с участниками боя 17 ноября 1941 года у деревни Горки.

Бывший командир первого орудия 3-й батареи старший сержант Налдеев Петр Алексеевич — ныне кандидат филологических наук, доцент Всесоюзного литературного института имени А. М. Горького.

Бывший командир второго орудия этой батареи сержант Соколов Василий Васильевич — ныне доктор философских наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Героизм и стойкость проявили многие бойцы, командиры и политработники 694-го противотанкового артиллерийского полка. Все они награждены орденами и медалями Советского Союза.

Здесь я хочу сделать некоторое отступление. Как-то мне пришлось беседовать с одним молодым человеком, который страшно волновался, что если он не поступит в вуз, то его «возьмут» (он сказал «возьмут», а не призовут) в армию.

— Что же в этом плохого? — спросил я.

— Время потеряю, — ничуть не смутившись, ответил парень, — забуду все за годы службы.

Меня, отдавшего всю свою сознательную жизнь Советской Армии, это обидело.

— То есть как это «время потеряешь»? — воскликнул я.

— В армии позабуду все, — повторил он, — чему учился в школе, а потом не смогу поступить в вуз.

Я уже не говорю о том, что такое рассуждение в высшей степени эгоистично: «Я должен поступить в институт, а за меня пусть кто-нибудь послужит в армии». Следует сказать о другом: если у человека есть призвание и желание стать инженером, врачом, юристом, агрономом, учителем, то ему в нашей стране ничто помешать не может. Об этом красноречиво говорит пример товарищей Дыскина, Налдеева, Соколова, которые не только получили высшее образование, но и стали учеными. Им не помешала даже война и тяжелейшие ранения.

Я глубоко убежден, что все эти рассуждения о «потерянном времени» в армии — обывательская болтовня. Пусть читатель простит меня за эти резкие слова. Ведь

воинская служба дает молодому человеку прекрасную физическую закалку, вырабатывает в нем высокие волевые и моральные качества, которые остаются на всю жизнь. И кто хочет поступить в вуз, лишь бы не пойти служить в армию, тот, можно сказать, сам себя обкрадывает, обедняет свой духовный мир, нарушает сочетание личных интересов с общественными, свойственных человеку нашего социалистического общества.

Наша стойкость и умелое ведение оборонительных боев вконец измотали врага. Его попытки дальше наступать иссякли. Москва, о которой гитлеровские пропагандисты с вожделием кричали, что она вот-вот падет к их ногам, была близка, как локоть, который близок, но не укусишь. Правда, в ноябрьских боях наши части очень поредели и солдаты устали, но они сохранили силы продолжать боевые действия и готовы были и дальше громить врага.

К первым числам декабря в составе нашей армии имелось, помимо танков, стрелковых и кавалерийских частей, очень много артиллерии: семь артиллерийских полков в стрелковых дивизиях и пятнадцать полков РГК. Кроме того, армии было придано семь дивизионов реактивной артиллерии, то есть «катюш». Всего у нас насчитывалось более 900 орудий и минометов и 70 установок «катюш». Эти цифры наглядно говорили о том, какая роль отводилась артиллерии в дальнейших наступательных действиях под Москвой. Через некоторое время нам был передан отдельный артполк Л. И. Кожухова и четыре дивизиона «катюш».

Наших воинов охватило большое воодушевление. Все они горели одним желанием — наступать!

Командующий армией 6 декабря 1941 года отдал приказ о переходе в общее наступление. В бой за деревню

Командующий 16-й армией К. К. Рокоссовский (в центре);
справа — начальник штаба армии М. С. Калинин; слева —
В. И. Казаков

Крюково вступили 8-я гвардейская стрелковая дивизия И. В. Панфилова, 1-я гвардейская танковая бригада М. Е. Катукова, а также кавалерийские части. Поддерживали их три артиллерийских полка, что позволило сосредоточить на одном километре фронта более 40 орудий и минометов. По тому времени это была довольно высокая плотность и представляла собой новый шаг в использовании артиллерии.

В первые дни нашего наступления бои за Крюково и другие населенные пункты носили особо ожесточенный характер. В районах Рождествено, Нефедьево, Снегири, Ленино враг сопротивлялся как обреченный: несколько раз переходил в контратаки, но они обходились ему до-

рого. Например, в боях за Крюково и Каменку фашисты потеряли только от огня артиллерии 54 танка, 7 автомашин, 7 бронемашин и 9 орудий. Огромный урон понесли они от огня нашей артиллерии в живой силе. В Нефедьево после наших огневых налетов было обнаружено более 1000 трупов вражеских солдат. В те дни особенно успешно действовали «катюши». Фашисты называли их «пушками смерти». В Лунево и Владычино огнем 523-го пушечного артиллерийского полка было уничтожено около 400 вражеских солдат, несколько минометных батарей, 2 орудия и 7 автомашин с боеприпасами. После того как «поработала» артиллерия, наши пехотные части овладели этими пунктами, почти не встретив сопротивления. В течение 6, 7 и 8 декабря наши войска сбили противника с занимаемых им рубежей, и он начал стремительный отход.

Под Москвой мы получили очень серьезный боевой опыт, который нам пригодился в будущих боях в период наступления с решительными целями.

В середине января 1942 года, в разгар наступления, произошло знаменательное событие: в нашу армию приехал секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкин. Он вручил правительственные награды многим командирам, политработникам и бойцам, в том числе и артиллеристам, отличившимся в боях под Москвой. Медаль «Золотая Звезда», орден Ленина и грамота о присвоении звания Героя Советского Союза были вручены младшему сержанту 289-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка П. Д. Стемасову, о котором я рассказывал выше.

Артиллеристы Западного фронта, вдохновленные Коммунистической партией на героизм и самоотверженность, вместе с другими войсками отстояли Москву. Каждый знал, что, пока жив, обязан внести долю своих усилий в общее святое дело разгрома оккупантов.

30 сентября 1942 Константин Константинович Рокоссовский был назначен командующим войсками Донского фронта. Ничего случайного не было в том, что через два дня я выехал к Волге в качестве на-

чальника артиллерии Донского фронта.

Таким образом, мне пришлось непосредственно участвовать в исторической битве у волжской твердыни, где на артиллерию возлагались новые, более обширные по масштабу и характеру задачи.

На сталинградском направлении немецко-фашистское командование сосредоточило сильную ударную группировку в составе 6-й полевой и 4-й танковой армий. Их поддерживали крупные силы авиации и артиллерии. В августе сорок второго года к этим войскам присоединилась 8-я итальянская, а в сентябре — 4-я румынская армии. Эта группировка войск под командованием небезызвестного фон Паулюса насчитывала до 50 дивизий. До 9 августа бои шли на западном берегу Дона. С 13 сентября они развернулись непосредственно под Сталинградом и в самом городе и длились до середины ноября 1942 года.

Упомянутым вражеским войскам, отчаянно рвавшимся к Волге, к жизненным центрам нашей страны, противостояли войска Сталинградского, Донского и Юго-Западного фронтов.

В те дни, когда фашисты рвались к Волге, 6 сентября 1942 года «Биржевая берлинская газета» писала:

«Поведение противника в бою не определяется никакими правилами. Советская система, создавшая стахановца, теперь создает красноармейца, который ожесточенно дерется даже в безвыходном положении. На том же иступлении построена советская военная промышленность, беспрестанно выпускающая невероятное количество вооружения. Русские почему-то сопротивляются, когда сопротивляться нет смысла. Для них война протекает как будто не на земле а в выдуманном мире».

Знаменательно, что «Биржевка» написала это после того, как немцам уже нанесли сокрушающий удар под Москвой. Ведь Гитлер и его пропагандисты кричали на весь мир: «Еще удар, и не будет России». Они утверждали, что все хозяйство нашей страны разрушено, промышленность уничтожена, живая сила иссякла и т. д. Все это, конечно, понятно: надо же было как-то оправдаться перед немецким народом и перед всем миром. Тогда-то фашистские пропагандисты и придумали байку, что мы воюем «не по правилам». Гитлеровцам очень хотелось, чтобы мы воевали по правилам, которые бы их устраивали. А мы воевали по правилам советского военного искусства, по законам советской военной науки. Придумал Геббельс байку и о том, что все в СССР — и труд и борьба — построено на иступлении, на фанатизме. И поэтому, мол, победа фашистской армии над Советской страной несколько задерживается.

Это было бессовестное вранье! Пониманию гитлеровцев не был доступен характер советского воина — человека нового социалистического общества. Под руководством родной партии он собственным трудом активно строил и укреплял свою Родину, и теперь, когда немецко-фашистские изверги топтали его землю, он бил врага по правилам военного искусства до полного его истребления. Победа или смерть — так стоял вопрос.

Вот что писалось в листовке, изданной Главным поли-

тическим управлением Красной Армии и хранящейся теперь в Музее революции в Москве:

«...Для немцев наши поля — «пространства». Для нас они — Родина.

Для немцев наши богатства — трофеи. Для нас они — наш пот, наша кровь, наша история.

Для немцев русские женщины — рабыни. Для нас они — наши жены, наша любовь, наша жизнь...»

Для русского нет безвыходного положения.

Сержант Иван Бобрик пробрался в подбитый немецкий танк, расположенный вблизи немецкого переднего края, и просидел там с телефонным аппаратом тринадцать суток. Он корректировал наш огонь. В танке сержант нашел пулеметное гнездо. Пулемета не было. Ночью Иван Бобрик вылез из машины, чтобы найти немецкий пулемет. Он его нашел, почистил, смазал, набрал патронов. На четырнадцатый день немцы обнаружили, где находится русский наблюдатель. Они двинулись на танк. Сержант их встретил сильным пулеметным огнем. Немцы начали обстреливать танк из орудий. Иван Бобрик выбрался из машины и вернулся в свое подразделение. Сержант четырнадцать дней был в труднейшем положении, но у него было мужество, и он нашел выход...

Несколько наших разведчиков отправились за «языком». Заместитель политрука Куникбаев увидел трех вражеских солдат. Он определил, кто из них командир. Двух гитлеровцев Куникбаев застрелил, а немца с петличками вытащил из дзота, притащил в свою часть.

Это — будни боя. Это то, о чем не пишут в сводках. Это повседневное мужество наших бойцов.

Война рождала тысячи и тысячи героев. Потрясающее впечатление произвел подвиг сержанта Николая Дмитриева, который, оставшись один у орудия, смело вступил в неравный бой с фашистскими танками.

У берегов Волги такие смелые подвиги стали обыч-

ными явлениями, наши бойцы ожесточились, научились всем своим существом ненавидеть фашистских захватчиков. В сочетании с подлинным боевым мастерством ненависть к врагу и великая любовь к своей Отчизне делали их подлинными чудо-богатырями, которые своей смелостью и дерзостью сеяли панику среди солдат и офицеров врага.

Вот на позиции стоит орудие. Командует им комсомолец старший сержант Александр Алканцев. Расчет сложен, работает четко, как отрегулированный часовой механизм. Из-за холма выдвинулись вражеские танки. Они идут, развернувшись в боевой порядок, по всем правилам своей тактики, с немецкой педантичностью выдерживая положенные интервалы, ведя с ходу огонь из пулеметов и пушек. И вдруг этот стройный порядок дрогнул: загорелся ведущий танк. Проходит минута, другая — загорается еще один танк. А против всей вражеской стальной армады стоит лишь одно советское орудие. Кругом рвутся снаряды, падают люди, а оно стоит и стреляет, стреляет метко по целям. Заметались фашисты. Видно, нервничают: то пытаются зайти с фланга, то идти в лоб. Но всюду их настигает огонь орудия. Убит наводчик. Ранены другие номера расчета. Остался один старший сержант Александр Алканцев, но восемь вражеских танков нашли свою гибель от меткого огня его орудия. Враг не прошел.

Тяжелый был бой. Очень тяжелый, а главное, слишком неравный. И победа осталась за нашим орудием, за советским воином.

А все ведь очень ясно: правило у каждого советского воина одно — видишь вражеский танк, бей, бей наверняка. Хочешь спасти Родину — убей врага. И артиллеристы плечом к плечу со всеми воинами били фашистов насмерть, наращивая свое сопротивление и силу наступления.

Не могу не рассказать о пятидесятилетнем наводчике орудия сержанте Березкине. В первой мировой войне он воевал против немцев и за доблесть был награжден тремя Георгиевскими крестами. В годы гражданской войны дрался против интервентов и белогвардейцев, защищая молодую Республику Советов. В боях за Сталинград он стал знатным наводчиком, наставником молодых солдат в батарее лейтенанта Царькова. Более сотни гитлеровцев и несколько пулеметов уничтожил своими меткими снарядами бывалый воин — сержант Березкин.

Советские воины всех возрастов, национальностей и боевых профессий — артиллеристы и пехотинцы, танкисты и летчики, саперы и связисты — бились против немецко-фашистских оккупантов по велению долга, по зову сердца.

Батарея, которой командовал старший лейтенант Павлов, в ходе оборонительных боев оказалась окруженной противником. Командир и его подчиненные воевали по закону верности Родине и по одному правилу — не сдаваться врагу, драться до последнего. И вот, маневрируя отдельными орудиями, прикрывая друг друга метким и интенсивным огнем, батарея наносила врагу невосполнимые потери. Два взвода вражеской пехоты нашли свою гибель от убийственного огня орудий батареи Павлова. Мужественные артиллеристы не только с успехом отбились от наседавшего врага и вышли из окружения без серьезных потерь, но захватили в плен четырех неприятельских солдат и офицеров.

Немецко-фашистское командование считало танки своим главным козырем и поэтому старалось использовать их как можно эффективнее. На отдельных участках фронта гитлеровцы применяли до тысячи и больше машин, но советская артиллерия и истребители танков, находившиеся в рядах пехотинцев, смело отражали их атаки.

Взять Сталинград фашистские захватчики так и не смогли.

Наши люди, воспитанные ленинской партией, стояли здесь, у волжской твердыни, как исполинский утес, явив миру образец стойкости, мужества и героизма.

Несмотря на величайшие трудности, вызванные вторжением в нашу страну гитлеровских захватчиков, партия и правительство неустанно заботились о том, чтобы снабдить войска всем необходимым. Характерно, что войска фронтов, действовавшие на сталинградском направлении, имели, например, значительно больше артиллерии, чем войска Западного фронта, оборонявшие осенью 1941 года Москву. Если перед началом оборонительного сражения под Москвой каждая общевойсковая армия имела в среднем около 590 орудий и минометов, то в начале обороны Сталинграда на каждую армию приходилось до 1070 орудий и минометов, то есть вдвое больше. К концу оборонительного сражения каждая армия, действовавшая на сталинградском направлении, имела в среднем 1100 орудий и минометов.

Стойкость сталинградцев враг пытался сломить жестокостью: он нещадно бомбил город, разрушая жилые дома, заводы, школы, культурные учреждения. Район города превратился в сплошной ад.

Учитывая беспрерывные бомбежки, нам пришлось отвести за Волгу почти всю крупнокалиберную артиллерию. В самом городе осталась преимущественно полковая и дивизионная артиллерия, способная вести огонь по живой силе и танкам. А отведенная за Волгу артиллерия наносила по врагу массированные удары в различных направлениях его наступления.

Так, например, мощная артиллерийская группа в 250 орудий крупных калибров под командованием генерала В. П. Дмитриева обстреливала войска противника, срывая все его попытки взять город. И чтобы как-то оправдать

свои неудачи при наступлении на Сталинград, немецко-фашистское командование распространило следующее сообщение: «У русских на восточном берегу Волги внезапно появилась масса тяжелой артиллерии». Вот тогда-то геббельсовская пропаганда вынуждена была заявить «об абсолютной неприступности волжской крепости», «о диком упорстве большевиков». Хотя и вынужденное, но это уже было признание реального факта.

По неофициальным данным, гитлеровское командование намеревалось взять Сталинград 25 июля, Саратов — 10 августа, Куйбышев — 15 августа, Арзамас — 10 сентября, Баку — 25 сентября 1942 года. Но все эти бредовые планы рухнули. Их сорвала наша армия.

За битвой у Волги следил весь мир.

22 сентября 1942 года лондонский радиокорментатор заявил: «История Сталинграда является сейчас уже не военной историей, а историей человечества».

В ожесточенных сражениях между Волгой и Доном в июле — ноябре 1942 года враг потерял 700 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными, более тысячи танков, свыше 2 тысяч орудий и минометов, более 1400 самолетов,

В то время, как немецкая группировка слабела, наши силы крепили, наращивались для сокрушительного контр-наступления. Уже разработана классическая операция по окружению и уничтожению врага под Сталинградом. В соответствии с ее планом войска Юго-Западного фронта нанесли главный удар с плацдарма юго-западнее города Серафимовича. Свои усилия они направили на разгром 3-й румынской армии и затем, развивая стремительное наступление в направлении на город Калач, соединились с войсками Сталинградского фронта, который наносил встречный удар на населенный пункт Совет-

ский. Во взаимодействии с Донским и Сталинградским фронтами наши войска смяли и уничтожили вражескую группировку. Одновременно, чтобы обеспечить наступление ударной группировки, Юго-Западный фронт частью сил правого крыла перешел в наступление в юго-западном направлении и вышел на рубеж рек Кривая и Чир, создав здесь активно действующий внешний фронт окружения.

Сталинградский фронт перешел в наступление из района Сарпинских озер, разгромив 6-й армейский корпус румын, и, развивая наступление на северо-запад в направлении Советский, он затем соединился с войсками Юго-Западного фронта. Сталинградская группировка врага была окружена и затем войсками Донского фронта ликвидирована. Для обеспечения действий своей ударной группировки фронт частью сил наступал в направлении Абганерово и Котельниково, также образовав на этом направлении внешний фронт окружения.

Наш Донской фронт получил задачу нанести два вспомогательных удара. Один — из района восточнее станицы Клетской на юго-восток с целью ликвидации обороны противника на правом берегу Дона. Другой — из района поселка Качалино на юг, вдоль левого берега Дона, в общем направлении на хутор Вертячий с задачей отсечь вражеские войска в малой излучине Дона от основной их группировки.

На артиллерию была возложена особенно почетная задача. Ведь это была операция, в которой советская артиллерия впервые нанесла по врагу массированные удары огромной силы. Как я уже сказал в предисловии к этой книге, в ознаменование ее заслуг в Великой Отечественной войне и был учрежден День артиллерии — 19 ноября. В этот день артиллерия положила начало контрнаступлению советских войск под Сталинградом.

Но продолжу начатый рассказ.

Поскольку на артиллерию фронта была возложена но-

вая ответственная задача, предстояло очень тщательно подготовиться к ее выполнению. Личный состав каждого артполка, арtdивизиона должен был хорошо изучить противостоящего противника, выявить наиболее важные цели, подготовить точные данные для стрельбы, чтобы надежно подавить их, расчистив путь нашей пехоте и танкам.

Большие трудности создавала артиллеристам местность: высокий правый берег Дона, кое-где возвышавшийся над левым на 60—80 метров. Со своих наблюдательных пунктов противник мог просматривать наше расположение на большую глубину и видеть все как на ладони. В то же время его оборона была почти полностью скрыта от наблюдения высоким берегом, что создавало большие трудности для разведки.

Чрезвычайно сложным оказалось передвижение артиллерии по открытой, безлесой местности. К тому же дороги были очень плохие. Поэтому тракторы и автомашины двигались медленно и часто выходили из строя. Не лучше обстояло дело с передвижением орудий на конной тяге. Когда-то сильные артиллерийские кони превратились в клячу, до того они были измучены. Артиллеристы сами нередко впрягались вместе с лошадьми и на лямках, напрягая силы, метр за метром тянули свои орудия вперед по размытым дорогам.

Очень трудно было укрыться на открытой местности, почти лишенной растительности. Маскировка и оборудование позиций требовали от артиллеристов большой выдумки, инициативы и подлинного искусства. Не так-то легко было замаскировать даже обыкновенные землянки для укрытия личного состава от непогоды. И все же это делалось, и никому никакой скидки на трудности не давалось.

На участках прорыва было развернуто более 400 наблюдательных пунктов командиров батарей, дивизионов

и полков. Если считать, что на каждом наблюдательном пункте одновременно вели разведку только два наблюдателя, то и тогда получается, что за противником неотрывно следили около тысячи пар глаз, вооруженных биноклями и стереотрубами.

Многие артиллерийские командиры незадолго до расвета высылали разведчиков в нейтральную зону, на те участки, которые не просматривались с наблюдательных пунктов. Разведчики пробирались поближе к расположению противника и там тщательно маскировались. На голой степной местности это было делом не только весьма сложным, но и опасным. Свою неприметную, но героическую работу артиллерийские разведчики начинали с рассветом и заканчивали поздно вечером. Под покровом темноты они возвращались к своим командирам и докладывали о результатах наблюдений.

Мне бы хотелось, чтобы читатель представил себе, что это был за труд и каким мужеством и умением, какой выносливостью и выдержкой должен обладать солдат или сержант, способный один, прикрывшись за каким-нибудь кустиком, неподвижно лежать 12—15 часов в 40—50 метрах от проволочных заграждений врага. И не просто лежать, а смотреть, замечать и запоминать все, что делается у противника, чтобы затем вернуться ползком обратно и обо всем точно доложить.

Тогда под Сталинградом эти действия бойцов считались обычными. Да и сами разведчики не думали, что они делали что-то выдающееся. А ведь каждый из них был подлинным героем.

Мне приходилось беседовать со многими воинами, вернувшимися с «нейтралки». Большинство без всякой рисовки уверяло меня, что это — привычное и не такое уж опасное дело. Помню, один разведчик — молодой московский рабочий, придя поздно вечером из нейтральной зоны, очень толково доложил о разведанных целях

и о поведении противника. На мой вопрос — не тревожно ли было? — ответил:

— Когда в первый раз ходил, верно, тревожился я, было. А теперь нет. Я еще днем присмотрел несколько подходящих местечек — воронок, кусточков, бугорков, чтобы с наступлением темноты двигаться уверенно. Примерно за час до рассвета я добрался до своего НП, устроился как следует. А когда рассвело — фашист передо мной как на ладони. Смотрел за ним внимательно, все запоминал. Даже вот схему нарисовал. Одно плохо — курить до смерти хочется. Но ничего, — закончил он очень спокойно и деловито. — Раз надо, так надо. Что ж поделаешь!

Если б он знал, как командиры и товарищи целый день за него беспокоились, нервничали, не выдаст ли он себя каким-нибудь неосторожным действием и не попадет ли в лапы к фашистам.

Не раз я восхищался искусством и поразительной наблюдательностью наших разведчиков. Многие из них знали, что и где находится у противника, пожалуй, не хуже, чем хозяйка знает все, что у нее в квартире и на кухне. Стоило только спросить такого разведчика, что делается на его участке, и он во всех деталях тут же знакомит вас со своим «хозяйством». У него точно можно узнать не только то, где и какая цель обнаружена — пулемет, наблюдательный пункт, блиндаж или еще что-либо в этом роде, но и историю каждой цели: когда она появилась, чем замаскирована, для чего предназначена.

От взора опытного артиллерийского разведчика не ускользало ни малейшее изменение на участке, за которым он наблюдал. Появившаяся едва заметная полоска земли, легкий дымок, что вьется за бугорком, и многое другое — все это запоминалось или заносилось в журнал наблюдения. По каждому, на первый взгляд незначительному изменению обстановки опытный артиллерийский

разведчик делал безошибочные выводы о характере действий противника, догадывался интуитивно о его намерениях. Побывав на таких наблюдательных пунктах и побеседовав с артиллерийскими разведчиками, можно было составить достоверное мнение о поведении противостоящего противника.

Особую роль играла в наших условиях звуковая разведка. Ее подразделения, вооруженные специальной аппаратурой, были способны определять по звуку выстрелов расположение артиллерийских батарей противника, не видимых с наземных наблюдательных пунктов. Именно с их помощью нам удавалось достаточно полно вскрывать группировки вражеской артиллерии.

Если артиллерийским штабам пришлось затратить много труда на организацию разведки, то не меньше сил и времени потребовалось им на планирование огня и использование артиллерии в предстоящей операции.

В 1942 году родилось новое понятие — артиллерийское наступление. Оно впервые было сформулировано в начале года и сыграло большую роль в разгроме врага.

Поскольку это очень важная веха в развитии артиллерии, коротко расскажу об артиллерийском наступлении.

Основная идея его заключалась в сосредоточении на участках прорыва основной массы артиллерии, имеющейся на фронте армии. Своим огнем артиллерия должна была сначала подготовить атаку, а затем оказывать непрерывную поддержку наступающим войскам — пехоте и танкам, сочетая свой огонь с их движением. Чтобы придать артиллерийскому наступлению определенную стройность, его расчленили на три периода: артиллерийская подготовка атаки; поддержка атаки; сопровождение пехоты и танков при бое в глубине обороны противника. Такой порядок требовал большой подготовки и высокой органи-

зованности. К участкам прорыва стягивались тысячи орудий и минометов, которые предстояло принять, распределить между армиями и дивизиями, расположить на местности, обеспечить достаточным количеством боеприпасов.

Во время подготовки атаки пехоты и танков, то есть в первый период, вся эта огромная масса артиллерии обрушивала десятки тысяч снарядов и мин на голову врага, надежно подавляла его оборону. А подавить — значило нанести противнику такие потери, так воздействовать на него морально, чтобы он лишился способности к сопротивлению хотя бы на короткое время, достаточное для успешной атаки нашей пехоты и танков.

Вполне естественно, что эффективность подобной артиллерийской подготовки была в прямой зависимости от результатов разведки и точности ведения огня, требовала длительной, напряженной работы тысяч разведчиков, топографов и многих других специалистов. Артиллерийские штабы обязаны были руководить всей этой сложной многосторонней работой и разумно планировать огонь артиллерии.

За мощной артиллерийской подготовкой атаки следовал период ее поддержки. В это время артиллерия помогала пехоте и танкам овладеть первыми траншеями противника и продвинуться на 4—6 километров в глубину его обороны. Для этого она ставила плотную завесу огня перед фронтом наступающих войск. Затем, по мере продвижения пехоты, артиллерия последовательно переносила огонь все далее и далее в глубину обороны противника, как бы ведя наступающих за собой. В этот период артиллерия подавляла огонь орудий и минометов противника, препятствовала подходу его резервов, отражала контратаки. Прямой наводкой она уничтожала цели, мешавшие дальнейшему продвижению пехоты и танков.

Третий период — артиллерийское обеспечение боя в

глубине обороны противника — был самым сложным в смысле его организации и проведения. Когда наши войска глубоко вклинивались в оборону противника, расширяли фронт прорыва и развивали стремительное наступление, требовалось, чтобы артиллерия непрерывно поддерживала, сопровождала своим огнем наступавшие части. Тут уж каждый полк и дивизион, каждая батарея получали большую самостоятельность. Артиллерийские подразделения часто вынуждены были действовать в отрыве от соседей, не имея связи со своими штабами и тылами. В этих условиях управлять артиллерией и снабжать ее всем необходимым становилось очень сложно: требовалась четкая и напряженная работа артиллерийских командиров всех рангов.

Все сказанное об артиллерийском наступлении внешне может показаться простым и ясным. Но оно оказалось довольно сложным делом. С появлением совершенно новых требований к артиллерии понадобилось некоторое время, чтобы осмыслить все и проверить на практике. Прошли месяцы, насыщенные большими и малыми боями и операциями, прежде чем артиллерийское наступление приобрело необходимую стройность. В ноябрьские же дни 1942 года нам еще много было неясно, о многом еще нужно было серьезно подумать. А время не ждало, и мы работали с большим напряжением.

Мы всегда были уверены, что командиры и политработники артиллерийских полков, их штабы и тылы, весь личный состав принимали самые энергичные меры, чтобы с честью выполнить поставленные задачи. Великая идея разгрома фашистов под Сталинградом подогревала каждого. И это никакими словами не опишешь.

Целеустремленно и деятельно трудились политические работники, партийные и комсомольские организации, проводившие большую воспитательную работу среди воинов нашего фронта, в частности, среди артиллеристов, на ко-

торых в предстоявших боях, как я уже говорил, возлагалась особая роль.

Военный совет и политическое управление фронта боевому организовали партийно-политическую работу. Известно, что если перед отдельным воином, перед подразделением поставлена предельно четкая задача, если им до конца ясны цели боя, которые готовит командование, то это всегда содействует успеху. Именно разъяснение каждому воину, расчету, экипажу, отделению их боевой задачи и была подчинена политическая работа в частях и подразделениях.

Политическая работа сочеталась с учебой, с доведением до войск указаний. Поскольку войска долго оборонялись, а теперь им предстояло наступать, я поручил штабу артиллерии фронта, его начальнику, талантливому артиллеристу генералу Г. С. Надысеву разработать специальные указания по боевому применению артиллерии с учетом обстановки на нашем фронте. Ведь нам предстояло решать артиллерийские задачи по-новому. Такие указания были разработаны штабом артиллерии фронта. В них содержались весьма полезные рекомендации: как действовать артиллеристам при прорыве сильно укрепленной обороны противника, при вводе в прорыв войск, предназначенных развить успех, и в глубине вражеской обороны, разъяснялось, как проводить артиллерийское наступление.

Командиры, политработники, коммунисты и комсомольцы довели эти указания и рекомендации до каждого оружейного расчета. Это было дело огромной важности. И надо сказать, что наши политические работники прекрасно справлялись с этой важной задачей. Всю идейно-политическую работу на нашем Донском фронте возглавляли член Военного совета генерал-лейтенант К. Ф. Телегин, начальник Политического управления генерал-майор С. Ф. Галаджев. Помимо того, что большую часть времени

сами проводили в полках и дивизиях, они сумели организовать подготовку целой армии пропагандистов и агитаторов из числа передовых артиллеристов-коммунистов и комсомольцев. С их помощью все задачи были доведены до каждого артиллериста.

С исключительным напряжением трудились в те дни командиры и рядовые артиллерийского снабжения. В сложной обстановке благодаря опыту и энергии нашего командного состава удалось организовать подвоз боеприпасов в войска. А это была тоже нелегкая задача.

Чтобы читатель хотя бы приблизительно представил себе их работу, приведу несколько красноречивых и о многом говорящих цифр: для подвоза только одного боевого комплекта снарядов и мин требовалось более 5000 полутоннажных грузовых автомобилей, а нам к началу операции надо было подвезти до трех боевых комплектов. Кроме этого, предстояло транспортировать продовольствие, горючее и многое другое. Помимо сил и энергии, при решении таких больших задач нужна была высокая организованность, распорядительность и оперативность аппарата артиллерийского снабжения. Вот почему войска своевременно получили необходимое количество снарядов и мин, которое можно выразить весьма внушительной цифрой: один боевой комплект составлял около 700 тысяч снарядов и мин, не считая 50-миллиметровых мин, зенитных снарядов и снарядов для «катюш».

К началу операции необходимо было около трех миллионов снарядов и мин на одном нашем фронте. А ведь в окружении и уничтожении вражеской группировки принимали участие войска еще двух фронтов.

К началу нашего наступления на трех фронтах было сосредоточено около восьми миллионов снарядов и мин. Любопытно отметить, что во всей царской армии к началу первой мировой войны имелось в наличии немногим более семи миллионов снарядов всех калибров. Цифры эти

многозначительны и, когда размышляешь над ними, можно сказать читателю: труднейшая задача обеспечения боевыми комплектами снарядов и мин решалась успешно благодаря высокой сознательности, твердой дисциплине и безоговорочной исполнительности рядового и командного состава органов снабжения. От них во многом зависели успехи боев и операций.

19 ноября 1942 года 11 000 орудий, реактивных установок и минометов Юго-Западного и Донского фронтов у берегов Дона начали одну из величайших наступательных операций минувшей войны. Непрерывный гул от выстрелов и разрывов покатился по Дону от Верхнего Мамона до Паньшино и далее до Волги. 20 ноября открыли огонь еще 5000 орудий и минометов южнее Сталинграда.

И вот настал долгожданный день и час, к которому мы так тщательно готовились. Туман густой пеленой застилал местность. Авиация не смогла действовать. Это всех, от командующего фронтом до солдата, очень беспокоило. Стало ясно, что теперь успех прорыва обороны противника во многом зависит от артиллерии, от ее организованности, мощности и точности огня. Тогда никто и не предполагал, что этот день войдет яркой страницей в летопись Великой Отечественной войны, а 19 ноября станет знаменательной и особенно дорогой для нас, артиллеристов, датой.

Артиллерия держала ответственный экзамен. Все мы, конечно, очень волновались, хотя всячески старались казаться спокойными. Да и как не волноваться!

Еще до нашего приезда на наблюдательный пункт артиллерийские командиры сверили часы. Чтобы добиться одновременного открытия огня всей артиллерии, мы ввели некоторые неуставные команды, которые прижились и

применялись до конца войны. Примерно за 5 минут до начала артиллерийской подготовки подавалась команда: «Оперативно!», означавшая прекращение переговоров по всем линиям связи. Затем передавали: «Зарядить!» За одну-две минуты до открытия огня по всем линиям связи раздавалась команда, родившаяся на фронте: «Натянуть шнуры!» Тысячи расчетов застыли у орудий в ожидании волнующей команды «Огонь!» За 20 секунд до назначенного времени прозвучала и эта радостная команда. Ее дублировали сигнальные ракеты. Ровно в 7 часов 30 минут в тишину туманного утра ураганом ворвался гром артиллерийской канонады.

В тот день всем нам впервые довелось быть свидетелями артиллерийской подготовки такой невиданной силы. Воздух наполнился грохотом многих тысяч выстрелов и вторивших им разрывов. Во время первого огневого налета каждую минуту производилось 5—6 тысяч выстрелов. Мы различали на слух резкие выстрелы пушек, глуховатое уханье гаубиц и частое побрякивание минометов. Артиллерия усердно перепахивала оборону противника. Столбы пыли и земли, смешанные со снегом, обломки вражеских наблюдательных пунктов, блиндажей и землянок взлетали в воздух. Мы, как завороченные, смотрели на эту феерическую картину.

Артиллерийская подготовка оказалась, в общем, эффективной, поскольку на многих участках была достигнута высокая точность огня. Уже к середине артиллерийской подготовки многие подразделения противника начали оставлять окопы и блиндажи, переходя на новые позиции в глубине обороны.

Наступательный дух наших пехотинцев был очень высок, боевые действия не прекращались даже ночью. Артиллерийским начальникам все время приходилось планировать действия артиллерии и обеспечивать продвижение пехоты,

С рассветом 20 ноября мы снова были на наблюдательном пункте 65-й армии. Чувствовали себя бодро, у всех было приподнятое настроение. Глядя на нас, никто не сказал бы, что мы провели бессонную ночь в напряженной работе. Видимо, все держались на нервах. Усталости никто не чувствовал, да и думать о ней просто не было времени. Всеми владела только одна мысль: вперед!

Утром погода не улучшилась. Как и накануне, стоял густой туман; мокрый снег крупными хлопьями опускался на землю, как бы пытаясь своей белой пеленой прикрыть следы вчерашнего боя. Второй день наступления начался опять без участия авиации. Теперь это было не так ощутимо, как накануне, когда мы держали первый экзамен, прорывая главную полосу вражеской обороны.

Отсутствие авиации, как и в первый день, восполняла артиллерия, нанося мощные огневые удары, круша оборону врага. Независимо от погоды пехота не могла обойтись без нашей непрерывной поддержки, и мы делали все, что было в наших силах.

Дальнейшее наступление развивалось успешнее. Противник нес большие потери, но, отходя, продолжал отчаянно сопротивляться, цепляясь за каждый населенный пункт, за каждую высоту. То на одном, то на другом участке фронта разгорались ожесточенные схватки.

И здесь, на Донском фронте, мы наблюдали такую же беззаветную самоотверженность и изумительное мужество наших артиллеристов, какие видели в сражении под Москвой.

...Помощник командира огневого взвода гвардии старший сержант Петр Белоусов заменил выбывшего из строя командира. В боях под Казачьим курганом Белоусов получил пять ранений, но продолжал командовать взводом. Под его руководством было уничтожено 3 вражеских орудия, 6 пулеметов и 20 гитлеровцев. В боях по раз-

грому окруженной группировки врага погиб храбрый артиллерист Петр Белорусов. Боевые друзья-сталинградцы навсегда сохранили в своих сердцах светлую память о мужественном гвардейце, который во имя грядущей победы не пожалел своей жизни.

Вот другой пример.

Хутор Ново-Алексеевский был превращен врагом в сильный опорный пункт. Фашисты крепко засели там и с дальнего расстояния трудно было выбить их артиллерийским огнем. Тогда расчет орудия 168-го легкого артполка под командой гвардии старшего сержанта Александра Ретиева выкатил пушку на прямую наводку. Ему удалось приблизиться к хутору на расстояние 200 метров и открыть огонь с ходу. Прямым попаданием он уничтожил командный пункт противника. Лишившись управления, враг ослабил сопротивление. Тогда орудие Ретиева перенесло огонь на другие цели, и наша пехота с криком «ура» ворвалась в хутор, захватив пленных и трофеи.

Еще больше потерь нанесло врагу орудие 219-го легкого артиллерийского полка гвардии старшего сержанта Григория Курбатова. Расчет его подбил одну вражескую самоходную пушку, 2 танка, уничтожил шестиствольный миномет, 2 орудия, разрушил 2 блиндажа. Там, где появлялся расчет Курбатова, фашистам невозможно было устоять. Он затрачивал минимальное время, чтобы изготавиться к бою и открыть меткий уничтожающий огонь.

Для непосредственного сопровождения танков, или, как принято было говорить, «для сопровождения их огнем и колесами», выделялись подразделения полковой и противотанковой артиллерии. Их командиры проявляли разумную инициативу, находили новые элементы в тактике применения артиллерии, которые рождались в ходе боев по инициативе артиллерийских командиров.

Командир первой батареи истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона 84-й стрелковой дивизи-

зии старший лейтенант Кулаков организовал боевое взаимодействие с танкистами по-новому. Не надеясь на свои потрепанные тягачи, он договорился с танкистами, чтобы они прицепили орудия к танкам, а расчеты орудий посадили на броню. Когда подразделения вышли в расположение противника, артиллеристы быстро отцепили орудия и изготовились к бою. Батарея действовала слаженно и организованно и подбила три вражеских танка. В некоторых наших танках находились артиллерийские представители, которые корректировали огонь своих батарей и дивизионов.

На другом участке артиллерийский полк, которым командовал майор Г. И. Пересыпкин, сопровождал в наступлении танки. Командир 5-й батареи этого полка старший лейтенант Торопещкий по договоренности с танкистами тоже прицепил орудия к танкам, а расчеты, вооруженные автоматами и винтовками, передвигались в качестве десанта на танках. Этот прием действия артиллерии Торопещкий применил, не зная, что точно так же поступил его товарищ Кулаков. Когда наши танки встретили упорное сопротивление врага и вынуждены были остановиться, артиллерийские расчеты быстро отцепили орудия и тотчас с места открыли огонь, поведя решительную борьбу с противотанковыми средствами врага.

На ряде участков артиллеристы придавались подвижным группам, в задачу которых входило развивать наступление через образовавшиеся бреши, заходить в тыл врагу. Так, например, подразделения артиллерийского полка под командованием подполковника Эристова, приданные подвижной группе, вышли в тыл противнику в районе хутора Евлампиевский. Поддерживаемая сильным артиллерийским огнем подвижная группа захватила вражеский аэродром, на котором находилось 25 самолетов.

Через некоторое время перед полком Эристова была поставлена задача — поддержать наступление пехоты на

противника, засевшего в населенных пунктах Б. Набаторская и М. Набаторская. Враг окопал танки и орудия, сильно укрепив свои оборонительные позиции. Артогонь с закрытых позиций по обороне его не дал должного эффекта. Наступление наших стрелковых подразделений задерживалось.

Подполковник Эристов решил боевую задачу весьма оригинально: приказал расчетам, взаимно поддерживая друг друга огнем, поочередно перекачивать орудия и стрелять по целям прямой наводкой.

Такого штурма гитлеровцы не выдержали и отступили. Артиллеристы организовали взаимодействие с нашей кавалерийской частью и отбили у оккупантов оба населенных пункта, захватив в качестве трофеев до 100 автомашин и 7 исправных танков, несколько складов с продовольствием.

Но наращивать высокий темп наступления мешали грязь и разбитые дороги. Поэтому при развитии наступления вся тяжесть непрерывной огневой поддержки стрелковых подразделений легла на батальонную, полковую и частично на дивизионную артиллерию, а также на истребительные противотанковые полки. Для артиллерии не хватало средств тяги, но благодаря неиссякаемой солдатской сметливости, инициативе выход всегда находился. Например, в приведенных выше случаях, когда к танкам прицеплялись пушки, а их расчеты усаживались на броню.

Орудия батальонной и полковой артиллерии не так тяжелы: вес их колеблется от 600 до 900 килограммов. По сравнению с весящими от трех до девяти тонн, это были действительно легкие пушки, их перекачивали вручную. Но понятие о весе весьма относительно. Даже самую легкую 45-миллиметровую пушечку тащить вручную не так-то просто. По хорошей дороге ее перекачивал расчет из пяти-шести человек. В бою же путь движения

никогда не бывает хорошим. Чтобы не отстать от боевых порядков пехоты, артиллеристы тянули свои пушки по снежному полю, изрытому траншеями, окопами и множеством больших и малых воронок. Все эти препятствия воинам приходилось брать под постоянным огнем воздействием противника, и к тому же вести огонь по врагу, подносить самим снаряды, а потом вновь все дальше, вперед перекачивать орудия... Люди выбивались из сил, но заставляли себя преодолевать усталость, неотступно продвигались за пехотой, поддерживая ее своим огнем.

Бой не бывает без потерь. Несли потери и орудийные расчеты. Так что нередко в них оставалось по четыре, а то и по три человека. В таких случаях орудия могли еще стрелять, но поредевшим расчетам становилось не под силу передвигать пушки. И тут на помощь артиллеристам приходили пехотинцы. Это стало неписанным железным законом взаимной выручки в бою. Все понимали, что орудия сопровождения пехоты не должны отставать. И они не отставали.

Хотя наступление развивалось медленнее, чем нам хотелось, все же наши войска упорно продвигались вперед, и враг терял одну позицию за другой, то тут, то там нависала угроза его полного окружения.

Гитлеровское командование всячески старалось не допустить соединения наших танковых и механизированных частей в районе Советского. Однако 23 ноября они соединились, а к 25 ноября совместно со стрелковыми дивизиями закрепили достигнутый успех и создали плотное кольцо окружения вражеской группировки. К 30 ноября 1972 года занятая окруженной группировкой площадь уменьшилась более чем вдвое.

Поняв, что окруженным войскам грозит полное истребление, немецко-фашистское командование уже в по-

следние дни ноября начало перебрасывать к Волге свои резервы с запада. Наше командование приняло меры, чтобы создать внешний фронт окружения, дабы не позволить врагу выручить свои войска.

Чтобы показать, какую роль сыграла артиллерия в ноябрьских боях, приведу некоторые цифры. Артиллерия только нашего Донского фронта за 12 дней обрушила на противника более 3,5 тысячи тонн металла и взрывчатого вещества. Для подвоза такого количества боеприпасов одним рейсом понадобилось бы около 14 тысяч полутоннажных автомобилей. Длина такой автомобильной колонны составила бы около 400 километров.

Артиллерия Донского фронта нанесла противнику тяжелые потери: уничтожила более 1300 различных целей, в том числе 50 артиллерийских и минометных батарей, 370 станковых и ручных пулеметов, 570 дзотов, блиндажей и большое количество живой силы. Кроме того, в ходе наступления было подавлено огромное количество различных целей — артиллерийские и минометные батареи, отдельные орудия, минометы и пулеметы.

Только один истребительный противотанковый артиллерийский полк под командованием майора Котеловского, который сопровождал кавалерийское соединение, за период с 19 по 30 ноября сжег 180 автомашин, разбил 35 огневых точек, обеспечил захват двух аэродромов с 40 самолетами. Артиллерийская противотанковая истребительная бригада под командованием полковника Зубкова за этот же период истребила 140 автомашин, 20 тягачей, до батальона пехоты. Истребительный противотанковый артиллерийский полк майора М. А. Мазы, обеспечивая бой танкового соединения, уничтожил 23 танка, 94 автомашины, 17 огневых точек, 45 повозок с грузом, 9 противотанковых орудий, одну самоходную пушку и до 2 батальонов пехоты.

Велика была роль и зенитной артиллерии. Вместе с

истребительной авиацией она не позволяла вражеским самолетам бомбить наши войска и тылы. К началу Сталинградской операции наша зенитная артиллерия на всех трех фронтах значительно усилилась, ее действия стали более решительными и целеустремленными. Она сбила 125 самолетов врага.

Наступил декабрь 1942 года. Дон сковало прочным льдом. Участились снежные метели, заметая фронтовые дороги. Их расчищали сотни и тысячи людей. В условиях приволжских степей суровая зима создавала особые трудности для размещения войск. Единственным укрытием от пронизывающих насквозь ветров, не считая немногочисленных деревень, были балки. К ним тянулось все живое.

В безлесных степях с большим трудом приходилось добывать топливо. Невозможно было раздобыть материал, чтобы делать двери для землянок и блиндажей. Вместо дверей использовались плащ-палатки, которые слабо удерживали тепло.

Мороз и метели сильно мешали нашему наступлению. Но вместе с тем они были нашими союзниками, потому что вражеские солдаты и офицеры имели обмундирование далеко не по сезону. Фашистское «воинство» с каждым днем все больше теряло свой внешний вид: солдаты кутались в награбленные у местного населения женские платки, кацавейки, стеганки и даже тряпье, которое кое-как защищало их от лютого холода. Выглядели они весьма комично, эти новоиспеченные «завоеватели».

Советский народ, Коммунистическая партия и Советское правительство, несмотря на огромные трудности, хорошо позаботились о своей армии: солдаты и командиры имели теплое белье, стеганые ватные шаровары и телогрейки, полушубки, шапки-ушанки, валенки, теплые

рукавицы. Морозы и пронизывающие ветры были им не так уж страшны. Но сам театр военных действий продолжал создавать серьезные трудности при расположении боевых порядков войск, особенно артиллерии. Выбор огневых позиций для батарей стал большой и трудной проблемой.

Как же выходили из положения артиллеристы?

Немногие батареи располагались в неглубоких балках, большинство их находилось на гладкой, как стол, местности в специально оборудованных снежных окопах, и их враг не обстреливал только потому, что окруженные вражеские войска сидели на «голодном пайке» по всем видам довольствия. Они вынуждены были беречь свои ничтожные запасы снарядов и мин до крайнего случая.

Нелегко нам, конечно, было и с выбором наблюдательных пунктов. При отходе противнику удалось оторваться от наших войск и закрепиться на довольно выгодных рубежах. Снова многие командные высоты оказались в его распоряжении. Нам пришлось разместить изрядное количество наблюдательных пунктов на небольших высотах, с которых представлялась хотя бы небольшая возможность вести наблюдение.

Наши войска упорно улучшали и совершенствовали свои боевые позиции, используя для этого частые бои. Так, например, противник занимал выгодные позиции в районе Пяти курганов. Командир 252-й стрелковой дивизии генерал-майор Г. И. Анисимов вместе с командиром 275-го гаубичного полка подполковником А. И. Телегиным разработали план захвата этих позиций врага. Они решили одной стрелковой ротой при поддержке тяжелой артиллерийской батареи атаковать главный — левый курган. Командовал батареей старший лейтенант Нетудыхатко. Получив приказ, он выбрал удобный наблюдательный пункт и удачно расположил орудия батареи, хорошо замаскировав их.

В установленное время батарея Нетудыхатко обстреляла курган методическим огнем. С наблюдательного пункта хорошо было видно, что снаряды разрываются у целей. Это вынудило фашистов оставить свои позиции.

Вечером фашисты предприняли контратаку. Но за это время наша пехота и артиллеристы хорошо закрепились и дали врагу жестокий отпор. С падением главного, левого кургана положение врага на остальных четырех стало шатким, и нашим подразделениям скоро удалось овладеть ими. Таким же способом были улучшены позиции и на других участках линии окружения вражеских войск.

Немецко-фашистское командование предпринимало отчаянные попытки выручить свои войска, окруженные под Сталинградом, снабжать их по воздуху. В этой обстановке большая, ответственная задача возлагалась на наши зенитные артиллерийские части. Действия транспортной авиации противника по доставке грузов окруженной армии начались еще 28 ноября. Самолеты пролетали в «котел» главным образом с запада и юго-запада, так как их аэродромы на внешнем фронте базировались в Тацинской, Морозовском, Миллерово. Поэтому именно здесь, на этих направлениях, и сосредоточили свои основные усилия наши зенитная артиллерия и истребительная авиация. Вражеская авиация несла большие потери. Для противника наступили весьма тяжелые времена. Кольцо окружения с каждым днем сжималось, и воздушная блокада становилась все плотнее. От нашего зенитного артогня противник терял много самолетов.

Со временем лучшие аэродромы врага на окруженной территории в Большой Россошке и Питомнике попали под постоянный обстрел нашей артиллерии, и поэтому производить на них посадку транспортных самолетов противник

практически не имел возможности. 16 и 17 января мы захватили оба эти аэродрома и один — в Басаргино. С того времени в кольце у врага оставались лишь аэродром в Гумраке и Центральный. Но и они с 21 января попали под интенсивный обстрел артиллерии, а 24 января и аэродромный узел Гумрак был захвачен. С этого дня противник вынужден был снабжать окруженные войска путем сбрасывания грузов на парашютах и даже без парашютов. Но наша зенитная артиллерия совместно с истребительной авиацией не позволяла им и этого.

Плотность зенитного артиллерийского огня с каждым днем увеличивалась, что вынудило вражескую авиацию при ясной погоде совершать полеты на высоте до четырех-пяти тысяч метров. Поэтому немало сброшенного груза попадало к нам. Нередко фашистские летчики, опасаясь за свою жизнь, не решались входить в зону зенитного огня, зная, насколько он точен. Поэтому нередко сбрасывались грузы и иногда на весьма далеком расстоянии от кольца окружения. Жители недавно освобожденных советских деревень пользовались этими «ошибками» немецких летчиков. Однажды был захвачен в плен немецкий офицер, в полевой сумке которого оказалась таблица световых сигналов для обозначения места сбрасывания грузов. Используя эти таблицы, советские войска «получили» много грузов.

Бывшие фашистские генералы в своих воспоминаниях на все лады проклинают погоду, которую выставляют чуть ли не главной виновницей, мешавшей работе их транспортной авиации. Но странное дело! Изучая отчеты командиров зенитных подразделений Донского фронта за декабрь 1942 года и январь 1943 года, я пришел к выводу, что сетования немецких генералов на погоду абсолютно необоснованы, в большинстве своем лживы.

В отчетах зенитчиков я нашел раздел, в котором они фиксировали режим работы транспортной авиации про-

тивника. Оказывается, дневные полеты к «котлу» фашистские летчики совершали только в облачную погоду. Они пролетали в облаках или выше их, ориентировались и совершали посадку, пользуясь пеленгами своих радиостанций на окруженной территории. Значит, плохая погода не так уж мешала гитлеровским летчикам! Скорее, она была их союзником и защитником от огня нашей зенитной артиллерии. В ясную погоду фашисты предпочитали летать ночью. Число ночных вылетов к «котлу» составило 80 процентов от общего числа полетов.

По свидетельству Манштейна, спешившего на выручку войск Паулюса, но так и не сумевшего его выручить, фашистская авиация потеряла в этот период 488 самолетов и до 1000 человек летного состава. Пусть эти цифры и приуменьшены, но тем не менее они значительны и свидетельствуют о высоком боевом мастерстве зенитной артиллерии и наших летчиков-истребителей.

Начало операции по уничтожению окруженных вражеских войск было назначено на 10 января 1943 года. Донской фронт еще в декабре приступил к активной подготовке для решительного наступления.

В середине декабря к нам прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования — командующий артиллерией Красной Армии главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов с большой группой командного состава, составлявшей его оперативный штаб.

Планируя артиллерийское наступление, мы учли опыт артиллерийской подготовки, проведенной 19 ноября, характер обороны и моральное состояние вражеских войск, которое стало намного ниже после 19 ноября. Мы решили, что удар артиллерии должен быть очень сильным, но коротким. Образно говоря, мы намеревались сбить противника с ног одним ударом «увесистого кулака».

Если в контрнаступлении 19 ноября 1942 года в составе Донского фронта имелось 53 артиллерийских полка и насчитывалось немногим более 4 тысяч орудий и минометов, то к 10 января — почти 7,5 тысячи орудий и минометов. Еще больше возросло количество полевой реактивной артиллерии — «катюш». «Катюши» и их братья «Андрюши» — рамы, посылавшие на голову противника тяжелые 300-миллиметровые мины, — были очень грозным оружием.

По сравнению с периодом сражений за Москву количество этих боевых установок намного возросло. В октябре и ноябре 1941 года на Западном фронте счет шел на десятки и только к началу контрнаступления в декабре того же года их количество достигло 300 единиц. В 1942 году счет их пошел уже на многие сотни. В частности, у нас на Донском фронте к 19 ноября 1942 года насчитывалось 424 установки, а к 10 января 1943 года у нас их было уже 1656. Только один их залп составлял более чем 15 тысяч мин.

И вот всю эту армаду — артиллерию, минометы и полевую реактивную артиллерию — предстояло подготовить к решению больших и сложных задач, организовать четкое управление ими в бою. В решении всех этих задач нам безусловно помог опыт знаний, накопленный в сражениях под Москвой и Сталинградом.

Оборудование артиллерийских позиций требовало огромных усилий, упорства и выносливости личного состава: земля промерзла настолько глубоко, что работать приходилось только ломami и кирками, потому что с помощью лопат рыть окопы для орудий и щели для личного состава было невозможно. Еще тяжелей стало добывать топливо, чтобы хоть как-то обогреться. А морозы лю-

товали все сильнее. Тяжело было держать в порядке фронтовые дороги, ремонтировать технику.

Несмотря на все эти трудности, связанные с характером местности и условиями суровой зимы, сложность материального снабжения войск, артиллеристы сумели своевременно и хорошо подготовиться к нанесению сокрушительного удара по врагу.

Чтобы точно соблюсти график артиллерийской подготовки, у каждого орудия на огневых позициях были расположены боеприпасы в определенном порядке. Для определенного периода артиллерийской подготовки предусматривался расход установленного количества снарядов и мин. Полученные на такой период артиллерийской подготовки боеприпасы укладывались отдельными штабелями. Чтобы избежать какой-либо путаницы, штабель обозначался специальной табличкой с соответствующей надписью.

На щитах орудий имелись четко записанные установки для стрельбы на период артиллерийской подготовки. Между прочим, этот способ был известен и в мирное время, и о нем знали все младшие командиры. Однако в артиллерию пришли в ходе войны новые люди, не знавшие или забывшие его. Поэтому накануне наступления мы напоминали командирам батарей, чтобы эти данные имелись на всех щитах.

Советское командование не хотело напрасных жертв и стремилось склонить окруженные войска к капитуляции. Чтобы избежать напрасного кровопролития, 8 января мы предложили окруженным войскам прекратить бессмысленное сопротивление.

Это был акт высокой гуманности. Но противник отклонил его.

9 января была сделана еще одна попытка склонить Паулюса к капитуляции, но и это предложение гитлеровцами не было принято.

Отказом от капитуляции немецко-фашистское командование подписало смертный приговор десяткам тысяч своих солдат и офицеров.

10 января 1943 года в 7 часов 30 минут командующий фронтом, его заместители — начальники родов войск — прибыли на наблюдательный пункт командующего 65-й армией П. И. Батова. Приехал туда и представитель Ставки главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов. Отсюда мы могли хорошо видеть огневые позиции нескольких минометных, пушечных и даже гаубичных батарей и дивизионов, разместившихся на открытом месте. Орудийные окопы для маскировки были обложены крупными снежными брусками.

В другое время подобное расположение огневых позиций артиллерии сочли бы по меньшей мере легкомысленным. Но мы знали, что противник берег каждый выстрел на самый крайний случай.

20 минут нашего пребывания на наблюдательном пункте пролетели незаметно, и мы слышали знакомые волнующие команды. В 7 часов 50 минут по телефонным линиям с командного пункта командарма, растекаясь по черным змейкам проводов, понеслось: «Оперативно! Сверить часы!» Потом после небольших пауз одна за другой над притихшей степью прозвучали команды: «Натянуть шнуры!» и, наконец, «Огонь!» Ровно в 8 часов 5 минут залп тысяч орудий разорвал тишину морозного утра. В 65-й армии много потрудились, чтобы добиться одновременного открытия огня всей артиллерии, и это вполне удалось. Артиллерия заработала необыкновенно дружно. 55 минут без малейшего перерыва, то немного утихая, то вновь усиливаясь, бушевал ураган артиллерийско-минометного огня. В расположении противника творилось что-то невообразимое. Такого не наблюдалось и 19 ноября. На этот раз мы имели артиллерии куда больше, да и огонь ее был организован лучше.

Орудийные расчеты работали с огромным напряжением. С наблюдательного пункта было хорошо видно, как артиллеристы сбрасывали мешавшие им полушубки и шинели. Наши командиры, находившиеся в это время на огневых позициях, рассказывали, что, несмотря на мороз, батареям было в прямом смысле жарко.

Наша артиллерия действовала наверняка. Такого мощного артиллерийского удара ранее не приходилось наблюдать. Н. Н. Воронов, которому довелось побывать на многих фронтах и быть участником не одной артиллерийской подготовки, сказал:

— Никогда еще не видел такой мощности и организованности огня!

А наши солдаты восклицали:

— Вот это сила!

И действительно, после первого же налета вся система обороны противника была подавлена. На всем десятикилометровом фронте в нашу сторону дали свои залпы не более двух-трех батарей и несколько минометов врага. Но после второго нашего налета и они замолчали.

Несмотря на то, что до конца нашей артиллерийской подготовки оставалось еще около четверти часа, многим, в том числе и тем, кто находился с нами на наблюдательном пункте, казалось, что ее пора кончать, что артиллерия уже сделала свое дело. Все с волнением и нетерпением ждали атаки.

Но вот начался последний артудар, показавшийся нам еще более мощным, чем первый. В расположении противника в полном смысле этого слова бушевало море разрывов. Вместе с густыми клубами и столбами дыма в воздух взлетели фонтаны земли, бревна от развороченных блиндажей и землянок. К концу канонады слух уже улавливал рокот моторов и лязг гусениц. Это наши танки с выжидательных позиций выдвигались на исходное положение для атаки.

Наконец, взлетели сигнальные ракеты, «катюши» произвели последний сокрушительный залп перед атакой, и небо прочертили огненные хвосты реактивных мин. Вслед за этим из первой траншеи быстро выскочили наши пехотинцы. Почти одновременно над грохотавшей степью понеслось мощное раскатистое «ура», а стена нашего артиллерийского огня переместилась с переднего края на 200 метров дальше в глубину немецкой обороны.

Огневой вал артиллерии как бы звал за собой пехотинцев и танкистов. И действительно, тут же вперед устремилась волна танков, обгоняя цепи стрелков и прикрывая их своими стальными телами. Наша авиация группами по 9—12 самолетов начала обрабатывать с воздуха штабы, аэродромы и скопления войск противника внутри кольца, сбрасывая на их головы бомбовые грузы. Со всех сторон на врага сыпались мощные удары.

Наступление развивалось как нельзя лучше. Наша артиллерия в первый день наступления выпустила по врагу около 350 тысяч снарядов и мин. Ее огнем было уничтожено более 100 орудий и минометов, 200 пулеметов и разрушено около 300 дзотов и блиндажей. Все, кто следовал за наступавшими войсками, видели, как велики были потери противника. На направлении главного удара 65-й армии местность сплошь была усеяна вражескими трупами.

В проведенных двадцатидневных боях по уничтожению окруженной группировки врага немалая роль принадлежала нашей артиллерии, наносившей противнику наибольшие потери. Известно, что к 30 января из всей вражеской 330-тысячной сталинградской группировки остался единственный очаг сопротивления в северной части Сталинграда. Пленный 31 января 1943 года фельдмаршал Паулюс отказался дать распоряжение о капитуляции недобитым остаткам своих войск. Свой отказ Пау-

В штабе Донского фронта. Военный совет фронта и представитель Ставки Верховного Главнокомандования Н. Н. Воронов обсуждают план по уничтожению окруженной под Сталинградом группировки гитлеровских войск. Слева направо: А. А. Новиков, К. К. Рокоссовский, Н. Н. Воронов, К. Ф. Телегин, М. С. Калинин, В. И. Казаков

люс мотивировал тем, что, являясь военнопленным, он уже не может отдавать никаких приказов своим войскам.

Тогда командующий фронтом К. К. Рокоссовский отдал приказ с утра 1 февраля приступить к ликвидации врага, занимавшего северную часть города.

Главный удар снова наносили войска прославленной 65-й армии, которой к этому времени было придано большое количество артиллерии. На шестикилометровом фронте ее средняя плотность составила более 170 орудий и минометов на один километр фронта, а на участке 27-й гвардейской дивизии она была доведена до небыва-

лых размеров — 338 орудий и минометов на 1 километр фронта.

Перед последним штурмом артиллерии было приказано произвести пятнадцатиминутный огневой налет. Такой силы огня никому из нас не доводилось видеть раньше.

В тот незабываемый день К. К. Рокоссовский, Н. Н. Воронов и я за 15—20 минут до начала артподготовки прибыли на наблюдательный пункт к генералу П. И. Батову. Кругом все было необычно. Почти все наблюдательные пункты расположились у железнодорожной насыпи, удаленной от северной части города на один-два километра.

Мы поднялись на насыпь, и перед нами открылась совершенно необычная картина. Даже бывалым людям не часто доводилось видеть такое. На нас в упор смотрел разрушенный, превращенный в руины город. В домах зияли проломы, как глазницы на черепе.

Прямо перед нашими пунктами раскинулось большое белое плато, густо усеянное темными пятнами. Это — окопы, в которых стояли наготове минометы и орудия. Тут все до отказа было забито артиллерией. Немало ее находилось и по другую сторону насыпи, за нами, на закрытых огневых позициях.

Ровно в 8 часов 30 минут заговорили тысячи наших орудий, минометов и «катюш». Воздух наполнился треском выстрелов, которым, как эхо, вторили звуки разрывов в расположении противника. Земля дрожала под ногами, как при землетрясении. Наблюдать за полем боя в бинокль невозможно было: все плясало перед глазами. Пришлось без помощи приборов обозревать местность, на которой все бушевало и кипело, как в доменной печи.

Минометчики на позиции

15 минут длился огневой налет. И враг не выдержал. Как только утихла огненная буря, по балкам и кустарникам нескончаемым потоком потекли к нам вереницы немецких солдат и офицеров с поднятыми руками. Остатки вражеских войск сдавались в плен. И все они в один голос признавали, что их «взяла артиллерия». Первый же допрошенный пленный, еще не оправившийся от потрясения, сказал, что во время огневого налета «целые батальоны опускались на колени и молились богу, прося о спасении от огня русской артиллерии».

А в это время наша славная пехота, не обращая вни-

мания на встречные потоки пленных, устремилась к городу для полной ликвидации некоторых уцелевших и все еще пытавшихся сопротивляться отдельных вражеских подразделений. Этот налет оказался заключительным аккордом артиллерии в Сталинградской эпопее.

Артиллеристы Донского фронта выполнили свои боевые задачи в легендарной Сталинградской битве. В памяти народа навсегда сохранится историческая дата 2 февраля 1943 года. В этот день полностью прекратила свое существование 330-тысячная группировка вражеских войск, по которой в Германии был объявлен трехдневный траур. Мы же воздали хвалу великоллепному и испытанному в бою советскому оружию и беззаветной доблести и отваге, героизму и мужеству советских солдат, сержантов и командиров.

С 10 января по 2 февраля 1943 года артиллерия Донского фронта израсходовала 1,6 миллиона снарядов и мин. Огнем артиллерии было уничтожено и подавлено 565 артиллерийских и минометных батарей, 1106 отдельных орудий и минометов, 2922 станковых и ручных пулеметов; уничтожено и подбито 187 танков и 835 автомашин, разрушено около 3 тысяч оборонительных сооружений и наблюдательных пунктов.

Вражеская авиация потеряла 740 самолетов, из них 273 было сбито зенитной артиллерией.

Таковы итоги. Они весьма красноречивы и знаменательны. Важно и то, что приобретен был богатый опыт, и мы его использовали в последующих боях по освобождению нашей Родины от немецко-фашистских оккупантов.

В битве на Курской дуге летом 1943 года участвовали уже более совершенные советские образцы артиллерийского вооружения, новые формирования — артиллерийские бригады, дивизии и корпуса, позволявшие

сосредоточивать на важнейших направлениях крупные артиллерийские соединения и применять их массированно. Такая организация артиллерии отвечала требованиям возросших задач на этом этапе войны.

После поражения под Москвой и Сталинградом мощью советского оружия фашистская Германия была поставлена перед неизбежной катастрофой. Разгром немецко-фашистских войск под Курском похоронил мечту Гитлера вырвать стратегическую инициативу из рук советского командования, и с тех пор до конца войны немецкие войска вынуждены были вести только оборонительные сражения. Они способны были лишь на каком-то одном участке сосредоточить довольно мощный кулак, нанести чувствительный удар и, если вдруг мы не устоим, начать развивать наступление дальше. На других же участках обширного фронта немецко-фашистские войска вынуждены были вести глубокую оборону, оборудовав ее по всем правилам современной фортификации. Отмечу, что к лету 1943 года гитлеровское командование сосредоточило на советско-германском фронте около 72 процентов своих войск.

Но в результате успешных боевых действий советских

войск с 24 января до 17 февраля 1943 года была осуществлена Воронежско-Касторненская наступательная операция. 25 января был освобожден город Воронеж, а 8 февраля — Курск и ряд других городов и населенных пунктов. К середине марта на центральном участке фронта бои затихли. Линия фронта к этому времени выглядела примерно так: от Ленинграда до Таганрога можно было провести почти прямую линию. Только в районе Курска советские войска выдвинулись вперед, образовав огромный выступ.

Здесь линия фронта выглядела огромной дугой, проходившей в районе Змиевка, Тагино (на полпути от Орла до Курска), Севск, Рылск, Сумы, Белгород.

Готовя операцию «Цитадель», фашистские пропагандисты начали шуметь о том, что фюрер снабдил свои войска новой техникой — танками «тигр», «пантера» и самоходным орудием «фердинанд».

Что собой представляли новые фашистские танки? «Тигр», или иначе — танк T-VI, имел вес 57 тонн, вооружен 88-миллиметровой пушкой и двумя пулеметами. Лобовая броня «тигра» — 100, бортовая — 82—62 миллиметра. «Пантера» (T-V) весила 43,5 тонны, имела 75-миллиметровую пушку и пулемет; лобовая броня — 85, бортовая — 40 миллиметров. Самоходное орудие «фердинанд» имело вес 70 тонн, лобовая броня 200 миллиметров, вооружение — 88-миллиметровая скорострельная пушка.

Сильные «звери»! И вот нашим войскам предстояло организовать, как мы тогда говорили, «охоту на «тигров» и «пантер».

В 1943 году промышленность фашистской Германии выпустила более 2500 танков «тигр» и самоходных орудий «фердинанд».

Готовясь к осуществлению плана «Цитадель», немецко-фашистское командование сосредоточило против войск курского выступа около 80 процентов всей своей

авиации. В районах развертывания операции «Цитадель» враг накопил колоссальные запасы боеприпасов, горючего и различного военного снаряжения. Подобно зарвавшемуся азартному игроку, Гитлер ставил на карту все. Какой огромный удар готовился, можно судить по таким данным: 900 тысяч наземных войск, 10 тысяч орудий, 2,7 тысячи танков и самоходных орудий.

Соответствующим образом готовились и немецко-фашистские войска. Гитлеровские пропагандисты настойчиво проводили идеологическую обработку своих солдат, обещая им все, чего они только пожелают.

Гитлеру и его клике до зарезу надо было поднять дух у своих войск. Ему нужна была обязательно победа. Немецко-фашистское командование лезло из кожи вон. Справедливости ради надо сказать: враг готовился очень серьезно, и для нас тогда было бы роковой ошибкой недооценивать его силы. Требовалась вдумчивая, трезвая оценка противостоящего противника, основанная на вполне достоверных разведывательных данных. И командование строило свой план обороны так, чтобы наверняка сорвать операцию врага под кодовым названием «Цитадель». К этому мы упорно и настойчиво готовились. Благодаря заботам Коммунистической партии, Советского правительства, героическому труду советских людей фронт получал все необходимое для дальнейшего успешного развития боевых действий.

Наша истребительно-противотанковая артиллерия по сравнению с началом войны увеличилась в пять раз. С апреля 1943 года началось формирование артиллерийских бригад истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Главного командования. На вооружение этого вида артиллерии стало поступать все больше и больше орудий крупных калибров. Как раз в 1943 году и появилась замечательная по своим качествам 57-миллиметровая пушка, которая в противотанковой артиллерии не

имела себе равных. Возросло снабжение фронтовых частей 76-миллиметровыми орудиями, которые также имели высокие боевые качества.

Значительно увеличилась артиллерия, предназначавшаяся для разрушения укрепленных районов и оборонительных полос врага, подавления его огневой системы. В 1943 году количество гаубиц в действующей армии возросло более чем в 3,5 раза. На вооружение тяжелых артиллерийских частей поступила новая 152-миллиметровая гаубица. Она, сохранив свои прежние боевые качества, была намного легче старой, а потому имела лучшую маневренность, что особенно важно в современном бою при развитии наступления.

В период подготовки к боям на Курской дуге из отдельных гаубичных полков формировались бригады. К началу 1943 года мы имели уже сформированными 26 артиллерийских дивизий, 16 из которых затем были преобразованы в артиллерийские дивизии прорыва Резерва Главного командования (РГК). Такие дивизии получили наш Центральный фронт и соседний с нами — Воронежский.

Появились минометные бригады, которые обладали большой огневой мощностью и ударной силой, они также входили в РГК. В 1943 году минометы составили более половины всех артиллерийских средств, имевшихся на фронте.

Особенно выросла реактивная артиллерия — гвардейские минометы («катюши»). Как я уже отмечал, сила этого оружия состояла в массированном его применении. Еще в ноябре 1942 года из отдельных дивизионов и полков «катюш» были сформированы бригады и дивизии гвардейских минометов. В 1943 году таких бригад уже было 17 и несколько дивизий гвардейских минометов. Залп дивизии состоял из 3840 снарядов общим весом 230 тонн. В дальнейшем он увеличился до 320 тонн.

Значительно выросла количественно и качественно зенитная артиллерия. Число зенитных орудий в действующей армии возросло в два раза. Очень маневренная 37-миллиметровая зенитная пушка могла сопровождать любую воинскую часть по любой дороге, постоянно находиться в ее боевых порядках. Она успешно использовалась против вражеской авиации противника, летавшей на малых высотах.

В 1943 году на фронтах действовало уже 47 зенитных артиллерийских дивизий. Эти мощные артиллерийско-зенитные соединения также входили в РКК. Благодаря такой централизации их легко было сосредоточивать на главных направлениях, применять массированно и успешно бороться с воздушным противником.

Впоследствии, когда стали известны итоги 1943 года, один из выдающихся военачальников нашей страны, теоретик отечественной артиллерии главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов писал:

«В оборонительных и наступательных операциях 1943 года артиллерия применялась крупными массами, при прорывах оборонительных рубежей противника создавались высокие плотности орудий и минометов. Качество артиллерии, привлекавшейся к участию в прорыве обороны, изменилось в сторону увлечения калибров; средства управления, связи, разведки были значительно усилены; увеличилось количество артиллерии на механической тяге. Наша артиллерия получила огромные возможности для осуществления оперативного маневра».

Николай Николаевич Воронов был творцом многих новшеств в применении артиллерии. Именно ему принадлежит идея создания мощных артиллерийских соединений с целью массированного их применения на главных и наиболее важных направлениях. Он лично принимал участие в разработке и осуществлении операций под Сталинградом, под Курском и на других фронтах. Это

На Курской дуге. Зенитчики дивизиона, которым командовал гвардии майор Г. А. Дамми, ведут огонь по вражеской авиации

был высокообразованный, крупнейший специалист, которого все в Советской Армии любили и глубоко уважали.

По решению Ставки Верховного Главнокомандования для проведения предстоящих операций на Курской дуге создавался новый, Центральный фронт, командующим которого был назначен К. К. Рокоссовский. Меня назначили командующим артиллерией этого фронта.

Из двадцати артиллерийских и минометных полков РГК, вошедших в состав Центрального фронта, тринадцать были из числа тех, что воевали на Дону и Волге,

Это были хорошо слаженные артчасти, имевшие богатый боевой опыт.

Несколько слов о командирах-артиллеристах. Командир 1-й артиллерийской дивизии генерал-майор В. Н. Мазур хорошо проявил себя в боях под Сталинградом и показал большие успехи в командовании новым артиллерийским формированием. Командир 1166-го пушечного артиллерийского полка полковник Н. Г. Ушаков на первый взгляд казался не очень решительным, но на деле показал себя мужественным человеком и хорошо подготовленным боевым офицером. Командир 275-го гаубичного артиллерийского полка полковник А. И. Телегин — волевой, находчивый и инициативный командир, прекрасный организатор, способный выполнить самую сложную боевую задачу. Наконец, командир 1188-го истребительно-противотанкового полка майор М. А. Маз — очень храбрый офицер.

Опыт и характеры у них были разные, но почти все командиры очень походили друг на друга в творческом применении принципов советского военного искусства в боях с врагом, в жажде к действию, в стремлении победить.

Обладая большими организаторскими способностями и волевыми качествами, артиллерийские командиры служили достойным примером выносливости и собранности для всего личного состава своих частей. Им подражали подчиненные солдаты и офицеры.

С первого дня пребывания на новом направлении наши части столкнулись с множеством трудностей, для преодоления которых требовалось приложить огромные усилия.

Февраль 1943 года выдался необыкновенно снежным и вьюжным. Буйствовали метели и поземки. Ко времени сосредоточения войск Центрального фронта дороги занесло так, что передвигаться по ним было почти невоз-

можно. Трудности войск усугублялись тем, что большое количество тыловых учреждений фронта все еще оставалось в районе Сталинграда, поэтому для решения вопросов разностороннего снабжения войск требовались большие творческие усилия, четкая во всех деталях распорядительность и высокие организаторские способности командиров всех степеней, беспрекословная исполнительность.

Объезжая войска, мы не раз с трудом пробивались через заносы, метр за метром прокладывая себе путь. Артиллеристы расчищали лопатами дорогу на 15—20 метров, затем водитель шел к машине и подтягивал ее по расчищенному участку, после чего солдаты вновь брались за лопаты и так иногда прокладывался путь на большое расстояние.

Колонны артиллерийских частей растянулись на десятки километров: то в одном, то в другом месте стояли застрявшие в глубоком снегу орудия и автомашины с различными грузами. Чаще всего это случалось в движении открытым полем, но наши героические солдаты на пронизывающем ветру, не имея возможности где-нибудь под крышей немного обогреться, а часто и без горячей пищи, продолжали настойчиво, невзирая ни на что, шаг за шагом перетаскивать вперед свои орудия и минометы.

Штабные офицеры также не знали ни сна, ни отдыха. Вот уж никак нельзя сказать, что они «носились» по фронтовым дорогам. Они сами не раз попадали в такое же положение, как и разыскиваемые ими подразделения, вступая в единоборство с разбушевавшейся стихией. Были случаи, когда только по воздуху удавалось добираться к некоторым застрявшим частям и сбрасывать им на парашютах продовольствие. Положение войск в пору их сосредоточения на Центральном фронте было настолько тяжелым, что даже теперь, много лет спустя,

невольно задаешь себе вопрос: а смог бы солдат какой-либо другой армии преодолеть условия лютой зимы 1943 года, трудности неустроенного тыла фронта и, несмотря ни на что, выполнить поставленную задачу? И вспоминалась крылатая фраза А. В. Суворова: «Где олень не пройдет, там русский солдат пройдет». Советский солдат выполнял свой воинский долг стойко и мужественно.

Обстановка, сложившаяся тогда на орловском направлении, требовала быстрой подготовки войск Центрального фронта к боевым действиям. Развертывая свои соединения между Брянским и Воронежским фронтами, мы с каждым днем наращивали силы. Насколько быстро увеличивалась численность войск Центрального фронта, в том числе и артиллерии, можно судить даже по таким сравнительным данным.

Если к 1 марта у нас имелось 15 стрелковых дивизий и 20 артиллерийских полков РГК, то к 20 марта уже было 38 стрелковых дивизий и 70 артиллерийских и минометных полков РГК.

Центральный фронт получил на усиление 4-й артиллерийский корпус и 1-ю гвардейскую артиллерийскую дивизию прорыва¹, десять полков и один дивизион реактивной артиллерии, 15 отдельных пушечных и минометных полков, шесть самоходных артиллерийских полков, десять полков и 1-ю, 2-ю и 13-ю истребительные бригады² — всего 8791 орудие и миномет, 224 боевые

---

¹ Артиллерийские дивизии и корпуса прорыва были впервые применены под Курском.

² Истребительная бригада состояла по штату из одного противотанкового артиллерийского полка (четыре батареи 76-мм пушек, три батареи 45-мм орудий), двух противотанковых батальонов (по 72 противотанковых ружья в каждом), минометного дивизиона (12 минометов), инженерно-минного батальона, роты автоматчиков и зенитной батареи (четыре 37-мм орудия).

машины реактивной артиллерии БМ-13 и БМ-8 и 432 пусковые рамы для М-30 и М-31 ¹.

К этому времени лютые метели, натворив немало бед, утихли, и дорожный отдел фронта очень энергично взялся за организацию работ по восстановлению дорог и мостов. Нужно было спешить, чтобы успеть использовать дороги, пока они находились в хорошем состоянии. Не за горами уже было время, когда наступит весенняя распутица, а что это такое, мы хорошо знали. И я бы не сказал, что ее легче переносить, чем снежные заносы.

Для нас, артиллеристов, в этот период, пожалуй, наиболее остро стоял вопрос подвоза боеприпасов, которых в частях было еще мало. Поэтому органы артиллерийского снабжения стремились максимально использовать время до наступления весенней распутицы, чтобы успеть завезти в войска достаточные запасы снарядов и мин.

С первых чисел мая началась деятельная подготовка войск к предстоящему сражению на Курской дуге, которому суждено было войти в летопись побед советского народа и его Вооруженных Сил в борьбе с фашистскими захватчиками.

Особенно важно было разумно, тактически грамотно и рационально разместить артиллерийские средства. Им отводилась особая роль в борьбе с танковыми полчи-

---

¹ «Катюшами» назывались батареи полевой реактивной артиллерии, на вооружении которых были реактивные снаряды М-13 (калибр 132-мм, вес взрывчатого вещества — 4,9 кг, дальность стрельбы — свыше 8 км). В ходе войны на вооружении «катюш» появились снаряды более крупного калибра, например М-30 (калибр 300 мм, вес взрывчатого заряда 28,9 кг). В конце 1942 года был разработан снаряд М-31 с дальностью стрельбы 4325 метров. Вот эти тяжелые снаряды солдаты ласково называли «андрюшами». Вся же полевая реактивная артиллерия во время Великой Отечественной войны была объединена в гвардейские минометные части.

щами врага. Ведь из всех наземных родов войск именно артиллерия обладала, по существу, всеми качествами, необходимыми для эффективной борьбы с танками и самоходными орудиями всех типов, в том числе с «тиграми», «пантерами» и «фердинандами», на которые немецко-фашистское командование возлагало особые надежды.

Конфигурация линии фронта и характер местности позволили нашему командованию достаточно точно определить направления ударов противника, которые можно было ожидать только в 32-километровой полосе 13-й армии и на флангах смежных с ней 48-й и 70-й армий. Это обстоятельство позволяло сосредоточить почти все имеющиеся у нас средства на угрожаемом направлении и создать высокую плотность войск и боевой техники, особенно артиллерии.

В течение мая и июня на специально оборудованных учебных полях развернулась напряженная боевая учеба войск. Артиллеристы всех специальностей повышали свою выучку, совершенствовали боевое мастерство; сколачивались орудийные расчеты, слаживались батареи, дивизионы и полки; с большой тщательностью готовились артиллерийские штабы всех степеней, которым предстояло освоить много нового в использовании артиллерии, научиться четко планировать огонь и маневр артиллерийских частей и соединений, управлять ими в ходе боевых действий.

Как бы хорошо ни был обучен воин любой специальности, но его надо подготовить морально-психологически к тяжелым боевым испытаниям, чтобы он даже в критические моменты не дрогнул, выстоял в бою, не боялся танков.

К лету 1943 года «танкобоязнь» еще не совсем была изжита в войсках. Больше всего она, естественно, проявлялась среди молодых и необстрелянных солдат. Надо было во что бы то ни стало избавить людей от «тан-

кобоязни». В противном случае ни о какой стойкости в борьбе с вражескими танками не могло быть, конечно, и речи.

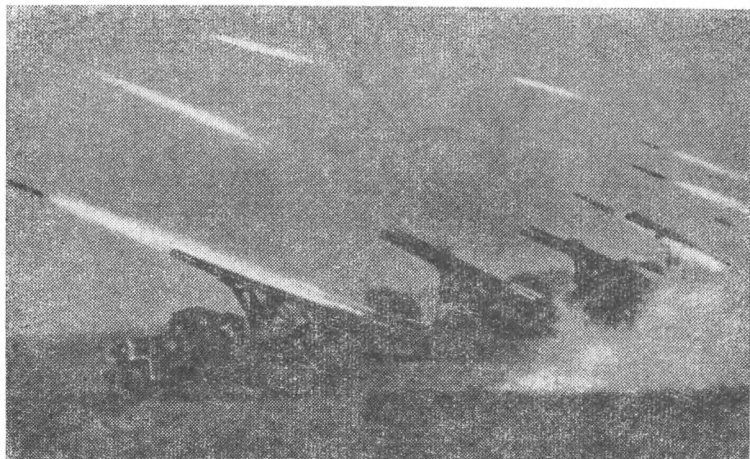
На артиллеристов возлагалась задача активно вести борьбу с вражескими танками, поражать их еще на подступах к нашим траншеям и преимущественно с открытых позиций прямой наводкой. При этом для наиболее надежного поражения рекомендовалось подпускать их к орудиям на 500—400 метров.

Военный совет фронта и Политуправление провели, как и под Сталинградом, огромную организаторскую работу. В дни подготовки к сражению на Курской дуге тысячи воинов вступали в партию. В июле 1943 года партийные организации Центрального фронта приняли в партию 13 697 человек, среди которых было несколько тысяч артиллеристов. К началу Курской битвы в составе нашего фронта насчитывалось 120 тысяч коммунистов и 132 тысячи комсомольцев. Это была могучая непреоборимая сила.

В дни подготовки к сражению в батареях, дивизионах и полках проходили партийные и комсомольские собрания, митинги. Вся партийно-политическая работа была направлена на то, чтобы выполнить приказ командования — создать неодолимую для врага оборону, стойко удерживать занимаемые рубежи.

Поскольку на наш фронт возлагалась весьма большая задача, то исход боев зависел от несгибаемой стойкости и храбрости каждого артиллериста, его умения истреблять танки и пехоту врага. Политотделы артиллерийских и стрелковых дивизий проводили сборы, где отличившиеся в предыдущих боях истребители танков делились передовым опытом. Они рассказывали об уязвимых местах танков, о том, с какого расстояния, каким снарядами поражать цели.

С молодым пополнением велась особая работа. Его

Огонь ведут гвардейские минометы «катюши»

знакомили с боевыми традициями части, учили боевому мастерству, умению действовать смело и решительно.

Политработники, партийные организации проводили волнующие, имевшие воспитательное значение церемонии вручения пушек расчетам. В этой работе принимали участие и члены Военных советов фронта и армий, начальники политотделов армий, корпусов и дивизии.

Важно было на практике показать, что «тигры» и «пантеры» не так сильны, как их рекламирует враг. Воспитывая у воинов стойкость, упорство, самоотверженность, презрение к смерти, командиры в ходе боев убеждали их в том, что умелый и смелый солдат, хорошо владеющий своим оружием, добивается победы над грозной техникой врага.

Большую воспитательную роль в подготовке артиллеристов всех специальностей, вплоть до шоферов и трак-

тористов, сыграли листовки-памятки, выпускаемые Политическим управлением и штабом артиллерии фронта. Они оказались не только своеобразным учебным пособием, но и средством воспитания морально-боевых качеств. Читая их, воины нашего фронта знакомились с тем, что их ждет в предстоящем сражении, что собой представляет техника врага и каковы методы борьбы с ней. Большим тиражом была издана памятка по борьбе с танками «тигр», в которой подробно рассказывалось о его устройстве и методах борьбы с ним.

Пожалуй, никогда так, как в те месяцы напряженной подготовки к летним сражениям, мы не чувствовали, насколько тесно переплеталась политико-воспитательная работа с обучением воинов по специальности, проникала в повседневный быт частей и подразделений. И это принесло великолепные плоды. Конечно, сама боевая жизнь являлась школой обучения и воспитания войск.

Незадолго до вражеского наступления произошел на первый взгляд не очень значительный эпизод. Однако он имел поучительные последствия. Недели за две до начала сражения артиллеристам фронта довелось встретиться с самоходными орудиями «фердинанд».

Правда, вначале это знакомство было довольно неприятным. Произошло это так. В ясное летнее утро июня в полосе 13-й армии из-за невысокого гребня высоты, находившейся примерно в 1200 метрах от переднего края, в разных местах появились два «фердинанда», которые открыли огонь по нашим отдельным орудиям. Артиллеристы и пехотинцы начали нести потери. Надо было действовать быстро и решительно. Несколько 45- и 76-миллиметровых противотанковых пушек, расположенных в непосредственной близости от переднего края, немедленно открыли огонь, но безрезультатно.

Надо было срочно найти эффективный способ борьбы с «фердинандами». Это диктовалось двумя причинами:

во-первых, тем, что только артиллеристы могли уберечь нашу пехоту от потерь при повторении подобных вылазок вражеских самоходок; во-вторых, если б нам удалось побить врага за наглые действия, то это могло бы сбить спесь с фашистов и дать почувствовать им, что их новая самоходная пушка так же уязвима, как и вся их техника.

Командующий артиллерией 13-й армии А. Н. Панков, опытный и инициативный генерал, доложил мне о случившемся и просил разрешения произвести такой эксперимент.

В пушечных бригадах артиллерийских дивизий имелись на вооружении 122-миллиметровые пушки, обладавшие большой дальностью прямого выстрела и мощным снарядом. Эти орудия предназначались для борьбы с дальними целями, и нам еще не приходилось использовать их на переднем крае для стрельбы прямой наводкой по танкам. Генерал-майор А. Н. Панков и предложил выдвинуть вперед эти пушки, подготовив их для стрельбы прямой наводкой. С наступлением темноты четыре 122-мм пушки выдвинули в боевые порядки пехоты. Расчеты заняли выгодные огневые позиции и тщательно замаскировались.

Фашисты действовали со свойственной им педантичностью. На другой день почти в то же время и примерно в том же месте опять появились два «фердинанда». С огневых позиций всех четырех орудий, расположенных в разных местах, велось тщательное наблюдение. Вражеские самоходные орудия были обнаружены своевременно, и расчеты наших двух ближайших орудий быстро изготовились к стрельбе. Будучи уверенными в своей неуязвимости, «фердинанды» не торопились с открытием огня, выбирая наиболее значительные цели. Но ни одного выстрела им произвести не удалось. Две наши пушки открыли меткий огонь, каждая из них подбила по «фердинанду». На этот раз дать задний ход и уйти за гребень высоты

«фердинандам» не удалось. Так они и торчали на виду у всех.

Наши пушки сменили огневые позиции и еще несколько дней дежурили в засаде, но «фердинанды» больше уже не появлялись. Этот небольшой эпизод, происшедший на глазах у множества солдат, сержантов и офицеров, наглядно показал, что у нас и на «фердинандов» есть управа. Весть об этом очень быстро разнеслась по частям. Об этом говорили на митингах, на партийных и комсомольских собраниях, на собраниях личного состава подразделений, которые проводились в ходе подготовки к предстоящим боям.

Выше я говорил, что к весне 1943 года неузнаваемо изменилась организация артиллерии РКК и неизмеримо возросло ее количество. Ко времени подготовки к Курской битве на фронтах уже имелись такие крупные артиллерийские соединения, как дивизии и корпуса.

4-й артиллерийский корпус прорыва, приданный нашему фронту, состоял из двух дивизий в составе 15 полков (6 бригад) каждая и одной гвардейской минометной дивизии полевой реактивной артиллерии в составе трех бригад. В артиллерийских дивизиях на вооружении состояли все основные калибры от 76-миллиметровых пушек и 120-миллиметровых минометов до 203-миллиметровых гаубиц большой мощности. В артиллерийском корпусе насчитывалось 712 таких орудий и минометов (из них более 25 процентов тяжелых калибров и большой мощности) и 432 рамы полевой реактивной артиллерии. Вес только одного залпа такого корпуса составлял около 350 тонн.

Корпус сформировался в конце апреля 1943 года. В него вошли 5-я и 12-я артиллерийские дивизии прорыва под командованием опытных полковников А. И. Снегу-

рова и М. Н. Курковского, а также 5-я гвардейская минометная дивизия реактивной артиллерии подполковника Г. М. Фанталова.

Командиром корпуса назначили прославившегося на Сталинградском фронте генерал-майора артиллерии Н. В. Игнатова.

С апреля начали появляться отдельные пушечные и минометные бригады двух- и четырехполкового состава. Изменилась также организация и противотанковой артиллерии. Вместо истребительных бригад, о которых уже было сказано, формировались сильные в артиллерийском отношении и очень подвижные истребительно-противотанковые бригады трехполкового состава, имевшие на вооружении 72 противотанковых орудия.

Разумеется, ни командующий артиллерией Красной Армии и его штаб, ни Главное артиллерийское управление во главе с генерал-полковником Н. Д. Яковлевым ничего не смогли бы сделать, если бы наши славные рабочие и инженерно-технические кадры, благодаря своему вдохновенному патриотическому труду не давали во все возрастающих количествах артиллерийскую технику и боеприпасы. Все это явилось результатом организаторской работы Центрального Комитета партии и Советского правительства.

Таким образом, к лету 1943 года артиллерия нашего Центрального фронта, как и Воронежского, представляла огромную силу. Ведь только в полосе нашего фронта к началу вражеского наступления было сосредоточено 10 725 орудий и минометов и, кроме того, 650 боевых установок и рам полевой реактивной артиллерии.

Только один залп этих установок и рам составлял 5600 мин. Выполняя свои основные задачи, зенитная артиллерия фронта так же усиленно готовилась и к борьбе с вражескими танками. Она насчитывала в своем составе 557 орудий малого и среднего калибров.

Столь сильная группировка артиллерии, наличие большого количества танков и самоходных установок (свыше 1600), тщательно организованная, глубоко эшелонированная оборона и хорошая подготовка войск — все это давало право полагать, что мы сумеем дать достойный отпор врагу.

В ходе подготовки к боям встал вопрос о том, как разместить очень большое количество боеприпасов, накопленных фронтом для обеспечения предстоящей операции. В предвидении крупного наступления противника было бы естественно расположить армейские и тем более фронтовые склады на значительном удалении от передовых частей. Однако при этом намного усложняются условия боевого питания частей в ходе боевых действий, а главное — снижается быстрота боевого питания частей, ведущих бой. Вот почему командование решило нарушить традиции и подтянуть склады и их отделения как можно ближе к войскам. Боеприпасов у нас было очень много. Только в полосе 13-й армии, которая должна была принять на себя основные удары противника, мы разместили около полуторы тысячи вагонов снарядов и мин всех калибров.

До Курской битвы в борьбе с танками применялись бронебойные снаряды, которые, однако, для поражения тяжелых танков были недостаточно эффективны. Еще задолго до войны наши замечательные конструкторы создали так называемый подкалиберный снаряд, правда, с очень дорогим вольфрамовым сердечником, способным пробивать броню большой толщины. Когда в Главном артиллерийском управлении узнали, во что обходятся такие снаряды, это предложение было отклонено. Однако война продиктовала свои требования: у врага появились танки с более крепкой броней, и надо было иметь снаряды, которые были бы способны пробивать ее. Тогда-то и вспомнили о довоенном изобретении. Надо подчерк-

нуть, что наша промышленность с большой оперативностью подготовила серийный выпуск подкалиберных снарядов для 45-, 57- и 76-миллиметровых пушек и кумулятивные (бронепрожигающие) — для 76-миллиметровых полковых пушек и 122-миллиметровых гаубиц.

На фронт эти снаряды начали поступать перед самым началом исторической битвы на Курской дуге. Достаточно сказать, что времени на перевозку по железной дороге уже не хватало и их доставляли нам небольшими партиями на самолетах.

Приближалось время решающей битвы, в которой артиллерии суждено было сыграть особую, я бы сказал, выдающуюся роль. Поэтому постараюсь несколько подробнее ознакомить читателя с нашими планами ее использования.

Прежде чем рассказать о том, что нового было в использовании артиллерии на Курской дуге, постараюсь дать некоторое представление, как вообще действует артиллерия в обороне. В общих чертах это выглядит так: артиллерия начинает борьбу с противником еще до начала его наступления, используя для этого орудия крупных калибров с дальностью стрельбы до 17—20 километров. Артиллерийские части, вооруженные такими орудиями, поражают пехоту и танки противника в районах их сосредоточения, громят на дорогах подходящие к фронту колонны, разрушают склады, мосты, тем самым ослабляя силу готовящегося к наступлению врага.

Как только противник пытается вклиниться в нашу оборону, в бой постепенно включается вся артиллерия. Значительная ее часть ведет неподвижный заградительный огонь перед передним краем обороны, преграждая путь пехоте, и подвижный заградительный огонь по выдвигающимся для атаки вражеским танкам. Одновре-

менно ведется огонь, который подавляет и уничтожает артиллерию и минометы врага. Все эти важные и ответственные боевые задачи выполняет артиллерия (в том числе и минометы), расположенная на закрытых огневых позициях, удаленных от переднего края до 4—6 километров. Этот, можно сказать, артиллерийско-минометный отряд вступает в бой с началом вражеского наступления.

Орудия противотанковой артиллерии, предназначенные для ведения огня по танкам прямой наводкой, до приближения противника к нашему переднему краю молчат. Противотанкисты тесно взаимодействуют с артиллерией, ведущей подвижный заградительный огонь по приближающимся танкам. Он поражает вражеские машины до их подхода к нашему переднему краю и как бы из рук в руки передает противотанковым орудиям для уничтожения. Борьба артиллерии с пехотой и танками противника продолжается и тогда, когда противнику удастся вклиниться в нашу оборону. Кроме того, артиллерия поддерживает своим огнем предпринимаемые нашими войсками контратаки и контрудары.

Далее, из многочисленных функций, выполнявшихся артиллерией в обороне, я хочу отметить те, которые в Курской битве имели особо важное значение. Это — артиллерийская контрподготовка и противотанковая оборона.

Артиллерийская контрподготовка была составной и, по существу, главенствующей частью общей контрподготовки, преследовавшей цель — сорвать наступление врага.

Планируя артиллерийскую контрподготовку, мы предусмотрели различные ее варианты, чтобы в зависимости от того, как будет действовать ударная группировка войск противника, избрать тот, который наиболее эффективен. Основные удары нашей артиллерии мы наметили наносить главным образом по артиллерийским и мино-

На Курской дуге (июль 1943 г.). Командир орудия старший сержант Н. Жуков (слева) и наводчик С. Тверитин за два дня уничтожили восемь фашистских танков

метным батареям, районам сосредоточения главной группировки танков и по исходным позициям войск противника.

Как готовилась наша артиллерия к боям, написал К. К. Рокоссовский в статье «Битва, не имеющая себе равных».

«Боевая готовность артиллерии,— писал Рокоссовский,— проверялась прямо на позициях. Прибыв на наблюдательный пункт артиллерийского командира, поверяющий в соответствии с планом обороны указывал ему, что в каком-то районе появился противник. Не прошло и минуты, как по указанному району открывался огонь. В подготовке артиллерии и организации системы огня большая заслуга принадлежит энергичному, блестяще знающему свое дело командующему артиллерией фронта

генерал-лейтенанту артиллерии Казакову В. И. и его аппарату»¹.

Признаюсь, мне приятно, что в этой статье Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза К. К. Рокоссовский дал мне такую высокую оценку.

Но вернусь к рассказу о нашем боевом опыте.

Особенно напряженной была работа по созданию стройной системы глубоко эшелонированной, устойчивой противотанковой обороны — этой очень важной составной части всей системы обороны войск.

Чтобы определить, где и как разместить противотанковые орудия, взводы, батареи, полки, сотни командиров разных степеней немало поработали на местности, выбирая для огневых позиций наиболее выгодные точки, с которых обеспечивались бы хорошие обзор и обстрел, позволяющие своевременно обнаруживать появление вражеских танков и поражать их на дальностях прямого выстрела. После выбора для тысяч орудий огневых позиций начинался великий солдатский труд. Готовились орудийные окопы, ровики для снарядов, строились жилые землянки и блиндажи. Непосредственно у каждого орудийного окопа отрывался «карман» для укрытия орудия во время затишья; он представлял собой глубокую нишу с покатым въездом, перекрытую двумя-тремя (иногда и больше) накатами бревен. Такая мера преследовала две цели: скрыть огневые позиции от воздушной разведки и уберечь орудия и расчеты от поражения осколками при артиллерийских обстрелах и бомбардировках с воздуха.

Наряду со специальной противотанковой артиллерией к борьбе с танками тщательно готовилась и вся остальная артиллерия. Например, вся гаубичная и тяже-

---

¹ «На огненной дуге». Воспоминания и очерки о Курской битве. Воениздат, 1963, стр. 20.

лая пушечная артиллерия была готова к поражению вражеских танков еще на дальних подступах к нашей обороне, их боевые порядки выбирались и оборудовались с учетом необходимости борьбы с танками. Таким образом, артиллерия, находящаяся на закрытых огневых позициях, дополняла и уплотняла всю систему противотанковой обороны, делая ее непреодолимой для врага.

В предвидении очень тяжелых боев с большими массами вражеских танков К. К. Рокоссовский решил оставить в своем распоряжении сильный подвижный противотанковый резерв, которым в ходе сражения он смог бы усиливать противотанковую оборону там, где это понадобится. В состав фронтового противотанкового резерва вошли: 4-я истребительная артиллерийская бригада, 1-я и 13-я истребительно-противотанковые артиллерийские бригады, 130-й и 563-й истребительно-противотанковые артиллерийские полки — всего девять полков.

Полки и бригады противотанкового резерва сосредоточились в глубине обороны в 30—40 километрах от переднего края. Во всех намеченных районах развертывания частей резерва были подготовлены оружейные окопы, ровики для расчетов, ниши для снарядов и т. д. Для выезда частей в каждый из подготовленных районов наметили маршруты, определили, сколько времени потребуется для преодоления расстояния от районов сосредоточения до районов вероятного развертывания как днем, так и ночью. Когда оборудование противотанковых районов было закончено, командиры полков собрали командиров орудий, взводов и батарей и на двух тягачах с прицепленными орудиями провезли их по всем маршрутам один раз днем, другой — ночью.

После того как эта подготовительная работа была закончена, штаб артиллерии фронта составил четкую таблицу управления частями противотанкового резерва.

К концу июня у нас все было готово к активным боевым действиям. К этому же времени наша разведка, в том числе и артиллерийская, собрала обширные сведения о противнике, подтверждавшие усиленное сосредоточение его войск перед нашим фронтом. Все говорило о том, что наступление немцев может начаться со дня на день.

2 июля Ставка Верховного Главнокомандования предупредила нас, что наступления противника следует ожидать между 3 и 6 июля. Войска фронта были приведены в полную боевую готовность и заняли свои места в обороне.

В центрально-черноземном районе России — Воронежской, Курской, Орловской областях — июльские ночи непередаваемо прекрасны. На иссиня-черном небе перемигиваются яркие звезды. В рощах и садах слышны соловьиные трели. Воздух чист. Полевые цветы и травы наполняют его чудесным, характерным только для этих мест ароматом.

Вот такая ночь и выдалась на 4 июля 1943 года. Никто, конечно, не мог подозревать, что она будет последней тихой ночью на нашем фронте. Заалел рассвет. Солнце своими теплыми лучами быстро рассеяло утреннюю дымку. Над землей струилось марево.

Кругом стояла настороженная тишина. Наблюдатели находились на своих местах, стараясь понять, что творится в стане врага. Но и там стояла эта зловещая фронтовая тишина. Погожий июльский день тянулся томительно долго. Наступил вечер. Но и он не нарушил тишины.

В ночь на 5 июля разведчики 15-й стрелковой дивизии 13-й армии пошли за «языком». И вдруг перед нашим передним краем, в районе деревни Тагино, они

обнаружили вражеских саперов, которые делали проходы в наших минных полях. Завязалась короткая схватка. 14 были убиты, двое бежали, а один из вражеских саперов был взят в плен. Он оказался солдатом саперного батальона 6-й немецкой пехотной дивизии. На допросе пленный показал, что наступление назначено на 3 часа утра 5 июля. Мы тогда, конечно, не знали, что в этот час войскам противника был зачитан приказ Гитлера, в котором говорилось: «Колоссальный удар, который будет нанесен сегодня утром советским войскам, должен потрясти их до основания. Помните, что от вашего удара зависит все!»

Показания пленного немедленно доложили К. К. Рокоссовскому. Павел Трояновский, корреспондент «Красной звезды», который находился тогда в нашем штабе, потом правдиво рассказал о том, что происходило у нас.

«Связываться со Ставкой было уже поздно. И командующий фронтом генерал Рокоссовский принимает решение: обрушить на врага всю мощь запланированных для этой цели огневых средств.

Вот что сказали Рокоссовскому другие начальствующие лица штаба фронта.

Генерал Телегин:

— Решение единственно правильное и единственно возможное. Обеими руками, всем сердцем за него.

Генерал Малинин:

— Другого решения не может быть. Я за, за и за.

Генерал Галаджев:

— Партийная совесть человека на стороне вашего решения. Отвечать за него будем все вместе.

Генерал Казаков:

— Наши мысли не первый раз идут в одном направлении. Разрешите считать ваше решение приказом».

Помню, тогда Константин Константинович сказал мне:

— Действуйте, Василий Иванович.

Хочу заметить, что до того, как отдать приказ о проведении артиллерийской контрподготовки, штаб артиллерии фронта уже отдал все необходимые предварительные распоряжения командующим артиллерией армий. Ведь до захвата в плен сапера в прошлую ночь перешел на нашу сторону солдат противника по национальности словак. Он тоже сказал, что наступление немцев намечено на 5 июля. Офицеры оперативного отдела штаба артиллерии фронта неотлучно находились на узле связи, требуя того же от офицеров штабов артиллерии армий. Так что у нас все было готово к быстрой передаче артиллерийским полкам и дивизиям приказа командующего фронтом.

В 2 часа 20 минут 5 июля в полном соответствии с разработанным планом сотни орудий и минометов открыли внезапный ураганный огонь по позициям артиллерии, сосредоточениям пехоты и танков, штабам, узлам связи, складам и другим целям врага. Контрподготовка длилась 30 минут, и за это время наша артиллерия выпустила на головы врага около 50 тысяч снарядов и мин. Затем ночная степь притихла, и только изредка тишину июльской ночи разрывала где-нибудь пулеметная очередь.

В войсках и штабах ждали, когда же противник начнет свою артиллерийскую подготовку? Если она не последует, значит, показания пленных были ложными, и наша контрподготовка может пойти нам во вред.

Время тянулось медленно, нервное напряжение росло. Но ждать пришлось не так уж долго. В 4 часа 30 минут противник начал артиллерийскую и авиационную подготовку. Ему понадобилось полтора часа, чтобы привести себя в порядок. Огонь его артиллерии начался неорганизованно и был мало эффективен. Мы не замедлили воспользоваться этим. Уже в 4 часа 35 минут наша

артиллерия провела вторую контрподготовку. Она совсем ошеломила врага. Всего было подавлено 90 артиллерийских и минометных батарей, 60 наблюдательных пунктов противника, взорвано 10 больших складов с боеприпасами и горючим. Особенно велики были потери в личном составе вражеских войск.

Ведь, как известно, ударные группировки противника заняли исходные положения для наступления и его войска находились в довольно сосредоточенных боевых порядках. Естественно, что удар нашей артиллерии как раз пришелся по ним. Как показали впоследствии пленные, только одна рота 195-го пехотного полка потеряла убитыми 80 человек. 167-й пехотный полк потерял до 600 солдат и офицеров. 216-й штурмовой истребительно-противотанковый дивизион потерял 12 орудий.

По всей вероятности, еще более сильное воздействие оказала наша контрподготовка на моральное состояние фашистских солдат. Они убедились, что «колоссального удара» по советским войскам, какого хотел Гитлер, не получилось.

Наоборот, наша артиллерия нанесла мощнейший удар, и советские войска во всеоружии встретили наступление немцев. Очень любопытны в этом отношении показания командира роты 9-й танковой дивизии:

«Эти 30 минут были настоящим кошмаром. Мы не понимали, что случилось. Обезумевшие от страха офицеры спрашивали друг друга: «Кто же собирается наступать — мы или русские?» Рота потеряла 20 человек убитыми и 38 ранеными... Убит командир нашего батальона... Шесть танков вышли из строя, не сделав ни одного выстрела».

Тем не менее немецко-фашистские войска после своей артиллерийской и авиационной подготовки все же пошли в наступление. Завязалась упорная, изнурительная, ожесточенная борьба. Гитлеровцы верили в свои

«тигры», «пантеры» и «фердинанды» и шли напролом, не считаясь ни с какими потерями.

Всю ночь на 5 июля мы не спали. Утром, когда боевые действия развернулись во всю свою силу, все стало предельно ясным. Кончились наши сомнения. Естественно, в штабе фронта все ждали указаний командующего. Но вместо каких-либо распоряжений Рокоссовский спросил нас:

— Все ли уверены в своих планах и в полной готовности подчиненных частей выполнять боевые задачи?

Получив положительный ответ, он неожиданно для нас, тепло улыбнувшись, сказал:

— Ну, раз так, то я советую всем часика два-три отдохнуть. Иначе если мы будем бодрствовать, то наверняка начнем дергать командармов и начальников армейских служб, запрашивать обстановку и тому подобное. Полагаю, им самим нужно еще во всем разобраться, проанализировать поступающие донесения из дивизий и полков, оценить обстановку. На все это уйдет немало времени. Уверяю вас, что, как только им все станет ясно, они сами доложат. Поэтому я иду спать и вам всем советую сделать то же самое.— И он оставил нас.

Не знаю, спал ли тогда Константин Константинович, но достоверно одно: его телефон молчал до тех пор, пока не начали поступать доклады командармов о развитии боевых действий на их участках фронта.

Несмотря на то, что враг понес потери во время нашей контрподготовки и что наступление он начал с запозданием и лишь после того, как привел себя в порядок, все же первые его удары были очень сильными.

Так, например, в полосе 13-й армии враг ввел в бой одновременно пять пехотных и три танковых дивизий, в составе которых находилось около 1200 танков и самоходных орудий. Это была огромная сила, способная

смести все на своем пути. На это и рассчитывало гитлеровское командование.

Я не зря первую часть этой главы посвятил рассказу о том, как серьезно мы готовились к летним боям и что для этого было сделано. Теперь вся заблаговременно проделанная титаническая работа приносила нам успех. Первые атаки врага были отбиты. Неприятельская пехота, отсеченная от танков огнем артиллерии и стрелкового оружия, залегла перед нашим передним краем, а танки, встреченные интенсивным огнем прямой наводкой и с закрытых огневых артопозиций, отошли, понеся потери.

С началом боевых действий лавина вражеских танков на большой скорости устремила к нашему переднему краю, ведя огонь с ходу, угрожая смять оборону. Но вот первая волна танков попала на минные поля. Естественно, часть из них подорвалась на минах. Скорость движения танков резко снизилась. Уцелевшие на минных полях машины, стремясь изменить направление движения, невольно подставляли свои борта (наиболее уязвимая часть танка) под огонь наших противотанковых орудий, расположенных в непосредственной близости от переднего края. Замедлившие скорость своего движения и пытавшиеся маневрировать на минных полях вражеские танки становились хорошей мишенью для наших противотанковых орудий.

Последующие волны танков тоже сбавляли скорость движения и попадали под огонь нашей артиллерии, стоявшей на закрытых позициях. В создавшихся условиях этот огонь был весьма эффективным.

Неудача первой атаки, в которой участвовали столь значительные силы, явилась полной неожиданностью для гитлеровского командования. Вряд ли оно могло тогда до конца понять все роковое ее значение. Но фюрер требовал победы, и его войска продолжали настойчивые

атаки, стремясь во что бы то ни стало сокрушить нашу оборону.

В 7 часов 5 июля после артиллерийской и авиационной подготовки противник предпринял атаку на левом фланге 48-й армии. Удар наносила на четырехкилометровом фронте моторизованная пехота, поддержанная 28 танками и 40 самоходными орудиями. Ценой больших потерь противнику удалось вклиниться здесь в нашу оборону, но он не смог развить этот довольно скромный успех и не удержался на достигнутом рубеже. К 16 часам части 48-й армии, поддержанные огнем артиллерии и авиацией, контратаковали противника, и положение было полностью восстановлено.

В полосах 13-й и 70-й армий обстановка продолжала оставаться угрожающей. В 8 часов, после тридцатиминутной артиллерийской подготовки, противник возобновил наступление. В полосе 13-й армии удар наносился на узком фронте силой двух пехотных дивизий при поддержке 300 танков и самоходных орудий. Одновременно был нанесен мощный удар свежими силами по правому флангу 70-й армии. На участке Верх, Тагино, Рудово противник бросил в бой три пехотные, две танковые дивизии и три егерских батальона. На этом участке у него действовало около 450 танков и самоходных орудий и 350 самолетов.

Гитлеровцы всеми силами стремились в первый же день наступления добиться решительного успеха. Но наши войска, опираясь на хорошо оборудованные рубежи, оказывали врагу упорное сопротивление.

Весь день шли непрекращающиеся ожесточенные бои в исключительно сложных условиях. Артиллерия, действуя в тесном взаимодействии с пехотой, танками и авиацией, отражала непрерывные атаки противника, особенно его танков. Временами создавалась такая обстановка, когда артиллерийские части и подразделения вынуж-

дены были вести бой совершенно самостоятельно, без пехоты, в полном отрыве от нее, а порой и в окружении противника. Именно при таких обстоятельствах наиболее полно раскрылись все лучшие качества артиллеристов: стойкость, высокое боевое мастерство, готовность к самопожертвованию. Каждый день боя был насыщен множеством эпизодов, подтверждающих это, но я расскажу только о некоторых из них. О них сохранились наиболее полные записи.

Более 50 вражеских танков подошли на расстояние прямого выстрела к огневым позициям 642-го пушечного артиллерийского полка. Вооруженный 122-миллиметровыми пушками и 152-миллиметровыми гаубицами-пушками полк предназначался для борьбы с артиллерией и уничтожения других дальних целей. Но, как я уже говорил, мы тщательно готовили к борьбе с танками все артиллерийские части. Когда вражеские машины двинулись на орудия полка с явным стремлением раздавить их, хорошо подготовленные орудийные расчеты уничтожили 17 танков. Остальные поспешили выбраться из зоны губительного огня мощных орудий и больше не пытались предпринимать атаки на этом участке.

В критическом положении оказался 872-й гаубичный артиллерийский полк под командованием майора Н. П. Иванова. Он занимал боевой порядок в Протасово.

Под сильным натиском превосходящих сил противника наша пехота отошла из этого населенного пункта. Майор Иванов приказал командирам дивизионов пойти на огневые позиции и руководить там отражением танковых атак прямой наводкой. Сам же он собрал все взводы управления полка и подготовил их к отражению атак вражеской пехоты огнем из личного орудия.

Через некоторое время 25 танков и самоходных орудий с батальоном пехоты атаковали Протасово. В самом начале орудия полка уничтожили три танка, одно самоходное орудие и значительную часть пехоты. Шесть часов артполк майора Иванова вел неравный бой, но Протасово отстоял.

Вместе с пехотой одну из высот в полосе обороны 81-й дивизии 13-й армии обороняла четвертая батарея 540-го легкого артиллерийского полка. Когда фашистские танки двинулись в атаку, первым в бой вступило орудие старшего сержанта Макара Хомы. Наводчиком был ефрейтор Яков Морозов. Услышав команду: «По головному, бронебойным!» — он установил нужный прицел и выстрелил. Однако снаряд разорвался вблизи танка, не повредив его. Зарядив снова орудие бронебойным, Морозов улучил момент, когда танк, маневрируя, подставил борт, и дал выстрел. Раздался взрыв, и машина окуталась огромным облаком дыма. Обнаружив орудие Хомы, другие немецкие танки открыли по нему огонь. Сраженный осколком, упал Морозов. Его место занял заряжающий Дмитрий Марычев. Он подбил один танк, но вскоре был ранен. У орудия осталось два артиллериста — Хома и Петрищев. Тогда за наводчика стал сам командир орудия, а Николай Петрищев делал все, что положено исполнять остальным номерам расчета. Они уничтожили третий танк. Будучи ранеными, старший сержант и рядовой продолжали вести бой и поразили четвертый танк, подошедший совсем близко к орудю.

Не стояли сложа руки батарейцы остальных орудий: старшина Петр Пустоляков с наводчиком Федором Кульчевым подбили «тигра» и две «пантеры».

У первого орудия стояли молодые артиллеристы, которые на фронте находились всего лишь четыре месяца. Все они — колхозники из Курской области, защищая родные поля, уничтожили четыре вражеских танка.

Четвертая батарея 540-го артиллерийского полка вела бой в течение трех часов. Расчет третьего орудия полностью вышел из строя. Но, несмотря на серьезные потери, батарейцы не сделали и шага назад. Из 26 вражеских танков, атаковавших высоту, уцелело лишь 11.

В течение дня противник предпринимал атаки на всем фронте, нанося удары то на одном, то на другом направлении. Не добившись успеха в первых атаках, гитлеровское командование стремилось ударами на разных участках нащупать уязвимые места в нашей обороне и заодно скрыть от нас направление своего главного удара. Однако уже к концу дня нам стало ясно, что он наносится вдоль железной дороги и западнее ее в направлении Ольховатка, Фатеж. Удар же на правом фланге армии на Малоархангельск являлся вспомогательным. Для усиления нашей обороны на главном направлении в этот же день в оперативное подчинение 13-й армии из резерва фронта были переданы 1-я и 13-я истребительно-противотанковые артиллерийские бригады и 21-я отдельная минометная бригада — всего 10 полков.

В результате огромных усилий, не считаясь с тяжелыми потерями, к исходу первого дня своего наступления противник сумел вклиниться в нашу оборону в полосе 13-й армии лишь на 5—6 километров, а в полосе 70-й армии — на 1—1,5. На стыке же с 13-армией вражеские танки сумели продвинуться до 3—4 километров.

Для тех сил, которые противник бросил против нас, такие результаты, если не были равносильны поражению, то уж во всяком случае являлись его предвестником.

Поздно вечером, когда боевые действия на большинстве участков затихли, в штабе артиллерии фронта подвели итоги первого дня сражения, установили положение и состояние артиллерийских частей, выявили наличие снарядов в батареях и позаботились об их пополнении.

По приказанию командующего фронтом мы подготовили противотанковую артиллерийскую группировку. Штаб артиллерии продумал конкретные предложения командующему фронтом и после одобрения им наших планов отдал необходимые боевые распоряжения артиллерийским частям и соединениям. Все это было сделано оперативно, и части успели выполнить распоряжения до возобновления вражеского наступления на следующий день.

Кроме работы, связанной с организацией боевых действий, на следующий день офицеры штаба артиллерии плодотворно поработали над сбором и обобщением данных о действиях артиллерии нашей и противника за истекший день, составили оперативные и разведывательные сводки и передали их в штаб артиллерии Красной Армии. Ведь сражение на Курской дуге было в то время самым значительным событием на всем советско-германском фронте. И Ставка Верховного Главнокомандования беспокоилась, с нетерпением ожидая от нас вестей.

А бои здесь принимали все более и более ожесточенный характер. Добившись в первый день — 5 июля — незначительного успеха ценой больших потерь, враг бросал в бой все новые силы. Наши войска, ожидая наступления врага, то на одном, то на другом участке фронта, если позволяла обстановка, предпринимали контратаки, вели таким образом активную оборону.

Когда гитлеровцы бросали в очередную атаку по 30—40 танков, наши артиллеристы встречали их огнем с закрытых позиций еще до подхода к переднему краю той или иной оборонительной полосы. Когда же вражеские машины подходили на расстояние прямого выстрела, в борьбу с ними вступали орудия, стрелявшие прямой наводкой, а также танки, стоявшие в обороне. Противник нес невосполнимые потери.

То с одного участка фронта, то с другого поступали донесения о мужестве и отваге наших артиллеристов. Так, при отражении атаки противника на населенный пункт Снова (в центре полосы 13-й армии) в боевых порядках пехоты действовал 84-й ордена Ленина гвардейский противотанковый дивизион. Командир орудия гвардии младший сержант С. Петров нетерпеливо ожидал атаки вражеских танков, особенно «тигров». Орудийный расчет был в любую минуту готов открыть огонь. Противник, видимо, был информирован, что на этом участке действует большое количество наших противотанковых орудий, и его «тигры» держались на почтительном расстоянии от наших позиций, ведя огонь с дальних дистанций. Петров понимал, что, когда «тигры» пойдут в атаку, его 45-миллиметровой пушке трудно будет. Тогда инициативный сержант решил выдвинуть пушку далеко вперед за свой передний край и, выбрав там удобную позицию, подбить или поджечь несколько «тигров». Расчет, воодушевленный своим командиром, без колебаний покати сорокапятимиллиметровку вперед, хотя каждый солдат хорошо понимал, что вернуться из такой схватки с врагом будет очень трудно.

Маскируясь кустарником и умело используя складки местности, батареицы приблизили свое орудие к группе «тигров» и открыли меткий огонь по наиболее уязвимым местам грозных машин. Взбешенные такой дерзостью, гитлеровцы направили на одинокую пушку пять средних танков, но первыми же выстрелами Петров поджег два из них, а остальные повернули обратно. Для окружения и захвата орудия вышла рота вражеских автоматчиков. Расчет сержанта Петрова, заняв круговую оборону, отразил все их атаки, уничтожив около сотни гитлеровцев. Тогда на горстку храбрецов двинулись три «тигра». Артиллеристы не дрогнули, ведь они ждали этого момента.

Метко стреляя подкалиберными снарядами, расчет Петрова подбил две машины,

Основной удар на фронте 13-й армии противник нанес 7 июля в направлении на Поньри. Фашистам очень важно было овладеть этим пунктом: отсюда наци войска угрожали флангам вражеских частей, наступавших на Малоархангельск и Ольховатку. Хорошо понимая, почему враг рвется всеми силами на Поньри, командование фронта подтянуло сюда большие силы.

Чтобы усилить противотанковую оборону войск в районе Поньрей и поддержать артиллерией части 307-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал майор М. А. Еншин, штаб 13-й выделил сюда 5-ю артиллерийскую дивизию прорыва, 13-ю истребительно-противотанковую артиллерийскую и 11-ю минометную бригады, а также 22-ю гвардейскую минометную бригаду реактивной артиллерии.

Никогда еще до этого в ходе Великой Отечественной войны ни одна стрелковая дивизия в оборонительном бою не прикрывалась таким мощным артиллерийским щитом, какой создало для 307-й дивизии командование Центрального фронта.

От взрывов бомб, снарядов и мин, от грохота орудий и танков дрожала земля. С беспредельным мужеством отражали танковые атаки советские артиллеристы. Огонь велся в таком темпе, что на раскалившихся орудийных стволах обгорала краска. Артиллеристы проявляли не только стойкость, но и отличную выучку. 2-я батарея 540-го легкоартиллерийского полка РГК заняла огневую позицию для стрельбы прямой наводкой севернее Поньрей. Первым расчетом командовал старшина К. С. Седов — бывший бригадир колхоза «Березово», Дубенского района, Тульской области. Накануне его приняли

в ряды партии, и вот теперь в бою он старался оправдать высокое звание коммуниста. Когда танки приблизились метров на двести, расчет открыл огонь. Головная машина застыла на месте. Следом загорелся второй танк. Бой длился несколько часов. Артиллеристы действовали точно и четко. Восемь танков врага и до сотни автоматчиков уничтожило в этот день орудие К. С. Седова. С такой же стойкостью сражались десятки и сотни орудийных расчетов, превращая грозные машины врага в груды обгорелого, искореженного металла. При поддержке артиллерии и минометов полки 307-й дивизии отбили пять атак противника.

О том, какие чудесные люди воевали на нашем Центральном фронте, об их душевной красоте, об их беспримерном мужестве я уже говорил выше, но о них можно много рассказывать. В Курской битве, как и в других сражениях, наши воины проявляли подлинно массовый героизм.

До войны Кузьма Зуев работал ветеринарным фельдшером в колхозе села Харабали в Приволжье. Началась война. И все парни, умевшие держать оружие в руках, ушли на фронт. Пошел и Кузьма Зуев.

— Хочу пойти по стопам отца, в артиллерию, — ответил Зуев на вопрос председателя призывной комиссии. Отец его, старый солдат, в первую мировую войну был артиллеристом и часто потом рассказывал сыну, какой это замечательный род войск.

Кузьма Зуев в дни боевой учебы показал примерное усердие и быстро стал наводчиком, а затем и командиром орудия. Его послали служить в 1019-й полк 307-й стрелковой дивизии.

В январе 1943 года ефрейтор Зуев участвовал в прорыве обороны противника в районе Касторное. Ему поставили задачу поддержать наступление пехоты, подавить огонь вражеских пулеметов и миномета, мешавших

ей продвигаться вперед. Чтобы ближе подобраться к переднему краю врага, Зуев попросил прицепить его орудие к танку. Под обстрелом противника расчет выкатил свое орудие на прямую наводку и открыл меткий огонь: вражеские огневые средства замолчали, и наша пехота двинулась вперед. На груди Зуева засияла первая правительственная награда — медаль «За отвагу».

На танкоопасном направлении 13-й армии, когда Зуев был уже кандидатом в члены партии и пользовался большим авторитетом у своих товарищей, он организовал со своим расчетом изучение слабых мест фашистских танков, особенно «тигров», тренировал подчиненных, усиленно готовил их к серьезным боям.

3 июля 1943 года расчет Зуева получил приказ занять оборону в районе Понири. 7 июля враг на этом участке фронта особенно активно действовал. Орудие Зуева находилось в боевых порядках стрелковой роты, поддерживая ее в оборонительном бою.

Над землей низко стлался предутренний туман. Когда под лучами солнца он стал рассеиваться, ефрейтор увидел наступающие фашистские танки, за ними стройно, в колоннах, как будто на учении, шла пехота.

Зуев спокойно и твердо сказал своему расчету:

— Мы должны их задержать. Задержим, чего бы нам это ни стоило. Понятно?

— Так точно,— ответили артиллеристы. Они любили Зуева, знали его мужество, верили его боевому опыту, знаниям, мастерству.

— Стрелять по танкам начнем метров с четырехсот — трехсот пятидесяти,— отдал он распоряжение, внимательно наблюдая за движением вражеских танков.

Головная машина немцев, вышедшая на перекресток дорог, была сразу подбита. Вот уже на поле боя замерли три гитлеровских танка.

— Отлично! Сверхметко! — раздались голоса изум-

ленных пехотинцев.— Молодцы, артиллеристы... Спасибо!..

Фашисты обнаружили орудие Зуева, и их броневые машины взяли курс прямо на него.

Но орудие по команде Зуева открыло меткий интенсивный огонь, и перед его позицией загорелись семь танков. Уцелевший восьмой танк, маскируясь за горящими машинами, начал вести огонь и прямым попаданием снаряда разбил орудие. К счастью, никто из бойцов не пострадал. Но что же делать без орудия? В наступление пошли вражеские автоматчики. Наши храбрыцы оказались отрезанными от своих.

— Будем биться! — прозвучал властный голос командира орудия.— Приготовить гранаты, зарядить все диски автоматов!

И начался ближний бой советских артиллеристов с гитлеровскими автоматчиками. Наши воины показали, что автоматами и гранатами они владеют не хуже чем пушкой. Враг понес большие потери и не прошел. Рубеж, на котором дрались артиллеристы коммуниста Зуева, остался неприступным. Расчет получил новое орудие. Фашисты снова двинулись в атаку. На этот раз на позиции Зуева двигались три «тигра». Зуев знал о «тиграх» только по картинкам и схемам. «Ничего,— подумал ефрейтор,— попробуем. Не так уж они страшны». Зуев замаскировал свою пушку во ржи отлично, и два «тигра» прошли мимо. «Что такое? Почему ждет? Неужели дрогнул?» — думали солдаты, наблюдавшие за действием зуевского расчета. А он внимательно следил за вражескими машинами. Ефрейтор ждал третьего «тигра». Вот и он проходит мимо орудия. Тогда Зуев подает команду открыть огонь. Первый же снаряд поражает бензобак. Оказавшись в тылу немецких танков, орудие продолжало вести огонь. Вскоре и ушедшие вперед два «тигра» загорелись,

Так же спокойно и уверенно готовился Зуев к следующему боевому дню. Он, конечно, не знал, да и не мог знать, что его представили к званию Героя Советского Союза. 7 августа 1943 года Указом Президиума Верховного Совета К. Зуеву было присвоено это почетное звание.

Прославился своей богатырской стойкостью и самоотверженностью, незнанием страха в борьбе комсомолец младший лейтенант В. В. Скрылев, который командовал огневым взводом в 540-м легкоартиллерийском полку.

Вначале, когда враг двинулся в атаку, орудия взвода Скрылева по его команде открыли прямой наводкой ураганный огонь. За короткое время они уничтожили около трехсот солдат и офицеров, подавили две минометные батареи, пять пулеметов и противотанковую пушку.

Несмотря на большие потери, противник продолжал рваться вперед. На огневую позицию взвода молодого офицера Скрылева атаку предприняли несколько танков с фронта и два с фланга. За танками, наступавшими с фронта, двигались автоматчики. Это была уже восьмая вражеская атака. Два «тигра» подошли очень близко к орудиям взвода. Если промедлишь минуту, раздавят гусеницы стальных чудовищ.

Скрылев понял, что ослабленный потерями орудийный расчет может не выдержать атаки. И он, став к орудю, несколькими меткими выстрелами сам подбил «тигра». Не обращая внимания на рядом рвущиеся снаряды, разлетающиеся осколки, стучащие в щит орудия пули, Скрылев с упорством, достойным подражания, вступил в единоборство со вторым танком. В это время осколок раздробил кисть его левой руки. Превозмогая жгучую боль, Скрылев почти в упор расстрелял второй танк. Из машины повалил дым. Фашисты не выдержали

напряжения боя и откатились назад. Младший лейтенант продолжал командовать взводом. Теперь его орудия вели огонь по отступающим врагам.

Скрылев потерял много крови. Но пока шел бой, молодой офицер держался. Вот уже и очередная атака врага отбита. Бой утих. Скрылев лишился сознания. Друзья подхватили его и унесли в укрытие, а затем отправили в тыл.

Спустя некоторое время стало известно, что комсомолец В. В. Скрылеву присвоено звание Героя Советского Союза.

Все поздравили его.

Массовый героизм проявили орудийные расчеты 540-го легкого артиллерийского полка восточнее станции Поныри. 9 июля в 6 часов утра из поселка Первое мая выдвинулись шесть фашистских самоходных орудий «фердинанд» и с дальних дистанций открыли огонь по высоте 253,5. Одновременно одна группа в 16, другая в 12 вражеских танков, поддержанные огнем тяжелой артиллерии, пошли в атаку. Завязалась тяжелейшая схватка между немецкими танками, орудиями и нашими артиллеристами. Высоту 253,5 обороняли 12 пушек из разных батарей 540-го артполка. На них враг обрушил бомбовые удары и огонь своей дальнобойной тяжелой артиллерии.

Этот изнурительный бой, потребовавший большого напряжения моральных и физических сил, стойкости и воинского мастерства, длился около одиннадцати часов. Орудие под командованием сержанта Карлова находилось на северо-западных скатах высоты. Отсюда оно вело меткий огонь и уничтожило две самоходные пушки врага. Неподалеку вела бой пушка сержанта Пигарева. Меткими выстрелами сержант подбил «тигра» и легкий танк.

Замечательными мастерами меткого огня показали

себя сержанты Сухилин, Выдрин и старшина Лубянский. уничтожившие пять танков и самоходную пушку.

Потрясающий по силе духа и мужеству подвиг совершил расчет, которым командовал сержант А. Сапунов, комсорг батареи. Наводчиком здесь был комсомолец Н. Абрамов. Бывший знатный комбайнер Казахстана Д. Тайпаков исполнял две обязанности — заряжающего и замкового. Их орудие перекрывало дорогу вражеским танкам севернее деревни Горелово. Артиллеристы заранее оборудовали себе отличную огневую позицию с хорошим обстрелом и обзором, замаскировали ее по всем правилам.

Из тридцати «тигров», которые двигались в атаку на Горелово, шесть шли на орудие Сапунова. Когда сержант увидел, что танки врага держат курс на его позицию, он сам стал к прицелу. Заряжающий Тайпаков быстро подавал снаряды. Прогремели подряд четыре выстрела. У первого «тигра» слетела башня, будто ее ножом срезало. Следующими снарядами Сапунов поджег второй танк. Третий, заметив опасность, замедлил ход. Сапунов воспользовался этим моментом и первым же выстрелом повредил ему гусеницу, а когда «тигр» завертелся на месте, поджег его.

Три уцелевшие «тигра» двигались на орудие наших храбрецов. У них уже не было бронебойных снарядов. Тогда сержант начал бить по танкам осколочно-фугасными, но и они кончились. Пушка умолкла. Сапунов схватил противотанковые гранаты и бросился на фашистские танки. Взрыв вражеского снаряда оборвал жизнь бесстрашного героя.

Комсомольцы батареи поклялись отомстить за командира. В этот день они уничтожили два тяжелых немецких танка и бронемашину.

За этот выдающийся подвиг сержанту А. Д. Сапунову присвоено посмертно звание Героя Советского Союза.

Расскажу еще об одном мужественном артиллеристе, чья боевая биография также может служить примером для нашей молодежи.

Когда немецко-фашистские полчища вторглись в пределы нашей Родины, Ходи Кинжаев проходил воинскую службу под Тернополем. Далеко, за тысячи километров, от этого украинского города лежала земля цветущего Таджикистана, где родился и вырос Кинжаев. Но Ходи знал, что, борясь с фашистами на украинской земле, он защищает свой родной Таджикистан.

К началу развития боевых событий на Курской дуге Ходи Кинжаев командовал противотанковым орудием в первой батарее 1117-го истребительно-противотанкового арtpолка. В расчет орудия входили воины шести национальностей: рядом с таджиком Кинжаевым стояли русский, украинец, татарин, мордвин, мариец. Это был на редкость слаженный расчет, спаянный боевой дружбой. Ходи Кинжаев был строгим и требовательным командиром, настойчиво обучал свой расчет борьбе с танками, всегда находил время, чтобы тренировать его в меткой стрельбе по движущимся в разных направлениях целям.

Ничего нет удивительного в том, что расчет противотанкового орудия хорошо подготовился к борьбе с врагом.

В ночь на 5 июля старшему сержанту Кинжаеву было приказано сменить огневую позицию и занять ее на танкоопасном направлении. На новом месте расчет быстро окопался, расчистил секторы обзора и обстрела. Впереди позиции тянулась лощина, а за ней на небольшой высоте раскинулась деревушка, которую занимали фашисты. Туда они подтягивали танки и самоходные орудия, готовясь к наступлению.

Когда гитлеровцы предприняли первую попытку прорвать нашу оборону, они напоролись на сокрушающий огонь наших артиллеристов. В этом бою орудия стар-

шего сержанта Кинжаева подбило два танка и один бронетранспортер.

Противник вызвал авиацию, которая начала бомбить позиции наших войск. Но расчету орудия Кинжаева никакого вреда вражеские авиабомбы не принесли, потому что он прекрасно окопался.

После налета авиации фашистские танки снова пошли в атаку. Противник был уверен, что от нашей противотанковой артиллерии ничего не осталось. Перед огневой позицией орудия Кинжаева опять появились танки, среди которых были и «тигры». Последние вели огонь с дальних дистанций. Орудие молчало, чтобы не обнаружить себя раньше времени.

Первым шел на позицию Кинжаева «тигр». Вот он все ближе и ближе. Старший сержант определяет расстояние — 300 метров.

В Таджикистане водились тигры. Ходи слышал рассказы о том, как на них охотились. А вот стальных «тигров» пришлось увидеть здесь, на фронте.

— С тиграми будем драться, как львы. А лев сильнее тигра,— громко сказал Кинжаев расчету.

И вот наступил момент, когда надо было показать артиллеристам львиную хватку в броне с «тиграми». Из орудия вылетает первый снаряд — недолет. Второй — перелет. Третий снаряд прямо в гусеницу. То, что надо! По команде Кинжаева наводчик Самойлов подбивает второй танк. Налетела авиация, и немецкие танки с места повели сильный огонь по орудью. Кругом рвались снаряды, протяжно выли осколки. Трое из расчета Кинжаева получили ранения. И, как это делают в таких случаях все командиры орудий, старший сержант занял место наводчика Самойлова. А в это время танки врага пошли вправо, стрелять по ним стало удобнее. Кинжаев бьет в цель, и у третьего «тигра» взрывается бензобак. Снова выстрел, а у четвертого танка заклини-

вается башня. С перебитой гусеницей останавливается пятая вражеская машина. Фашисты стараются уничтожить советское орудие. Снаряды ложатся все гуще вокруг него. Один осколок ранил командира орудия в бедро, второй — в спину, третий — в ногу. Разбито орудие...

Ходи Кинжаев нанес врагу немалый ущерб. Раненый, он имел право оставить поле боя, но этого не сделал. У советского воина есть нечто большее, чем его право, чем даже его жизнь, — долг перед Родиной, перед своим народом. Кинжаев потому и не оставил поле боя. Казалось, все кончено. Но Ходи увидел лежавшее неподалеку противотанковое ружье. Он поднял его и залег в окопе. Ждать долго не пришлось — враг снова пошел в атаку. Улучив удачный момент, Кинжаев из ружья подбил еще один танк. Это был седьмой танк и четвертый «тигр». Но вот вражеские машины круто свернули в сторону, и на участке, где только что бушевал тяжелейший бой, стало тихо. Тогда Кинжаев занялся своими ранами. Обессиленный, медленно направился на пункт медицинской помощи. По пути он обнаружил тяжело раненного артиллериста из соседнего расчета Дегтярева. Кинжаев снял свою рубашку, разорвал ее на бинты и, оказав помощь боевому товарищу, потащил его на себе. Два часа тяжело раненные воины добирались до медицинского пункта.

Коммунист Ходи Кинжаев совершил подвиг. И в созвездии Героев засияла новая Золотая Звезда Ходи Исабаевича Кинжаева. Это звание ему было присвоено 21 сентября 1943 года.

Ожесточенные бои разгорелись и на первом фланге 70-й армии, где противник наступал при поддержке танков, артиллерии и авиации.

Сосредоточив в районе Подолянь — Бобрик до 250 танков, гитлеровцы предприняли несколько очень сильных атак в направлениях населенных пунктов Соборовка, Самодуровка, Пробуждение, Гнилец. В каждой атаке вместе с танками участвовало от одного до трех пехотных полков.

Трудно сказать, как развивались бы события, если бы в боевых порядках наших войск на этих направлениях не была своевременно развернута 1-я гвардейская артиллерийская дивизия под командованием генерала Г. В. Година.

В направлении Малоархангельска атака не принесла фашистам успеха. Тогда они перенесли главные усилия встык 70-й и 13-й армий — в направлении Ольховатки.

На наблюдательном пункте Г. В. Година зорко всматривались в сторону противника артиллерийские разведчики. Старший разведчик Василий Морозов в своем секторе наблюдения насчитал до 150 танков, среди которых было много «тигров» и самоходных орудий. Разведчик Иван Вербицкий также в своем секторе насчитал до 150 танков. Он видел, что совместно с танками двигались орудия сопровождения и пехота на бронетранспортерах. Вот уже вступили в бой противотанковые орудия. Оставив на поле боя семь танков, враг не выдержал огня и был вынужден отойти. Когда атакующие танки отходят назад, напряжение боя ослабевает, но вновь возрастает при очередной атаке. Уже три атаки танков на Ольховатку было отбито. Началась четвертая.

В небе появилось тридцать тяжелых бомбардировщиков. За ними — волна пикирующих бомбардировщиков и истребителей. Самолеты-пикировщики сбрасывают бомбы на огневые артиллерийские позиции, расположенные на переднем крае. Тяжелые бомбардировщики обрушивают свой груз на огневые позиции артиллерии в глубине обороны, пытаясь подавить цели одновре-

менно на всю глубину главной ее полосы, чтобы направить через брешь волну атакующих танков. Но советские воины стойко удерживают занимаемые позиции.

Большая надежда была на артиллеристов, хотя умело боролись с врагом и истребители танков, вооруженные противотанковыми ружьями (ПТР), противотанковыми гранатами (ПТГ), а также бутылками с горючей жидкостью.

Беспримерное мужество и высокое воинское мастерство показали бронебойщики роты старшего лейтенанта Каурова. На рубеж, который обороняли пехотинцы, гитлеровцы бросили 58 танков. Бронебойщики уничтожили из них 16, отразив четыре атаки. Парторг батальона старший лейтенант Санько, находившийся тут же, показал героический пример. Он лично из противотанкового ружья подбил три танка. Прошло какое-то время, и роте пришлось отразить еще две неприятельские атаки. Фашисты не прошли, в общей сложности потеряв здесь 27 бронированных машин, среди которых было три «тигра».

И здесь, на этом участке фронта, наступавший противник бросал вперед «тигров» и «фердинандов». Однако приемы их действий стали несколько иными. Ведя прицельный огонь по нашим боевым порядкам, они уже теперь осторожно продвигались вперед. Встретив сопротивление, тотчас пятились назад, маневрировали, затем снова ползли вперед. Когда врагу удавалось создать на каком-то участке превосходство в силах, он нащупывал слабое место и двигался вперед, бросая сюда большие группы средних танков и мотопехоту. Но наши войска — пехотинцы, танкисты и артиллеристы встречали прорвавшиеся группы с позиций, находившихся в глубине, и атаки врага захлебывались.

В течение двух часов пехота при поддержке 150 танков и самоходных орудий трижды переходила в атаку

в направлении Самодуровки, высота 238,1, но сколько-нибудь значительного успеха не достигла. Позднее противник предпринял последнюю в тот день атаку, нанося удар одновременно двумя группами танков по 60—70 машин в каждой, в направлениях Кашара, Самодуровка. Но и эти последние атаки были отбиты преимущественно огнем артиллерии. На следующий день все более ожесточающийся и свирепеющий враг наседал еще крепче, и бои здесь проходили очень упорные. Однако противник не смог достичь желаемого успеха, несмотря на то, что в сражение были брошены из резерва крупные силы пехоты и танков, поддержанные активно действовавшей авиацией.

Вот здесь, в районе Кашары, совершил свой славный подвиг сержант Петр Панов.

Петр Панов родился в селе Нахрачи, что затерялось в необъятной сибирской тайге. Летом в село можно добраться лишь по Иртышу. Зимой же приходится ехать на санях или нартах. В селе Нахрачи, как и в других селениях Кондинского района Ханты-Мансийского национального округа, жители издавна занимаются охотой и рыбной ловлей. Люди тайги привыкли к суровому климату. Они закалены, сильны духом, выносливы, способны переносить всякие невзгоды и трудности.

В колхозе имени 17-й годовщины Октября Петр Панов заслужил славу одного из лучших охотников. Чтобы не повредить шкуру, он стрелял зверя в глаз: шкурка иного зверька ценится как золото.

В мае 1942 года Панов был призван на военную службу. Его послали служить в запасной зенитный полк. Здесь он обучался в школе и успешно окончил ее, получив звание сержанта.

Теперь он уже сам обучал новичков.

Но жизнь в запасном полку не устраивала его, поскольку шла война и ему хотелось быть там, где непо-

средственно решалась судьба Родины. Хотя подготовка зенитчиков была и не менее важной задачей, но Петра тянуло на фронт.

И вот его желание сбылось. Сержанта вызвал командир батареи:

— Сержант Панов, говорят, вы охотник?

— Точно, охотник.

— На немецких тигров охотиться не приходилось? — шутиливо спросил офицер.

— А разве есть такие — немецкие?

— Немцы свои новые танки называли «тиграми». И вот мы решили вас направить в отдельный истребительный противотанковый дивизион. Там вас научат охотиться за немецкими тиграми.

Панов обрадовался такому решению, обещал, что все силы отдаст, чтобы овладеть новой боевой специальностью. Учебу он закончил отлично. Его назначили командиром противотанкового орудия, и он начал обучать своих подчиненных искусству меткой стрельбы прямой наводкой по движущимся целям. Сержант Панов был хорошим командиром: все, чему он учил подчиненных, сам исполнял мастерски, а потому умел всегда показать тот или иной прием действия у орудия. На зачетных стрельбах расчет Панова получил отличную оценку.

Настало время, и 729-й отдельный истребительный противотанковый артиллерийский дивизион выступил на передовую, в район Кашара. Получив указание, где занять огневую позицию, командир орудия сержант Панов выбрал место с хорошим обзором. Расчет отрыл удобный и надежный окоп для орудия, оборудовал укрытие и произвел все необходимые маскировочные работы: свежевырытую землю обложил дерном, кое-где посадил искусственные кустики. Маскировка под местность была оборудована по всем правилам охотничьей науки.

И это в первом же бою оправдало себя. Когда фашисты бомбили позицию, то никто из расчета не пострадал. Ведь давно известно, что на поле боя земля — надежная броня для солдата. Но главное, в чем убедился сержант Панов, — это то, что его подчиненные под сильнейшей бомбежкой вели себя спокойно и уверенно.

7 июля в районе, где в обороне стоял 729-й истребительный противотанковый артиллерийский дивизион, фашисты направили в атаку до 100 тяжелых и средних танков и мотопехоту на бронетранспортерах. Десятки вражеских машин были уничтожены нашими танкистами и артиллеристами, стрелявшими с закрытых позиций. Однако часть машин противника прорвалась. И в ожесточенный бой с ними вступили артиллеристы-противотанкисты, у которых заранее были подготовлены необходимые боеприпасы, намечены ориентиры и определено расстояние до них.

Сержант Панов первым обнаружил танки. Их было 23. Впереди шли «тигры». Загорелось сердце «охотника».

— По целям на высоте, бронебойным! — приказал Панов.

— Цель вижу, — ответил наводчик Фадеев.

— Огонь! — раздалась следующая команда.

— Выстрел, — ответил наводчик. Вражеская машина взорвалась.

Орудие стреляло подкалиберными снарядами. Вторым снарядом орудие Панова подбило «тигра». Еще два выстрела — и второй «тигр» горит.

Из фашистских танков начали бить по орудью Панова, однако оно оставалось невредимым и продолжало вести борьбу с хваленными «тиграми». Подкалиберные снаряды пробивали их довольно легко. Слаженный, сноровистый, обученный меткой стрельбе расчет Панова буквально напавал разил «тигров». На его боевом счету их было

уже пять. Когда остальные танки отошли, сержант приказал перенести огонь на высотку. Но в это время рядом разорвался вражеский снаряд, и расчет засыпало землей... Первым очнулся командир.

— Живой кто есть? — стараясь пересилить шум боя, громко крикнул Панов.

— Есть... Есть... Есть... — раздались голоса. К счастью, никто из расчета не пострадал. Все тотчас заняли свои места, и снова закипел бой. Артиллеристы показали высокое мастерство. Боевой успех пришел к ним закономерно. Еще шесть танков потерял противник и вынужден был ретироваться.

Сержант Панов и его солдаты с облегчением вздохнули. Но их ждало новое испытание: на огневые позиции артиллеристов двинулись цепи фашистских автоматчиков.

Панов подал команду открыть беглый огонь осколочными снарядами. Три раза подымалась вражеская пехота в атаку, но ураганный артиллерийский огонь прямой наводкой осаждал их назад. Враг прекратил атаку.

Подошедшему командиру дивизиона сержант Панов доложил:

— Потерь нет. Орудие в порядке. Подбито 11 танков, из них шесть «тигров». Остаток боеприпасов — один снаряд...

Чуть позднее подсчитали потери врага в живой силе. Убитых фашистов оказалось более пятидесяти. За проявленный подвиг Петру Яковлевичу Панову 7 августа 1943 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Советского Союза.

Солдаты этого героического расчета были награждены боевыми орденами. О том, что Петру Панову присвоено звание Героя, было передано по радио. Эта весть докатилась и до далекого сибирского селения. Первой услышала ее жена героя — радистка села Нахрачи Евлампия Панова.

В тот же день собрались старые охотники, хорошо знавшие Петра. Они зарядили свои ружья и дали салютный залп в честь славного охотника на немецких «тигров».

Несмотря на понесенные потери в первые дни сражения, вражеские войска были еще сильны и располагали большим количеством танков для продолжения активных действий. И в последующие дни противник продолжал неистовые попытки прорвать нашу оборону на тех же направлениях: в полосе 13-й армии на Малоархангельск, Поныри и Ольховатку, на стыке 70-й и 13-й армий — на Кашары и Теплое. В этих сражениях участвовали сотни вражеских танков и штурмовых орудий. 7 июля в полосе 13-й армии, например, наступало 150 танков, а на двух смежных участках — Поныри и Ольховатку — враг бросил до 500 танков и штурмовых орудий. В 70-й же армии только на одном участке, обороняемом 3-й истребительной бригадой, в районе Самодуровки действовало до 300 танков и штурмовых орудий противника.

Поныри и некоторые другие населенные пункты неоднократно переходили из рук в руки. Однако противник не смог добиться решительного успеха.

9 июля — пятый день вражеского наступления можно считать последним днем ожесточенных попыток врага прорвать нашу оборону. Уже 10 и 11 июля стало ясно, что оборонительное сражение советские войска выиграли. Героическими усилиями и высоким мастерством им удалось сдержать необычайной силы натиск врага, в боевых порядках которого действовало много сотен танков и штурмовых орудий, машины самого новейшего типа — «тигры» и «фердинанды». Положительно сказалась длительная и тщательная подготовка наших войск, хорошо оборудованная в инженерном отношении глубоко эшелонированная оборона, большое количество танков, артил-

лерии и авиации, привлеченных к ее обеспечению, высокие морально-политические и боевые качества всего личного состава войск, маневр и взаимодействие в ходе самого сражения, хорошо организованная разведка и, наконец, гибкое управление войсками командирами всех степеней.

Особо надо отметить своевременный, быстрый и широкий маневр артиллерийскими частями. Полагаю, что это имело очень важное, если не решающее, значение. Маневр осуществлялся смело и решительно, используя высокую мобильность артиллерийских частей, особенно противотанковых, и хорошо организованную связь во всех звеньях управления ими.

В поисках наиболее уязвимого места в нашей обороне немецко-фашистское командование неоднократно меняло направления своих массированных танковых ударов, но каждый раз мы своевременно создавали на новом направлении надежный артиллерийский заслон. Как это осуществлялось?

Мы располагали значительными артиллерийскими средствами. Их было достаточно для отражения первых танковых ударов, но мало для создания непреодолимого барьера на всем широком фронте вражеского наступления.

Чтобы надежно удержать занимаемые позиции при многократных атаках стальных вражеских армاد на тех или иных направлениях, требовалось усиливать их артиллерией. В выполнении такой ответственной задачи могло быть два решения: либо использовать артиллерийские части фронтового резерва, либо осуществлять гибкий маневр артиллерийскими частями, уже действующими в боевых порядках войск.

Второе решение было во всех отношениях более сложным, но могло быть выполненным при условии хорошо организованной разведки, обеспечении устойчи-

вой связи и высокой маневренности артиллерийских частей. И все же, несмотря на такую сложность, мы приняли именно это решение. При всех трудностях оно было очень выгодным в оперативном отношении. Поясню эту мысль.

Даже будучи твердо уверенным в успехе оборонительного сражения, нельзя предвидеть все возможные изменения обстановки. Поэтому надо было сохранить части фронтового противотанкового резерва до самого крайнего случая.

Однако в первый же день сражения, когда на оборону 13-й армии обрушился удар огромной силы, мы вынуждены были бросить сюда часть фронтового резерва. Как известно, к началу сражения в противотанковом резерве находились три артиллерийские бригады и два артполка. Это — хороший резерв. Поэтому, бросив 1-ю и 13-ю истребительно-противотанковые артиллерийские бригады в 13-ю армию, фронтовое командование оставило у себя некоторые силы резерва. Но на это мы пошли только один раз, и именно в первый день сражения, когда никоим образом нельзя было допустить глубокого вклинивания вражеских танков в нашу оборону. Во все последующие дни как фронтовое, так и армейское командование осуществляли маневр теми частями, которые уже действовали с войсками. Так что в распоряжении командующего фронтом до последнего дня оставалось в резерве достаточно противотанковых средств. А 10 июля, когда не оставалось никаких сомнений о возможных направлениях ударов вражеских танков, в резерв фронта были выведены еще одна противотанковая истребительная артиллерийская бригада и 563-й противотанковый артиллерийский полк.

Выше я уже говорил, что гитлеровское командование неоднократно меняло направление ударов своих танков, стараясь найти уязвимые участки в нашей обороне. И как знать, какие могли бы быть последствия, не сумей мы

вовремя усилить те или иные участки нашей обороны, гибко используя маневр артиллерийскими частями. И мы тогда по праву гордились отличными действиями артиллерийских полков, бригад и дивизий.

За первые шесть дней боев согласно распоряжению фронтового командования широкий маневр осуществил тридцать один полк, столько же полков — по приказу командующего 13-й армией. Большинство артиллерийских бригад и отдельных полков за это время по два-три раза перебрасывались с одного фланга армии на другой или в центр ее полосы. Когда же возникла серьезная угроза прорыва вражеских танков на левом фланге 13-й армии, ей были переданы из 70-й армии 1-я гвардейская артиллерийская дивизия, 3-я истребительная бригада и 378-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Выполнив поставленную задачу, 1-я артиллерийская дивизия через сутки вновь вернулась в распоряжение командующего 70-й армией.

Часто совершали тактические маневры на поле боя и артиллерийские части, входившие в состав стрелковых корпусов и дивизий, а также части артиллерийского корпуса и артиллерийских дивизий. Многие из них перебрасывались на новые участки ночью, чтобы к рассвету следующего дня успеть развернуться в новых районах. Нельзя забывать и о том, что все эти передвижения, а тем более развертывания частей в боевой порядок в большинстве случаев производились под воздействием вражеской авиации, артиллерийского и нередко пулеметного огня. Нередко артиллерийские полки вынуждены были вступать в бой с вражескими танками прямо с марша. Это был тяжелый ратный труд, к тому же смертельно опасный.

Напряженность боев достигла своего предела 7 и 8 июля, когда вражеское командование стремилось во что бы то ни стало прорвать нашу оборону и бросало в ярост-

Герой Советского Союза Г. И.
Игишев

ные атаки сотни танков на относительно узких участках фронта.

Пожалуй, наиболее важным для противника было направление Фатеж—Курск, прикрывавшееся 3-й истребительной бригадой под командованием полковника В. Н. Рокосуева. На этом ответственном участке других артиллерийских средств не оказалось, и бригада приняла на себя всю силу удара массы вражеских танков. В 8 часов 30 минут танковые части противника, поддержанные авиацией и артиллерией, тремя группами двинулись в атаку на боевые порядки бригады.

Корреспондент газеты «Правды» О. Курганов в те дни писал:

«Может быть, никто из них — людей, занимавших эти оборонительные рубежи, — не представлял себе, что им придется отразить вначале шесть, а потом еще четыре ожесточенные атаки сотен танков, что с утра до вечера их будут бомбить восемьсот вражеских бомбардировщиков, что они в конце концов окажутся на направлении главного удара гитлеровских войск. Только потом, когда уже развернулась битва величайшей силы, они поняли это, но не испугались, не попятись. Они ощутили тяжесть той суровой ответственности, которая легла им на плечи. От крепости их духа теперь зависели исход битвы

и судьба земли, на которой они укрепились и держались».

Особенно тяжелый удар пришелся по 1-й батарее артиллерийского полка бригады. Командир батареи капитан Г. И. Игишев внимательно следил за лавиной танков, надвигавшейся на его изготовившиеся к бою орудия.

— На батарею двигаются 60 танков противника, батарея к бою готова,—доложил Игишев по телефону в штаб полка и, подпустив танки на 700—600 метров, приказал открыть огонь. Орудийные расчеты энергично работали. Через несколько минут на поле боя замерли первые горящие танки врага.

Артиллерия и танки противника открыли по батарее сильный огонь, авиация непрерывно наносила бомбовые удары по ее боевым порядкам. Несмотря на это, личный состав батареи продолжал мужественную борьбу с вражескими танками.

Вскоре в штаб полка поступило донесение: капитан Игишев и старший лейтенант Картузов убиты. В батарее относительно исправно одно орудие. Старший в батарее — старший сержант Г. Т. Склярлов.

— Батарея уничтожила семнадцать танков, продолжая драться,—доложил по телефону Склярлов командиру полка подполковнику Н. В. Железникову.

— Назначаю вас, товарищ Склярлов, командиром батареи. Продолжайте вести бой. Атака врага должна быть отбита! — отдал приказание командир полка.

— Есть, продолжать бой! — ответил Склярлов и поспешил к орудию, ведущему неравный бой с противником.

Через десять минут телефонист доложил в штаб полка, что еще два фашистских тяжелых танка горят на поле боя. Остальные повернули обратно. Прямым попаданием авиабомбы уничтожено последнее орудие батареи, но вражеские машины так и не сумели пройти через ее боевые порядки.

Немецко-фашистское командование никак не хотело отказаться от намерения прорвать нашу оборону на этом участке. В 11 часов 30 минут около 200 танков повторили атаку в том же направлении. На этот раз самая большая их группа атаковала седьмую батарею того же артполка. Ее личный состав во главе с командиром старшим лейтенантом В. П. Герасимовым проявил особую выдержку и самообладание: дав вражеским танкам приблизиться на 400—600 метров, батарея открыла огонь и первыми выстрелами подожгла четыре и подбила один танк.

Не считаясь с потерями, враг продолжал свои атаки: 60 танков ворвались на огневую позицию батареи, 12 из них были уничтожены артиллеристами. Герои погибли вместе со своими пушками: неравными были силы — на каждое орудие приходилось по 15 вражеских танков.

Уничтожив седьмую батарею, фашистские танки столкнулись с шестой, возглавляемой старшим лейтенантом Н. Н. Грипасем. Своим огнем она уничтожила еще 9 машин врага и заставила его второй раз в этот день отойти в исходное положение.

Суровую обстановку этого дня отражает одно из донесений командира 3-й истребительной бригады командиру 2-й истребительной дивизии полковнику Н. Ф. Михайлову: «Противник занял Кашары, Кутырки, Погореловцы, Самодуровку. В направлении Теплое подтягиваются 200 танков, и мотопехота готовится ко второй фронтальной атаке. В направлении Никольское развиваются активные действия. Несмотря на ряд атак, наступление противника было приостановлено на рубеже северной окраины Теплое. 1-я и 7-я батареи мужественно и храбро погибли, но не отступили ни на один шаг, уничтожив 40 танков. В 1-м батальоне противотанковых ружей 70 процентов потерь. 2-ю и 3-ю батареи и 2-й батальон противотанковых ружей приготовил к встрече противника. Связь с ними имею. Буду драться. Или устою, или по-

гибну. Командир 3-й истребительной бригады полковник Рукосуев».

3-я истребительная бригада Рукосуева выстояла.

После второй атаки передышка оказалась очень короткой. Боевые порядки бригады подвергались особенно ожесточенной бомбардировке вражеской авиации. Уже в 12 часов 30 минут около 150 фашистских танков начали новую атаку из района Кашары в направлении Теплое. Положение становилось угрожающим. По направлению движения танков было видно, что они стремятся выйти в тыл шестой батареи. Командир бригады полковник Рукосуев ввел в бой свой последний резерв — оставшиеся три орудия пятой батареи и взвод автоматчиков, поставив им задачу организовать противотанковую оборону в районе высоты 240,0. Это было все, что мог использовать командир бригады в сложившейся обстановке. Как показал дальнейший ход событий — сделал он это своевременно.

Препятствием на пути вражеских танков оказалась и батарея старшего лейтенанта Любарского. Подпустив врага на расстояние 600 метров и ближе, ее орудия открыли внезапный, очень меткий огонь и в первые же минуты подожгли и подбили 8 танков. Остальные, не выдержав неожиданного удара, повернули на Теплое. Во время этого маневра вражеских машин бронебойщики 1-го батальона противотанковых ружей капитана Самохина подбили еще 9 танков.

Неся потери, основная группа танков устремилась в направлении высоты 240,0, но там неожиданно для противника уже успела развернуться и открыть огонь пятая (резервная) батарея. Наткнувшись на новый заслон и потеряв еще 6 танков, противник попятился в направлении Кашары. Так что неудачно закончилась и эта третья массовая атака танков противника на позиции 3-й бригады.

Сосредоточив 100 танков с автоматчиками, враг в четвертый раз атаковал изрядно поредевшие боевые порядки бригады. Атаке противника предшествовала мощная артиллерийская и авиационная подготовка — до 60 вражеских самолетов нанесли несколько бомбовых ударов непосредственно по огненным позициям наших батарей.

На этот раз немецкие танки двигались из района Кашары в направлении высоты 234,0, занятой батареей старшего лейтенанта Клинова и вторым батальоном противотанковых ружей под командованием капитана Фадеичева. Они и приняли на себя основной удар. Первым открыло огонь орудие старшего сержанта Калугина. В коротком, но тяжелом бою оно подбило 5 танков, в том числе одного «тигра».

Батарея Клинова хорошо помогали бронебойщики капитана Фадеичева. Расчеты старшины Карташова, сержантов Зыкина, Егельского и Ефимова уже в первые минуты боя подбили 10 танков.

В бою за высоту 234,0 вторая батарея и расчеты противотанковых ружей уничтожили и подбили 32 танка. Это были весьма ощутимые потери, которые вновь вынудили фашистских оккупантов откатиться в исходное положение. Четвертая атака на боевые порядки 3-й истребительной бригады оказалась последней: потеряв за 8 июля только от огня ее артиллерии более 100 танков, противник не решился продолжать попытки прорваться на этом участке и вновь перенес усилия на ольховатское направление.

Героические действия личного состава 3-й истребительной бригады, оборонявшейся на одном из важнейших участков фронта, сыграли очень большую роль в ходе всего оборонительного сражения.

После первых четырех дней оборонительного сражения Военный совет Центрального фронта обратился

к войскам с воззванием, в котором подвел предварительные итоги боев.

«Воины Красной Армии,—говорилось в воззвании,— Родина поставила перед нами ответственную и почетную задачу — сорвать окончательно новую авантюру Гитлера. Мы должны остановить и перемолоть как можно больше гитлеровских бандитов, подготовить, как это сделали славные сталинградцы, условия для перехода в решающее наступление, когда враг будет обескровлен. Выстоять сейчас — значит победить окончательно.

...Вся страна с восхищением и надеждой следит за нами. В нас хотят видеть верных продолжателей боевых традиций героев Сталинграда».

Это воззвание подхватили сотни пропагандистов и агитаторов. В перерывах между боями они проводили беседы, доводили до артиллеристов ежедневные сводки Совинформбюро, а командиры и политработники посылали родным воинов письма о подвигах фронтовиков.

Итак, 12 июля 1943 года закончилось одно из самых кровопролитных оборонительных сражений Великой Отечественной войны, которое вели армии правого крыла Центрального фронта (оборонительные бои на Воронежском фронте закончились тремя днями позднее). Каковы же его итоги? Пожалуй, наиболее выразительно об общем успехе войск Центрального фронта говорят плачевные результаты летней кампании противника. Напомню, что в замыслы вражеского командования входило окружение и уничтожение войск Центрального и Воронежского фронтов, оборонявшихся на Курской дуге. Так вот, общая площадь, образованная Курским выступом, составляла 23 000 квадратных километров. Примерно половину этой площади занимал Центральный фронт. Преодолеть его оборону гитлеровцы не смогли.

Памятник героям-артиллеристам, павшим 7—12 июля 1943 года в боях с фашистскими захватчиками в районе села Теплое Поныревского района Курской области

Понеся огромные потери в живой силе и боевой технике, противник в полосе Центрального фронта овладел территорией общей площадью в 100 квадратных километров, что составило 1 процент площади, занимаемой войсками Центрального фронта на Курском выступе. И это все, чего смогло добиться гитлеровское командование в своем летнем наступлении в июле 1943 года, которое было предпринято с далеко идущими планами и для осуществления которого было привлечено огромное количество войск и боевой техники.

О том, какую роль в этом сражении сыграла артиллерия, лучше всего скажут цифры.

В итоге оборонительного сражения войска Центрального и Воронежского фронтов, в том числе и артиллерия, выполнили свои задачи. Ударные группировки врага были измотаны и обескровлены. Гитлеровские войска потеряли 70 тысяч убитыми и ранеными, а также 3147 танков и штурмовых орудий, 844 полевых орудия, 1392 самолета. Артиллерия Центрального фронта за период с 5 по 12 июля подбила

и сожгла 812 танков и самоходных орудий, подавила 60 артиллерийских и 56 минометных батарей. Из общих потерь противника в танках 90 процентов уничтожено нашей артиллерией. Зенитная артиллерия за период оборонительного сражения сбила 957 и подбила 109 вражеских самолетов.

Решающим фактором, предопределившим исход сражения, были высокие морально-боевые качества всех наших войск и, в частности, артиллеристов.

Заслуги артиллеристов были высоко оценены Родиной. Двадцати семи офицерам, сержантам и солдатам присвоены высокие звания Героев Советского Союза. 5035 артиллеристов были награждены орденами и медалями. Особенно отличившиеся части награждены орденами и получили звание гвардейских.

Наиболее высоких наград были удостоены соединения, уже знакомые читателю: 3-я истребительная бригада — орденом Ленина с присвоением гвардейского звания; 16-й легкой артиллерийской бригаде присвоили гвардейское звание, и все ее полки также стали гвардейскими, краснознаменными. 13-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада под командованием полковника Н. И. Сазонова была преобразована в 4-ю гвардейскую, а 21-я минометная бригада, которой командовал очень способный и энергичный офицер полковник А. Н. Волчек, — в 35-ю гвардейскую.

Перед войсками, оборонявшимися на Курском выступе, стояла задача — заставить противника втянуть в сражение как можно больше резервов, измотать и обескровить их, а затем перейти в контрнаступление, чтобы окончательно разгромить немецко-фашистские войска, которые были привлечены для осуществления операции

«Цитадель». Эту задачу войска Центрального и других фронтов выполнили с большим мастерством и мужеством. Кстати, замечу, что на Центральном фронте имелись еще в резерве не введенные в бой два танковых и один стрелковый корпус.

План контрнаступления был разработан заранее, и поэтому, как только создалась выгодная ситуация, советские войска начали активные боевые действия под непрерывный грохот канонады, создаваемой тысячами артиллерийских орудий, минометов и «катюш».

В ночь на 12 июля перешли в наступление войска Брянского фронта. Войска же Центрального фронта начали наступательные действия 15 июля. На главном направлении контрнаступления Брянского фронта действовала 11-я гвардейская армия, которой командовал генерал И. Х. Баграмян, ныне Маршал Советского Союза.

Приведу данные о насыщенности 11-й гвардейской армии артиллерией, ибо это представляет очень характерную особенность контрнаступления на курско-орловском направлении.

На участке 11-й гвардейской армии артиллерийскую группировку составляли: 8-й артиллерийский корпус прорыва, 4-я гвардейская пушечная артдивизия, пушечная бригада, две бригады полевой реактивной артиллерии, зенитная артдивизия, 16 отдельных артполков. Всего в ударной группировке действовало 64 полка артиллерии РКК и 6 артиллерийских полков, входивших в состав стрелковых дивизий. Итого в полосе наступления армии было сосредоточено свыше 3 тысяч орудий и минометов и 400 установок «катюш».

Ни в одной наступательной операции Красной Армии еще не создавалось такой мощной армейской группировки артиллерии. Об этом говорят сравнительные данные. Так, в контрнаступлении под Москвой в декабре 1941 года отдельные армии на главных направле-

ниях имели максимум до 1000 орудий и минометов. В контрнаступлении под Сталинградом количество артиллерии в армиях достигло 1600—1800 орудий и минометов. Следовательно, 11-я гвардейская армия имела артиллерии в два раза больше, чем армии под Сталинградом, и в три раза больше, чем в битве под Москвой. Что же касается реактивной артиллерии («катюш»), то ее было в два раза с лишним больше, чем во всех армиях Юго-Западного фронта.

Первые в ходе Великой Отечественной войны плотность артиллерии на направлении главных ударов превысила 200 орудий и минометов на один километр фронта, а на участке прорыва 8-го гвардейского корпуса — 260 орудий и минометов.

В заключение этой главы приведу выдержки из приказа Верховного Главнокомандующего от 5 августа 1943 года:

«Сегодня, 5 августа, войска Брянского фронта при содействии с флангов войск Западного и Центрального фронтов в результате ожесточенных боев овладели городом Орел.

Сегодня же войска Степного и Воронежского фронтов овладели городом Белгород.

...Тем самым разоблачена легенда немцев о том, будто бы советские войска не в состоянии вести летом успешное наступление...

Сегодня, 5 августа, в 24 часа столица нашей Родины — Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий».

Это был первый салют в честь победителей. С тех пор стало традицией отмечать наши победы и праздники артиллерийскими салютами.

И в тот час, когда над Москвой раскатывались торжественные залпы артиллерийских салютов в честь успехов наших войск, на фронтах не прекращала свою активную деятельность артиллерия разных калибров,

сокрушавшая вражеские укрепления, расчищавшая пехоте и танкам путь на запад.

В сентябре 1943 года войска нашего фронта форсировали реку Сож (приток Днепра) южнее Гомеля и вступили на землю Белоруссии.

Из крупных артиллерийских соединений в наступлении советских войск между реками Сож и Днепр и в последующих боях хорошо действовал 4-й артиллерийский корпус прорыва, которым командовал генерал Н. В. Игнатов. Корпус прикрывал своим огнем войска 65-й армии, форсировавшие Днепр севернее Лоева.

В этих боях отличился своим героизмом командир батареи 279-го артиллерийского полка гвардии капитан Петр Чудинов. Родился Чудинов в Сибири, на Алтае. Волевой офицер, коммунист, не знавший страха в борьбе с врагами, он был любимцем батареи и всего полка. Воины верили каждому его слову, знали, что у него высоко развито чувство войскового товарищества, что за каждого своего подчиненного он готов отдать жизнь.

Батарея, сопровождая пехоту, форсировала вместе с ней Днепр и, заняв свое место на плацдарме, окопалась. Враг предпринял контратаку. Чтобы помочь

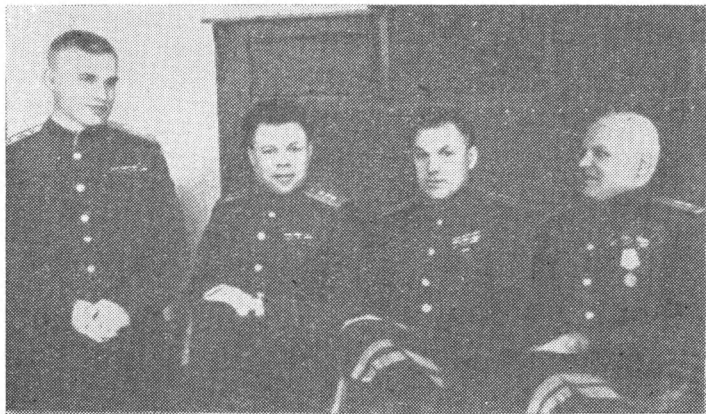
выстоять пехотинцам, Чудинов выдвинул орудия батареи в боевые порядки стрелкового подразделения. С «тиграми» и «пантерами» чудиновская батарея уже имела дело на Курской дуге, и потому артиллеристы смело вступили в бой с танками врага.

На левом фланге одного из стрелковых батальонов фашистам удалось вклиниться в нашу оборону. Там стояло одно орудие батареи, которое захватили вражеские автоматчики. Чудинов никак не мог примириться с этой потерей, тем более, что фашисты начали это орудие разворачивать против наших подразделений. Приказав расчетам продолжать вести огонь по танкам, Чудинов сколотил группу из телефонистов, ящичных и ездовых, вооруженных автоматами, и бросил их против гитлеровцев. Рывок был стремительный и ошеломляющий. Орудие удалось сразу отбить, но в этот момент шальная пуля смертельно ранила Петра Чудинова.

За подвиг, совершенный при форсировании Днепра, и стойкость, проявленную в бою за удержание плацдарма, Петру Алексеевичу Чудинову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

20 октября по решению Ставки Верховного Главнокомандования Центральный фронт был переименован в Белорусский (в феврале 1944 г. он стал 1-м Белорусским фронтом). По-прежнему командовал фронтом пользовавшийся уже всеобщей известностью и горячо любимый всеми воинами Константин Константинович Рокоссовский. Я продолжал командовать артиллерией этого фронта.

10 ноября 1943 года Белорусский фронт начал Гомельско-Речицкую наступательную операцию. Мы старались приковать к этому участку побольше вражеских войск, чтобы дать возможность другим фронтам разви-

Командование войсками 1-го Белорусского фронта. Слева направо: В. И. Казаков, М. С. Малинин, К. К. Рокоссовский, К. Ф. Телегин (Гомельский областной музей)

вать успешные боевые действия. 18 ноября наши войска освободили Речицу, а 26 ноября — Гомель и продолжали развивать наступательные операции по освобождению Белоруссии.

Во всех боях артиллерия активно действовала как при осуществлении огневых налетов с целью подавления противника при взламывании промежуточных рубежей его обороны, так и при сопровождении пехоты и танков во время боев в глубине его обороны и продвижения вперед.

Вскоре рухнули основные позиции так называемого «Восточного вала» врага, на которые он возлагал большие надежды.

Началась деятельная подготовка операции под кодовым названием «Багратион». Она имела целью полное

освобождение Белоруссии от немецко-фашистских оккупантов.

Несмотря на то, что враг понес тяжелые потери, он все еще имел большие силы для сопротивления, особенно в Белоруссии. Она являлась для него очень важной и необходимой территорией. Именно здесь неприятельская группа армии «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Буша прикрывала два направления, ведущих в Восточную Пруссию и Польшу. Это был кратчайший путь в логово врага— в Германию. Захват Белоруссии позволял немецко-фашистскому командованию поддерживать стратегическое взаимодействие групп армий «Север», «Центр» и «Северная Украина».

Недаром здесь противник сосредоточил войска численностью более 1,2 миллиона человек. Наиболее сильные вражеские группировки находились в районе Витебска и Бобруйска, то есть на обеих флангах всей группы войск, расположенных на Белорусской дуге.

Нашему 1-му Белорусскому фронту предстояло провести Бобруйскую операцию. На этом направлении враг создал пять оборонительных рубежей. В главной полосе обороны имелось 5—6 линий траншей, соединенных ходами сообщений. В траншеях были возведены дерево-земляные огневые сооружения и большое количество различных огневых точек на открытых площадках. Перед первой траншеей враг установил три линии проволочных заграждений и минные поля.

Как намечалось осуществить Бобруйскую операцию? На этот вопрос лучше всего отвечает командующий нашим фронтом К. К. Рокоссовский.

«Командование фронта убедилось в том, что на бобруйском направлении необходимо наносить два удара: один — с плацдарма 3-й армии по северному берегу Березины на Бобруйск и второй — по южному берегу Березины в обход Бобруйска с юга. Оба удара были

главными, чему соответствовало и последующее распределение сил фронта.

Такое решение давало возможность использовать максимум сил в первом броске как на одном, так и на другом направлениях, лишало противника маневра войсками с участка на участок...

Это решение нарушало установившиеся правила, по которым в начале операции армия, фронт наносят один главный удар, где и сосредоточивается большая часть сил и средств, а на других участках организуются вспомогательные удары с основной задачей сковать противника. Таким путем предотвращается распыление сил. Но в данном случае мы вынуждены были идти на распыление сил и прежде всего потому, что условия лесисто-болотистой местности не позволяли вложить в удар на одном участке всю огромную силу, которой располагал фронт»¹.

Этот замысел командования фронта Ставка Верховного Главнокомандования утвердила.

Я подробно не говорил о том, из чего складывается подготовка артиллерии к прорыву и преодолению мощной обороны противника. На примере проведения Бобруйской операции постараюсь рассказать об этом.

Подготовка к прорыву складывается из разведки, учета и распределения артиллерийских средств по армиям, исходя из их задач, создания артиллерийских группировок, организации управления, боевой подготовки всего личного состава.

Военный совет фронта утвердил предложенный штабом артиллерии план распределения артиллерии. Армии,

---

¹ К. К. Рокоссовский «Полки идут на запад», Воениздат, 1964, стр. 26.

наносившие удары, получили 60 процентов всех орудий и минометов резерва главного командования (РГК) и 94 процента всей реактивной артиллерии РГК. С учетом войсковой артиллерии здесь сосредоточивалось 60 процентов всей артиллерии фронта.

Как создавались артиллерийские группировки? Например, в 65-й армии командующий артиллерией полковник Г. Гусаров создал стройную систему артиллерийских групп и артиллерийско-противотанковых резервов во всех звеньях от армии до стрелковой дивизии. Для участия в артиллерийской подготовке привлекалась артиллерия из вторых эшелонов. При этом в ней должны были принимать участие не только артиллерийские полки стрелковых дивизий второго эшелона, но и их отдельные истребительно-противотанковые дивизионы и даже батареи 120-мм минометов из стрелковых полков. Этим самым командование артиллерией армии максимально использовало все возможности для наибольшего массирования огня артиллерии в период артиллерийской подготовки.

А в 28-й армии командующий артиллерией генерал-майор артиллерии П. Петропавловский использовал большую часть артиллерии РГК в составе стрелковых корпусов и дивизий. Была создана только одна армейская группа артиллерии дальнего действия в составе двух бригад и артиллерийско-противотанковый резерв в составе одного полка. В стрелковых корпусах создали сильные группы артиллерии разрушения и группы гвардейских минометов.

В стрелковых дивизиях первого эшелона были организованы полковые артгруппы по числу стрелковых полков и артиллерийско-противотанковые резервы.

Создавая мощные артиллерийские группы, мы стремились обеспечить тесное их взаимодействие с поддерживаемыми ими пехотой и танками.

Наряду с артиллерийскими группами полевой артиллерии создавались армейские зенитно-артиллерийские группы, каждая в составе одной зенитно-артиллерийской дивизии РГК и одного армейского полка. Кроме того, в полосе фронта действовал 4-й корпус ПВО страны, который прикрывал тыловые объекты фронта.

Все эти цифры и факты говорят сами о себе: это была мощная сила.

Каждая армия, входившая в состав 1-го Белорусского фронта, получила столько артиллерии, сколько требовалось для решения боевых задач. Так, например, в 65-й армии в полосе ее прорыва было развернуто по 207, в 3-й армии по 209, в 28-й по 225 орудий и минометов на один километр фронта.

Помимо подразделений войсковой артиллерийской разведки, в полосах правого крыла фронта участвовали три разведывательных артиллерийских дивизиона пушечных бригад и один корректировочно-разведывательный авиационный полк.

На направлениях главных ударов развернулись семь отдельных разведывательных артиллерийских дивизионов. Фронту придали два воздухоплавательных дивизиона аэростатов наблюдения.

В результате всей этой кропотливой работы всеми видами разведки было обнаружено около 3 тысяч различных целей, не считая районов сосредоточения живой силы и боевой техники. Подразделения топографической службы произвели привязку к местности более 500 огневых позиций и наблюдательных пунктов артиллерийских частей и соединений. 98-й отдельный корректировочно-разведывательный авиационный полк совершил 236 самолето-вылетов, во время которых проводил аэрофотосъемки, визуальную разведку, корректировку огня артиллерии. Расшифровка аэрофотоснимков дала возможность подготовить точные карты с нанесенными на них

данными воздушной разведки. Карты рассылались в артиллерийские части до командиров батарей включительно. Их использовали для подготовки исходных данных стрельбы по разведанным целям. Карты являлись также большим подспорьем и для штабов при анализе разведывательных данных, полученных от подразделений других видов разведки.

Весьма ценными данными, особенно в условиях лесной местности, снабжала штабы и визуальная воздушная разведка, которая обнаружила около 2 тысяч различных целей.

Все это позволило вскрыть оборону противника достаточно полно. Артиллерия получила необходимые данные для подготовки эффективного огня.

Но чтобы точно поразить все разведанные цели, необходимо было их пристрелять. Причем сделать это надо было так, чтобы противник не разгадал цели пристрелок. Поэтому артиллеристы производили пристрелку за несколько дней до начала операции с таким расчетом, чтобы режим огня ничем не отличался от ее огневой деятельности в предыдущие дни.

Орудийные расчеты готовили огневые позиции. Офицеры изучали поле боя, определяли цели, которые необходимо было уничтожить с началом наступления, увязывали взаимодействие с общевойсковыми и танковыми подразделениями. За два дня до наступления, ночью, вся артиллерия была выведена в исходное положение и заняла огневые позиции.

Артиллерийское наступление в армиях планировалось на основе документов, разработанных штабом артиллерии фронта и утвержденных Военным советом. Одним из этих документов был график артиллерийской подготовки, предусматривавший: 15 минут — огневой налет,

90 минут — разрушение, 20 минут — снова огневой налет.

Здесь особое внимание обращает на себя длительный период разрушения (90 минут). Такое решение было принято потому, что оборона противника, как я показал выше, располагала весьма большим количеством оборонительных сооружений, которые предстояло разрушить, иначе невозможно было развивать успешное наступление.

В ходе подготовки к операции со всем командным составом и штабами подробно отрабатывались все элементы планирования артиллерийского наступления, вопросы организации управления артиллерией в динамике боя, взаимодействия артиллерии с пехотой и танками.

Готовя части и подразделения к предстоящей операции, мы проводили с ними практические занятия на местности. Лозунг — «Воевать уметь и учиться воюя» — превращался в жизнь твердо.

Для управления артиллерией важнейшим элементом является надежная и безотказная связь. Ей уделялось особое внимание во всех звеньях сверху донизу с таким расчетом, чтобы можно было все время получать информацию снизу, доводить ее до всех частей и оперативно осуществлять управление как огнем, так и передвижением вперед и на угрожаемые участки в случае контратак противника. Между собой связывались проводками и по радио все штабы, последние — с наблюдательными пунктами, командиры стрелковых соединений и полков — с артиллерийскими командирами. Благодаря такой связи имелась возможность в ходе развития операции в целом усиливать отдельные соединения артиллерией те направления, которые в этом нуждались в первую очередь.

И усиливали.

Отмечу, что для проведения Бобруйской операции снарядов было запасено вполне достаточно, причем расположили мы их с расчетом быстрой доставки на огневые позиции.

В ночь на 24 июня авиация провела налеты на оборону противника на направлениях главных ударов наших армий. Ночная авиация одиночными самолетами нанесла бомбовые удары по аэродрому противника в городе Бобруйске и по живой силе в отдельных районах в пределах 5—30 километров от переднего края.

Вслед за авиационной этой же ночью началась артиллерийская подготовка: в 3-й и 48-й армиях — в 3 часа 55 минут, а в 65-й и 28-й армиях — в 4 часа 55 минут.

Мощный огонь тысяч орудий и минометов потряс оборону противника, разрушая блиндажи и дзоты, поражая в траншеях живую силу врага, подавляя огневые средства, артиллерийские и минометные батареи. Управление вражескими войсками было нарушено. Это позволило нашей пехоте быстро продвигаться вперед.

В траншеях и опорных пунктах валялось множество трупов вражеских солдат; прямые попадания снарядов в орудийные окопы и большое количество разрывов в непосредственной близости от них вывели из строя много орудий. Пленные фашистские солдаты говорили о губительном огне нашей артиллерии, о больших потерях в подразделениях и частях, о нарушении управления войсками во всех звеньях.

Когда наши пехота и танки дружно двинулись в атаку, артиллерия поддержала их двойным огнем валом. Такая помощь пехоте и танкам дала хорошие результаты: во всех армиях они продвигались быстрее, чем было рассчитано, и поэтому продолжительность ведения огня по основным рубежам несколько сократилась, а по

некоторым промежуточным рубежам огонь не велся совсем. В этом периоде артиллерийского наступления расход боеприпасов оказался почти вдвое меньше предусмотренного планом. В некоторых армиях расход снарядов и мин всех калибров составил немногим более 50 процентов.

В связи с высокими результатами артиллерийской подготовки и активной поддержки атаки к моменту ввода в прорыв танкового корпуса противник не смог оказать сопротивления. Для обеспечения ввода в прорыв танков даже не потребовалось вызывать огонь артиллерии, выделенной для этой цели.

С утра 25 июня наши войска после 45-минутной артиллерийской подготовки возобновили наступление. В полосе 3-й армии с целью завершения прорыва обороны противника был введен в сражение 9-й танковый корпус. Отбивая многочисленные контратаки противника, войска армий завершили к исходу дня прорыв главной полосы обороны на правом берегу реки Друть и продвинулись на глубину до 10 километров.

Особенно упорное сопротивление 48-й армии противник оказал в районе деревни Николаевки, прикрываемой сильным опорным пунктом, организованным на господствующей высоте в бывшем детском доме — большом каменном здании с толстыми стенами и прочными подвалами. Здесь находились орудие, много станковых и ручных пулеметов. Фланкирующим огнем противник сдерживал продвижение наших подразделений. Сломить в этом месте вражеское сопротивление могла только артиллерия. Несколько 152-миллиметровых орудий, стреляя прямой наводкой, разрушили во многих местах стены здания, но пулеметный огонь из подвалов не прекращался. Только после того, как командующий артилле-

рией армии генерал-майор И. И. Тимотиевич сосредоточил здесь сильный огонь, опорный пункт врага пал. Все немцы, которые были в здании, погибли под его развалинами.

Армейская артиллерийская группа дальнего действия с помощью летчиков-наблюдателей провела несколько огневых налетов по дорогам и мостам в районах, удаленных от переднего края на 6—8 километров. Колонны автомашин и боевой техники противника, двигавшиеся на Бобруйск, понесли большие потери. На дорогах и мостах образовывались «пробки». Бросая боевую технику, автомашины и разное военное имущество, противник в панике отступал на северо-запад.

Войска 65-й армии при непрерывной поддержке артиллерии продвинулись в северном и северо-западном направлениях на 20—25 километров и очистили от противника более 40 населенных пунктов. Непрерывную поддержку наступающим войскам 65-й армии оказывали части 4-го артиллерийского корпуса прорыва, перемещавшиеся за наступающей пехотой.

В течение двухдневных боев на участках главных ударов всех четырех армий правого крыла фронта вражеская оборона была прорвана. Противник, понеся большие потери, начал поспешное отступление, преследуемый нашими войсками.

В ознаменование прорыва вражеской обороны на Бобруйском направлении столица нашей Родины—Москва салютовала войскам 1-го Белорусского фронта двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий.

На третий день операции наступление развивалось еще более успешно: 9-й танковый корпус начал охватывать Бобруйск с севера, а 1-й гвардейский танковый корпус вышел к юго-западной окраине Бобруйска.

В этих боях особенно отличилась самоходная батарея под командованием старшего лейтенанта Ф. Сычева. Сопровождая танки, она уничтожила до 200 солдат и офицеров, 5 артиллерийских батарей, 20 автомашин, 30 огневых точек, 5 наблюдательных пунктов. Экипаж самоходного орудия под командой младшего сержанта Л. Тверетинова уничтожил 117 солдат и офицеров противника, 3 дзота, 5 ручных пулеметов, два бронепаровоза.

Действия артиллерии в прошедшие дни отличались большим разнообразием решаемых ею огневых задач. Артиллерия сопровождения непрерывно и активно поддерживала пехоту и танки огнем прямой наводкой, перемещаясь непосредственно в ее боевых порядках. Артиллерия, действовавшая с закрытых позиций, как правило, перемещала свои боевые порядки за продвигающимися вперед войсками и оказывала им серьезную помощь сосредоточенным и массированным огнем. Весьма многообразные задачи выполняла в ходе боя и истребительно-противотанковая артиллерия.

Наряду с непосредственной поддержкой наступающих пехоты и танков артиллерия обеспечивала форсирование водных преград.

С утра 27 июня массированным огнем 4-го артиллерийского корпуса и штатной артиллерии 3-го гвардейского стрелкового корпуса было обеспечено успешное форсирование реки Птичь, что позволило захватить важный узел сопротивления противника на правом ее берегу — город Глусск.

27 июня наши войска продолжали успешное преследование разбитых вражеских частей. К исходу дня они полностью окружили бобруйскую группировку противника — пять пехотных и одну танковую дивизии — и с утра следующего дня начали успешные бои по ее уничтожению.

Для быстрейшего решения этой задачи 356-я стрелковая дивизия, находившаяся в резерве, совершив 70-километровый марш, к 12 часам 28 июня развернулась северо-западнее Бобруйска, полностью замкнув кольцо окружения. Противник во второй половине дня четыре раза предпринимал контратаки группами численностью до 400 человек, но каждый раз, неся большие потери, вынужден был отходить. Командующий артиллерией дивизии полковник Зенченко выдвинул в боевые порядки пехоты 57 орудий всех калибров для стрельбы прямой наводкой. Это сыграло большую роль как в отражении контратак, так и в последующих уличных боях за овладение городом.

В ночь на 29 июня противник предпринял попытку вывести из Бобруйска окруженный гарнизон. Он сумел проинвестировать на одну из наших частей огневой налет и провести контратаку: около 600 фашистов прорвались на огневые позиции нашей артиллерии. Были выведены из строя расчеты двух орудий. Их место заняли офицеры и продолжали вести уничтожающий огонь. Раненный дважды техник-лейтенант Капустин не отходил от своего орудия. Артиллеристы помогли отбить контратаку врага, уничтожив до 400 гитлеровцев.

Другую нашу батарею упорно контратаковала поддерживаемая самоходными орудиями «фердинанд» пехота врага с бронетранспортеров. И эта контратака была успешно отражена под руководством старшего лейтенанта Полякова. При этом враг потерял одно самоходное орудие, два бронетранспортера, восемь автомашин и до 80 солдат и офицеров.

Противник не раз предпринимал отчаянные попытки вырваться из окружения: за день боя наша артиллерия участвовала в отражении 20 его контратак. К исходу 29 июня наши войска полностью овладели городом и железнодорожной станцией Бобруйск.

В тот же день, когда войска 1-го Белорусского фронта заканчивали разгром окруженной под Бобруйском вражеской группировки, командующему фронтом Константину Константиновичу Рокоссовскому было присвоено звание Маршала Советского Союза.

С какой самоотверженностью дрались в эти дни наши воины, покажу на таком примере.

В числе подразделений, оборонявших освобожденный город Осиповичи, находилось несколько батарей 297-го гвардейского зенитного полка. В течение 29 — 30 июня противник мелкими группами здесь атаковал наши позиции. Но особенно острая схватка произошла в районе аэродрома, где находилась 4-я батарея зенитного арtpолка. Ее атаковал вражеский батальон, приблизившись на 20—30 метров.

В эти критические минуты телефонист ефрейтор Михаил Абросимов, поняв, что орудия могут оказаться в руках врага, призвал своих товарищей контратаковать противника. Все, кто был вооружен автоматами и гранатами, последовали примеру Абросимова.

Натиска советских артиллеристов противник не выдержал. Абросимов в рукопашной схватке, подобно сказочному русскому богатырю, налево и направо бил и колот фашистов. Получив смертельное ранение, он упал, а вокруг него лежало 17 убитых им врагов; артиллерийские орудия в исправности остались на своих местах.

Подвиг Михаила Романовича Абросимова высоко оценила Родина: 22 августа 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Завершив Бобруйскую операцию, войска нашего фронта преследовали врага на барановическом и минском направлениях. Конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева, выдвинувшаяся вперед, завязала

бои за город Слуцк. В ходе этих боев действовавшая с ней 1-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада под командованием гв. полковника И. М. Вахрамеева отбила несколько контратак врага и поддержала передовые части группы в уличных боях в Слуцке. Смелым маневром и быстрым разворачиванием подразделения 1318-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка захватили мост через реку Случь и удерживали его до подхода основных сил.

30 июня Слуцк был освобожден от оккупантов.

Как я уже отмечал, артиллерия, сопровождавшая наступавшие подразделения, всегда была готова к отражению контратак пехоты и танков противника. Одну из таких контратак мужественно отразил огневой взвод, которым командовал лейтенант Николай Павлович Лещенко. Взвод этот входил в одну из батарей 1318-го истребительного противотанкового полка, действовавшего в составе конно-механизированной группы генерал-лейтенанта И. А. Плиева. При освобождении города Слуцка солдаты взвода, сопровождая кавалеристов, метко уничтожали пулеметы и минометы врага. Стараясь не отставать от наступающих частей, взвод в составе двух пушек двигался очень быстро. И вдруг на окраине Несвижа их обстрелял фашистский танк, и один тягач загорелся.

Приказав расчету второго орудия открыть огонь, Лещенко с замковым Зимовцом бросились спасать товарищей, находившихся в горящем тягаче. Когда часть раненых была вынесена, ранило Зимовца. Пришлось и его тащить в укрытие. На тягаче второго орудия Лещенко эвакуировал в тыл всех раненых.

Николай Лещенко понес потери, у него осталось одно орудие без тягача и шесть артиллеристов, а пока есть люди, орудие и снаряды, надо вести борьбу с врагом, выполнять боевую задачу.

Поблизости других подразделений не оказалось. Но фронтовики-артиллеристы не терялись даже в самой сложной, порой и трагической обстановке. В данной ситуации не растерялся и молодой офицер Лещенко: он выбрал и оборудовал со своими бойцами на небольшой высоте огневую позицию, с которой можно было хорошо просматривать местность и удобно вести огонь. Рядом отрыли окопы, чтобы на случай обстрела можно было укрыться от пуль и осколков и вести огонь из автоматов. Лещенко успел наметить ориентиры и определить до них расстояние. Когда из города Несвижа вышла группа фашистских танков и двинулась в направлении огневой позиции его орудия, он готов был к встрече с ними.

Лейтенант приказал подчиненным применять гранаты только тогда, когда танки врага приблизятся метров на 25—30, огонь из автомата вести по пехоте только прицельный. Рядового Гришаева поставил к орудию заряжающим, а сам стал за наводчика. Остальные номера расчета во главе со старшим сержантом Вовчком, вооруженные автоматами и гранатами, разместились в окопах.

Внимательно следил Лещенко за приближающимся головным танком, стараясь точнее определить расстояние. Вот уже 200... 150 метров. Можно стрелять. Гришаев досылает в ствол снаряд. Гремит выстрел. Но снаряд, попав в танк, рикошетом скользнул по броне. Из вражеской машины застрочил пулемет. Второй снаряд, выпущенный Лещенко, угодил в уязвимое место, и танк загорелся. Офицер навел орудие на второй танк, сделал два выстрела... Горит! А другие, ведя огонь из орудий и пулеметов, все же идут вперед.

В щит дробно стучат пули и осколки. Рядом рвутся снаряды. Артиллеристы под командой старшего сержанта Вовчека ведут бой с немецкой пехотой.

Лейтенант подбивает третий вражеский танк.

— Ну что ж, ползите ближе, гады! — сердито кричит Лещенко и продолжает посылать снаряды по бронированным целям: уже горит четвертая машина. Пятую Лещенко остановил, когда она подошла к огневой позиции на 35 метров... и тогда три уцелевших вражеских танка отошли в исходное положение.

Тяжелый бой одного советского орудия против восьми танков врага закончился победой. За этот беспримерный подвиг лейтенанту Николаю Павловичу Лещенко Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза. Боевые награды получили также старший сержант Вовчек и все остальные участники этого тяжелого боя.

В течение семидневных боев — с 24 по 30 июня 1944 года — войска правого крыла нашего фронта прорвали вражескую оборону на 200-километровом фронте, окружили и разгромили в районе Бобруйска основные силы его 9-й армии и, продвинувшись на 100—125 километров, создали благоприятные условия для разбития наступления на Минск и Барановичи.

Продолжая преследовать оккупантов, наши войска перерезали дорогу Минск — Барановичи. За сутки до освобождения Минска они блокировали железные дороги, ведущие на северо-запад и юго-запад. 3 июля столица Белоруссии была полностью освобождена от врага.

Завершив Бобруйскую операцию, войска правого крыла 1-го Белорусского фронта продолжали успешно развивать наступление в западном и юго-западном направлениях. В это же время началась деятельная подготовка к Люблинско-Брестской операции на левом крыле фронта. Она потребовала к себе особого внимания, ведь нашему фронту предстояло силами правого крыла и

центра продолжать преследовать противника, а войскам левого перейти в наступление и, двигаясь в обход Брестского укрепленного района с севера и юга, разгромить врага и выйти на широком фронте к реке Висла.

Люблинско-Брестская операция была проведена с 18 июля по 29 августа 1944 года. Она, как и предыдущие, началась артиллерийской подготовкой наступления.

18 июля вся сосредоточенная на участке прорыва артиллерия в течение 30 минут провела интенсивную обработку обороны противника. Удар был очень сильный, и в течение первого же дня наши войска прорвали главную полосу обороны врага на всю ее глубину. Им удалось с ходу форсировать реку Выжувка, захватить небольшие плацдармы на ее берегу и вклиниться во вторую полосу обороны. На эти плацдармы вышли и артиллерийские подразделения стрелковых дивизий. Ночью плацдармы были расширены, что позволило преодолеть реку на более широком фронте.

Наступление в последующие дни развивалось еще более успешно. Скоро наши войска преодолели вторую полосу вражеской обороны и к исходу третьего дня наступления вышли к реке Западный Буг.

С утра 21 июля после короткого, но мощного огневого налета артиллерии по траншеям и узлам сопротивления противника войска с ходу форсировали реку, захватили и значительно расширили плацдармы, а на некоторых участках продвинулись до 12 километров.

Артиллерийское обеспечение форсирования и дальнейшего наступления пехоты осуществлялось преимущественно огнем орудий, выделенных для стрельбы прямой наводкой, расположенных на восточном берегу реки и на плацдармах. Части артиллерии усиления, вооруженные орудиями крупных калибров, поддерживали действия войск массированным огнем по узлам сопротивления и опорным пунктам в глубине вражеской обороны.

С захватом плацдармов артиллерия начала переправляться через Западный Буг по исправным мостам, отбитым у противника, а также на подручных средствах, понтонах и вброд.

Переправившиеся через реку артиллерийские части немедленно занимали боевые порядки и своим огнем содействовали успешному продвижению пехоты. Все усиливавшийся огонь артиллерии и активные действия нашей авиации по вражеским коммуникациям и тылам не дали противнику возможности привести свои потрепанные части в порядок, организовать управление войсками и оказать значительное сопротивление нашим частям.

Противник продолжал отходить как перед войсками левого, так и правого крыла фронта. Боясь попасть в окружение, он начал поспешный отход. С этого времени преследование противника осуществлялось по трем направлениям: брестскому, седлецкому и люблинскому.

24 июля над городом Люблино взвился алый стяг нашей Родины.

Завершив форсирование реки Западный Буг, соединения левого крыла перерезали шоссе и железную дорогу Брест — Бяла — Подляска и соединились с войсками правого крыла фронта.

Взламывая оборону противника, медленно, но упорно наши полки и дивизии подвигались вперед. К исходу дня они овладели тремя высотами и населенными пунктами Вычулки и Крушина, отбросив фашистов на третью позицию, основу которой составляли внешние форты крепости Брест.

Войска, наступающие в обход Бреста с севера и юга, также значительно продвинулись вперед. Но враг продолжал упорно сопротивляться, нередко переходя в контратаки. Наиболее сильную контратаку фашисты предприняли из района высоты 145,1, за которую развернулись особенно упорные бои.

Исключительный героизм проявил здесь комсорг седьмой батареи 31-го гвардейского артиллерийского полка наводчик И. П. Гуров. Его тяжело ранило, но он не ушел с поля боя, заменив вышедшего из строя командира орудия. Под его руководством расчет успешно отразил все контратаки врага, уничтожил несколько танков, бронетранспортеров и истребил много живой силы. За мужество и отвагу, проявленные в боях под Брестом, ефрейтору Ивану Петровичу Гурову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Трое суток продолжались ожесточенные бои по прорыву третьей позиции врага. Наши войска несли потери. В этих боях геройски проявили себя воины 31-го арtpолка: большая часть их пушек находилась в боевых порядках пехоты, вела огонь прямой наводкой.

Младший сержант В. А. Макаров обнаружил расположение двух пулеметов, дзота, 75-миллиметрового орудия и двух минометов. Артиллеристы уничтожили эти цели. Радиотелеграфист второго дивизиона младший сержант В. Ф. Куликов с радиостанцией находился в 200 метрах от врага, направляя огонь батареи по важным целям. Гитлеровцы обстреляли его. Осколком снаряда разбило микрофон. Быстро заменив его, Куликов продолжал вести корректирование огня батареи.

Смело и решительно действовали штурмовые группы. Используя огонь артиллерии и минометов, они просачивались через боевые порядки врага, блокировали доты и дзоты, а затем подрывали их.

Вечером 27 июля несколько наших подразделений полностью овладели высотой 145,1. Третья позиция противника на этом участке была прорвана. Как только появились признаки того, что враг оставляет Брест, подразделения немедленно перешли в преследование,

сбили заслоны, оставленные на четвертой позиции, и с ходу ворвались в Брест.

Разрозненные группы немцев, прикрывавшие отход своих войск, оказали слабое сопротивление. Стремительно настигая их, наши части очистили от оккупантов южную половину города и крепость и вышли на реку Буг. Благодаря смелым и решительным действиям наших войск удалось предотвратить взрывы многих зданий и сооружений города, а также железнодорожного моста через Буг.

28 июля старинный русский город и крепость Брест были полностью освобождены, а к исходу 29 июля окруженную в районе Бреста группировку противника полностью разбили.

Все это время артиллеристы участвовали в отражении неоднократных контратак врага, которые он предпринимал непрерывно, стараясь сдержать наш натиск. Но его контратаки успеха не имели. Наши войска форсировали Вислу в нескольких местах и захватили важные плацдармы в районах Пулавы и Магнушева. С выходом на Вислу и захватом плацдармов на ее западном берегу закончилась Люблинско-Брестская операция, завершилось освобождение Белоруссии. Боевые действия были перенесены на территорию Польши.

После войны, выезжая по служебным делам в разные города нашей страны, я встречался с офицерами, воевавшими вместе со мной на том или ином фронте. Так, в Бресте я встретился с майором запаса Иваном Сидоровичем Рябоконом, который принимал участие в освобождении этого города, будучи командиром дивизиона 119-го гвардейского арtpолка 50-й гвардейской стрелковой дивизии. Мы разговорились, и он мне показал свой дневник.

С разрешения И. С. Рябоконя привожу некоторые записи из его дневника, освещающие бои за Брест. Полагаю, что это будет хорошей иллюстрацией к тому, о чем я рассказал выше.

«...9—11 июля 1944 года. Противник столь поспешно отступал, что мы временами теряли его из виду. Выслав вперед разведку, части дивизии продолжали продвижение вдоль железной дороги на Брест. В местечке Бытень артдивизионы начали переправляться вброд через реку Шара.

12—13 июля. Всю ночь совершали марш через леса и болота. Изрядно намучились, перетаскивая тягачи и орудия через реку Гривда. К утру были уже в Коссово. Впереди слышалась стрельба. Это наши головные части уничтожали редкие заслоны противника. Дивизия колоннами преодолевала большой лесной массив Гута-Михалин и Ружанскую пушу. Моему дивизиону поставили задачу—оседлать шоссейную дорогу Ружаны — Пружаны, установить орудия на прямую наводку, не допустить прорыва противника со стороны Ружан. Достигнув указанного рубежа, занимаем круговую оборону.

Солнце пекло нещадно. Духота. Много дней не спавшие люди валяются с ног. Только по два человека бодрствуют у орудий да разведчики наблюдают за дорогой.

15 июля. Снимаемся с огневых позиций и движемся на соединение с пехотой, которая продвинулась вперед.

16 июля. Продолжаются упорные бои за Пружаны. В 14 часов батальон вражеской пехоты, поддержанный двумя самоходками, контратаковал 150-й полк. Тотчас открыли огонь наши артдивизионы. Потеряв до сорока человек убитыми, противник отступил.

17 июля. Продолжаются упорные бои в районе Пружан. Наши части перерезали шоссе Пружаны — Видомля.

Командир батареи гвардии лейтенант Березин поставил орудия на прямую наводку, замаскировал их. Через некоторое время на дороге показалась колонна автомашин с мотопехотой врага. Подпустив гитлеровцев на близкое расстояние, артиллеристы открыли огонь по передней и задней машинам. От первого же залпа автомобили запылали. Фашисты в панике заметались, разбежались по кустам. Колонна разгромлена.

19 июля наш 148-й полк контратаковали 25 танков и самоходных орудий и до двух батальонов пехоты при сильной огневой поддержке артиллерии. Враг, не считаясь с потерями, бездумно лезет на нас. Какая сила гонит его? Но наши пехотинцы и артиллеристы стоят как могучий монолит. Они уничтожили 8 танков, до 350 гитлеровцев. Здесь отличились воины истребительно-противотанкового дивизиона. Взвод гвардии лейтенанта Григорьева проявил исключительное мужество и стойкость. Когда вышли из строя пушки, горстка бойцов-артиллеристов во главе с лейтенантом продолжала отражать вражескую атаку личным оружием. 25 гитлеровцев нашли могилу у огневых позиций взвода.

21 июля. Противник за ночь перегруппировал свои силы, подтянул подкрепления и с утра снова перешел в контратаку. Из деревни Тополи показались цепи фашистской пехоты, за ними до 50 танков и самоходных установок. Немецкие батареи открыли огонь по нашим боевым порядкам. В небе появились самолеты противника. Наши просят огневой поддержки. Заработали орудия дивизиона. Они не умолкают ни на минуту. Раскалились стволы, краска на них почернела, надулась пылью.

Артиллеристы истребительно-противотанкового дивизиона гвардии майора Волкова на руках выкатили пушки навстречу наступающим танкам врага. Вот на окраину деревни Чемеры, где находится батарея Павлова, дви-

жется 11 танков. Расчеты не успели еще и сошники подкапывать, как командир батареи подал команду:

— По танкам, бронбойным!

Пушки извергли из стволов языки пламени. Снаряд угодил в танк. Он завертелся волчком. Два других застыли на месте, их окутал дым.

Из глубины обороны фашисты открыли артиллерийско-минометный огонь. Выбывают из строя орудийные номера. Тяжело смотреть, как гибнут твои боевые товарищи. А между тем батарея продолжает громить цепи наступающей пехоты. Свыше ста трупов оставили гитлеровцы на поле боя.

Батарею лейтенанта Горгопы атаковали несколько танков и автоматчиков. Орудия открыли огонь: два танка подбиты. Фашисты неожиданно выкатили из-за бугра пушку и прямой наводкой ударили по батарее. Мы не растерялись. На удар ответили ударом и победили. Дорого стоила врагу эта вылазка — до 80 трупов осталось на подступах к батарее.

На расчет орудия старшего сержанта Шевелева двигались три танка. Первым же выстрелом один из них был подожжен. Второй скрылся за дымовой завесой. Наводчик Пикунов тотчас послал два снаряда и подбил его. Третий танк, отстреливаясь, отошел назад и скрылся в ложине.

Горят дома в Подречанах и Чемерах. Свалилась набок ветряная мельница. Зеленые поля стали черными, а по ним все шли в контратаку пехота и бронированные машины противника. Получив отпор, гитлеровцы откатываются назад, оставляют горящие танки и трупы...»

Передал мне несколько страничек своих воспоминаний и подполковник запаса Александр Павлович Кавицкий. Он тоже воевал за освобождение Бреста и теперь живет в этом городе. Кавицкий был заместителем командира 31-го гвардейского арtpолка, 12-й гвардейской

Пинской стрелковой дивизии. Вот его документальные свидетельства.

«...Район, где мы расположились, казалось, никак не подходил для наступления: болота с замшелыми кустарниками и лес. Даже воздух пахнет сыростью. Солдаты и офицеры знают, что Пинские болота непроходимы для людей, а для артиллерии тем более.

— Как же мы будем пробираться по таким топам без дорог? — спрашивали артиллеристы офицеров.

— В истории не было такого, — говорили местные старожилы, — чтобы по этим местам проходили войска.

Но командование все же решило нанести по врагу удар в том месте, где он его не ожидает. А потому всем трудностям наперекор, отбрасывая все представления о возможностях человеческих усилий, надо было преодолеть Пинские болота.

Началась активная подготовка. Особая забота у артиллеристов была о переправочных средствах. Все, что можно было иметь из подручных материалов, мы заготовили и затем хорошо использовали. В результате активных и дружных боевых действий стрелковые подразделения овладели плацдармом и опорными пунктами на левом берегу Припяти. Мы шли ночью и днём, в условиях полного бездорожья. Прокладка колонных путей происходила в невероятно трудных условиях, так как подразделения были совершенно лишены возможности маневрировать.

Все, кто был хоть немного свободен, участвовали в дорожных работах. За время пути было израсходовано сотни тонн подручных материалов. Это — невероятно тяжёлый, изнурительный путь. Героями перехода были все воины, показавшие неслыханную выносливость и неиссякаемую трудоспособность.

14 июля Пинск был освобожден. Путь на запад, к Бресту, открыт. 20 июля наши войска, нанося удары с севера,

востока и юго-востока, овладели городом Кобринном. На пути к Бресту наши части встретились с глубоко эшелонированной, хорошо оборудованной в инженерном отношении обороной противника. Все дороги были заминированы.

В ночь на 25 июля я находился на огневых позициях третьего дивизиона. Наш полк поддерживал бой 37-го стрелкового полка. В это время на левом фланге его, западнее населенного пункта Ямно, разгорелся сильный бой. Враг угрожал выходом в тыл полка. К утру 25 июля оккупанты оказались перед огневой позицией 7-й гаубичной батареи. И тут наши артиллеристы показали отменное воинское мастерство и стойкость.

Большую отвагу проявил в боях за Брест расчет орудия командира Ярового, отразивший четыре контратаки противника. Распорядительность, организованность и волю проявили гвардии полковник А. Д. Авралов, офицеры Чистяков, Попов, Гайдель, Улащик, Грязнов, Трубов, Целуев, Суслин, Безруков, Яковлев, Гненный, Михайлов и многие другие.

27 июля к вечеру начался решительный штурм последней, главной, полосы обороны противника на подступах к Бресту. Мы уже видели город. Пожары и взрывы в нем вызывали новый прилив ненависти к фашистам и неудержимое стремление быстрее освободить этот город на рубеже советской земли. К 24.00 наши гвардейские полки ворвались в него. Здесь еще продолжали сопротивляться разрозненные, но озверелые группы противника. Но 28 июля город был полностью очищен от фашистских оккупантов».

Осуществив Люблинско-Брестскую операцию, войска 1-го Белорусского фронта завершили изгнание немецко-фашистских оккупантов из юго-западных областей Белоруссии, а также с территории Польши к востоку от рек Нарев и Висла.

Еще не завершилась Белорусская стратегическая операция, а в наших штабах уже готовился план нового удара по врагу. В историю он вошел как Висла-Одерская операция, проводившаяся силами 1-го Белорус-

ского и 1-го Украинского фронтов. Теперь 1-м Белорусским фронтом командовал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. К. К. Рокоссовский был назначен командующим войсками 2-го Белорусского фронта.

Как уже отчасти говорилось выше, в результате Белорусской операции войска нашего фронта достигли реки Вислы и заняли магнушевский и пулавский плацдармы. А войска 1-го Украинского фронта — сандомирский плацдарм. Вот с них-то и началось наступление, преследовавшее цель разгромить врага в Польше, освободить ее столицу Варшаву, перенести боевые действия на территорию фашистской Германии.

Советские армии стояли, нацелившись прямо на Германию. Противник сильно укрепил районы между Вислой и Одером. Между обеими реками он построил семь оборонительных полос глубиной в 500 километров.

1-му Белорусскому фронту предстояло рассеять 9-ю армию врага с магнушевского плацдарма ударом в направлении Познани, а с пулавского плацдарма развивать наступление в направлении Радом, Лодзь. Войска

правого крыла фронта, в которые входила и 1-я армия Войска Польского, должны были разгромить варшавскую группировку врага и освободить Варшаву.

О размахе и широте этой операции можно судить хотя бы по тому, что на нашем фронте на магнушевском плацдарме было сосредоточено 6500 орудий и минометов, а на пулавском — 4520. Это позволило создать плотность артиллерии до 150 стволов на километр фронта. А на участках прорыва плотность составляла до 300 стволов. На обоих плацдармах было сосредоточено много зенитной артиллерии, прикрывавшей действия наших войск от авиации противника.

14 января 1945 года в 8.30 над Вислой мощные артиллерийские раскаты потрясли воздух. Это начались боевые действия 1-го Белорусского фронта. Двумя днями раньше под «артиллерийскую музыку» повели наступление войска 1-го Украинского фронта.

Погода была скверная. Над позициями стелился густой туман. Действовать авиация не могла, и вся тяжесть по обеспечению прорыва легла на артиллерию. С пулавского и магнушевского плацдармов артиллерия фронта произвела огневой налет колоссальной мощности, который длился 25 минут и точно поразил оборону противника на глубину 6—8 километров, проложив путь вперед пехоте и танкам. Артиллерийский удар был настолько сильным и точным, что уже через час наши передовые усиленные батальоны овладели первыми двумя линиями траншей, а местами вклинились в третью.

Когда отдельные вражеские батареи пытались открыть огонь, их тотчас подавляли. Так, например, в районе Зайончкув стояла вражеская 105-миллиметровая четырехорудийная батарея. Только она открыла огонь по нашим наступающим батальонам, как ее тотчас захватили. Взвод звуковой разведки 810-го отдельного разве-

дивизии артиллерийского дивизиона. Данные были немедленно переданы артдивизиону 152-миллиметровых орудий 24-го артполка. В течение нескольких минут он выпустил по вражеской батарее около 200 снарядов, и она прекратила свое существование.

Такая точность артиллерийского огня и его великолепная эффективность были достигнуты в результате четкой и точной подготовки данных для стрельбы.

О том, какое моральное воздействие на врага произвела артиллерийская подготовка и какой достигнут был результат вследствие губительного и всеразрушающего огня нашей артиллерии, рассказали пленные немецко-фашистские солдаты, офицеры и генералы.

Так, например, один из взятых в плен командиров корпусов противника заявил, что 14 января русские применили замечательный тактический прием: проводилась мощнейшая артиллерийская подготовка на всем фронте наступления, но в этой линии огня были как бы оставлены коридоры, по которым русская пехота в ходе артиллерийской подготовки прорвалась к позициям и штурмом взяла их.

По мнению многих пленных, одной из основных причин быстрого преодоления их обороны и выхода советских войск на оперативный простор явилась исключительная мощь артиллерийской подготовки русских, которая была потрясающей, колоссальной.

Этот успех артиллеристов уже к середине дня позволил нашим войскам переправить через реку Вислу на плацдармы большие массы танков, пехоты, которые продолжали наращивать темп наступления.

Не удержавшись на Висле, фашисты в середине дня 14 января попытались остановить наши войска на рубеже реки Пилица. На этом направлении действовали войска 5-й ударной армии, в составе которой находилась 60-я гвардейская дивизия. Здесь совершил свой второй

подвиг лейтенант Афанасий Шилин — бесстрашный, опытный артиллерийский разведчик.

Расскажу о первом его подвиге, за который ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Тогда 60-я гвардейская дивизия не входила в наш фронт, действовала на Юго-Западном фронте. Осенью 1943 года наши войска подошли к Днепру. Левый берег реки был уже очищен от оккупантов. Начались бои по освобождению Правобережной Украины. Командир взвода управления лейтенант Шилин приложил много изобретательности, чтобы на своем участке полнее и точнее разведать систему огня противника, засечь больше вражеских целей, которые предстояло уничтожить во время артиллерийской подготовки.

Еще до участия его в форсировании Днепра Афанасий Шилин был награжден орденом Отечественной войны за то, что в течение восьми суток отлично вел наблюдение за расположением противника. Он установил место расположения вражеского склада с горючим. Цистерны были очень хорошо замаскированы, и только большой мастер-разведчик мог по малозаметным признакам установить, где они находятся. Как только Шилин обнаружил их и доложил свое мнение командиру полка, начался артогонь. Над рекой взвилось черно-красное облако, вслед за ним огромное пламя: склад с горючим был уничтожен.

В ночь перед наступлением лейтенант Шилин получил приказ в составе передового батальона пехоты перебраться на противоположный берег Днепра и оттуда корректировать огонь нашей артиллерии. Шилин уже разведка цели в расположении врага за Днепром. Он точно знал, что делается на том берегу. Противник вел, как всегда, контрольный обстрел, то и дело посылая в небо над рекой осветительные ракеты.

Разведчик сел в лодку вместе с радистом сержантом

Якубовым и другими солдатами. Что их ждало на берегу, занятом врагом?

Риск был велик, но приказ командира — приказ Родины. Да и кому же, как не ему, Шилину, опытному артиллерийскому разведчику, знавшему все на память, можно было поручить эту ответственную задачу корректировщика огня артиллерии? Офицер понимал, какую высокую ответственность возложил на него командир, он готов был сделать все, чтобы выполнить свой воинский долг во что бы то ни стало.

Враг обнаружил лодку с разведчиками. Ракеты все чаще взвивались в черное небо и освещали зеркальную гладь реки. В нескольких метрах от берега взрывом мины лодку опрокинуло, и разведчики вместе с рацией оказались в воде.

Лейтенант Шилин поплыл. В сапоги набралась вода. Но молодой офицер умел хорошо плавать и вместе с Якубовым добрался до берега. А здесь уже вел бой с врагом переправившийся батальон нашей пехоты. Рядом где-то раздавались автоматные очереди, рвались мины и снаряды. Шилин и Якубов шли к цели, будто они здесь уже были не раз.

Вот и первая траншея, а там за поворотом — немецкий дзот. Навстречу им выбежали два гитлеровских солдата. Якубов вскинул автомат и срезал их. Здесь неда-

Дважды Герой Советского
Союза А. П. Шилин

леко было то место, где артиллерийские разведчики должны встретиться с командиром батальона и вместе с ним организовать командный пункт. Вот и комбат капитан Колесников.

— Развертывайся и давай огня побыстрей,— сказал он Шилину. Но когда сержант Якубов раскрыл радиостанцию, она не могла работать некоторые детали ее оказались разбитыми. Решение напрашивалось лишь одно: вернуться на тот берег реки и взять другую радиостанцию.

Что пережил в эти минуты офицер Шилин, он, наверное, и сейчас не мог бы рассказать. Забыв о том, что вокруг кружит смерть, думал об одном: батальон Колесникова истекает кровью, отбиваясь от фашистов в жарком и неравном бою, а он ничем помочь ему как раз не может.

Ничем!

Совершенно ничем!

Сколько потребовалось времени, чтобы с новой рацией вернуться на правый берег, сказать трудно. По всей вероятности, это был своеобразный рекорд скорости. Но факт остается фактом: Афанасий Шилин прибыл с ней на командный пункт батальона именно в ту самую минуту, когда только огонь артиллерии мог остановить наседавшего врага, превосходящего во много раз силы нашего батальона. Шилин включил рацию и доложил командиру артполка майору Лангеру, что он находится на командном пункте батальона и готов начать действовать. По координатам, переданным Шилиным по радио на огневые позиции полка, артиллеристы точно били по целям, и фашисты несли большие потери.

Шилин находился именно там, где он был наиболее необходим. Артиллерийский огонь, направляемый молодым офицером, срывал все намерения гитлеровцев. Они усиленно контратаковали, но под огнем артиллерии не-

однократно откатывались назад. С новой силой и еще ожесточеннее бросались фашистские солдаты на позиции нашего батальона, занявшего плацдарм. Но безуспешно.

Во время одной из очередных контратак фашисты совсем близко подобрались к наблюдательному пункту Шилина. Разве хочется умирать? Особенно, когда тебе 19 лет. И все же лучше умереть от своего огня, чем от пули врага. И тогда-то Афанасий Шилин вызвал огонь на участок № 10.

В полку знали, что на этом участке находятся Шилин и его группа. Переспросили. Шилин подтвердил и добавил: «Скорей. Огонь на меня!» Можно представить себе, как, припав к земле, он слышал гром разрывов снарядов; словно живая, стонала вокруг земля, над головой зловеще свистели осколки.

После боя Шилина нашли засыпанным обломками блиндажа, песком и камнями. Очнулся он лишь на госпитальной койке. Как истинный герой советской земли, он до конца выполнил в этом бою свой долг. Наши части удержали плацдарм на правом берегу Днепра. Враг не смог пройти через завесу огня советской артиллерии, который так искусно и точно корректировал Афанасий Шилин.

Это был боевой подвиг комсомольца Афанасия Петровича Шилина. 22 февраля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

После излечения в госпитале старший лейтенант Шилин теперь уже на освобожденной польской земле по-прежнему командовал артиллерийским разведывательным подразделением. Он шел вместе с передовым отрядом и, находясь непосредственно в боевых порядках пехоты, быстро вызывал огонь артиллерии по вражеским целям, мешавшим продвижению наших частей. Этот отряд встретился с опорным узлом противника. Здесь

находилось несколько вражеских дзотов, самоходных орудий и танков, стоявших в окопах.

Афанасий Шилин передал координаты целей командиру артиллерийского дивизиона. Орудия открыли огонь и подавили сопротивление немцев. Однако когда наша пехота двинулась снова в атаку, оказалось, что некоторые огневые точки врага еще не были уничтожены. Шилин засек два дзота, передал данные, и артиллеристы тут же подавили и эти цели. А когда фашисты поднялись в контратаку с фланга, Шилин передал новые координаты. В это время вышли из строя и рация и телефон. Управлять артогнем он уже не мог, и тогда, чтобы отразить фланговую атаку врага, он поднял в контратаку близлежащих солдат. В этом ближнем бою советские воины показали все величие своего наступательного порыва. Враг не выдержал и отошел в сторону своих дзотов.

Шилин получил ранение и упал, потеряв сознание. А когда очнулся, увидел, что фашисты ушли за линию своих дзотов, но один из них остался и открыл по нашим наступавшим подразделениям пулеметный огонь.

У таких замечательных воинов, как Шилин, всегда очень высоко развиты и чувство долга, и чувство войскового товарищества. Не мог он равнодушно смотреть, как из дзота враг поливал свинцом наши залегшие цепи. Потерявший много крови и очень ослабевший Шилин нашел в себе силы, пополз вперед и бросил гранату в амбразуру дзота. Теряя сознание, он услышал дружное русское «Ура».

Солдаты, неся Шилина на руках, бережно доставили его в ближайший пункт медицинской помощи. Там ему сделали перевязку и отправили в госпиталь. Здесь он узнал, что 24 марта 1945 года Президиум Верховного Совета СССР наградил его второй медалью «Золотая Звезда».

Таких богатырей суровая борьба с врагом рождала

тысячи. В этом ярко проявилось величие духа нашего народа, его воинов.

Забегая вперед, скажу, что после войны Афанасий Петрович Шилин, сын крестьянина из саратовской деревни, успешно закончил две военные академии и по сей день служит в рядах Советской Армии.

Вернемся к событиям, развернувшимся в январе сорок пятого года между Вислой и Одером.

К концу второго дня наступления фронт прорыва обороны врага расширился до 120 километров, а глубина его с магнушевского плацдарма равнялась 30, с пулавского — 50 километрам.

16 января в бой вступила 1-я армия Войска Польского. Используя общий успех наступления, она нанесла мощный удар из района юго-восточнее Варшавы. 17 января главные силы подвижных войск фронта вышли в район Сухачева, отрезав противнику путь отхода из района Варшавы на запад и юго-запад. В это время 1-я армия Войска Польского подошла передовыми частями к Варшаве. К исходу дня столица Польши была освобождена.

В ходе всех этих боев советским войскам приходилось отражать вражеские контратаки, сбивать заслоны, которые противник оставлял, чтобы задержать наше наступление и дать возможность главным силам отойти на новый рубеж и там закрепиться. Мы же, чтобы вести наступление в быстром темпе, вводили в бой свежие силы из вторых эшелонов.

Так в полосе наступления 61-й армии, где противник оказывал особо упорное сопротивление, была введена в бой из второго эшелона 397-я стрелковая дивизия. Впереди двигался 447-й полк этой дивизии, имея в своем составе штатную артиллерию, которая все время находилась в боевых порядках пехоты. Одним из орудий

Герой Советского Союза старшина П. Н. Буйневич (1945 г.)

командовал П. Н. Буйневич. Это был опытный артиллерист, побывавший во многих боях. Он подбил и сжег уже восемь танков врага.

Блестяще проявил он себя в разведке. Однажды, когда артиллеристы занимали ночью огневые позиции, враг освещал местность ракетами. Особенно надоедал один фашистский ракетчик: он непрерывно освещал местность ракетами белого света. Тогда сержант Буйневич попросил разрешения захватить вражеского сигнальщика в плен. Ему разрешили. Буйневич взял с собой несколько бой-

цов. Скрытно подобрался он к переднему краю обороны врага, выследили фашиста, по-пластунски подползли к нему. Гитлеровец отчаянно сопротивлялся, кусал Буйневичу руки. Но все-таки его живым доставили в штаб.

За этот подвиг сержанта наградили орденом Славы III степени, а за геройские действия в боях по освобождению Гомеля и Прибалтики он был удостоен орденов Отечественной войны I и II степени и Красной Звезды.

В боях за освобождение Польши командир орудия сержант Буйневич снова показал свое высокое боевое мастерство, незнание страха в борьбе с врагом. Когда фашисты бросились в контратаку и наша пехота не смогла

сразу отбить ее, на помощь пришла артиллерия. Орудие сержанта Буйневича, находившееся ближе других к противнику, открыло огонь осколочными снарядами. Но немцы все ближе подходили к окопам наших пехотинцев. И тогда артиллеристы пустили в ход «карманную артиллерию» — гранаты. Фашисты вынуждены были отходить, и тут-то их снова накрыл огонь орудия Буйневича. После боя выяснилось, что орудие Буйневича уничтожило 45 фашистов, разбило несколько пулеметов. За этот бой Павлу Николаевичу Буйневичу 27 февраля 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Наше наступление развивалось довольно успешно, несмотря на то, что противник подтягивал все новые и новые резервы и контратаковал неоднократно. Огнем артиллерии с открытых позиций прямой наводкой, а также отсечным огнем все контратаки врага отражались с большими для него потерями. В ряде случаев артиллерия сокрушала сопротивление противника в течение нескольких минут.

Например, встретили мы на своем пути полустанок Грабув. Фашисты оказывали здесь яростное сопротивление. Командующий артиллерией 5-й ударной армии генерал-майор артиллерии П. И. Косенко приказал сосредоточить по нему огонь трех артиллерийских бригад: 180 орудий в течение пяти минут выпустили по вражескому узлу сопротивления 1150 снарядов. Когда наши части подошли к полустанку, там стоял подбитый бронепоезд, были разрушены все укрепления.

Чтобы не дать противнику занять оборонительный рубеж по реке Варта, войска 1-го Белорусского фронта развивали стремительное наступление на широком фронте, преследовали врага, «сидя» у него на плечах. С 18 по 22 января войска нашего фронта продвинулись

на 220—240 километров. Освободив крупный промышленный город Польши — Лодзь, они преодолели реку Варта и передовыми частями завязали бои на подступах к мощным узлам сопротивления противника Быдгощ и Познань. Темп продвижения войск 1-го Белорусского фронта в этот период был весьма высоким. Артиллеристам приходилось на некоторых участках вступать в кратковременные бои, порой решая задачи самостоятельно, без стрелковых подразделений.

Вот какой поучительный эпизод произошел во время перехода 20-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады из района Томашув в Лодзь.

21 января, совершая марш, командир бригады выслал вперед разведку на трех автомашинах. Когда разведка подошла к лесу юго-западнее Вольбуж, она встретила большую группу противника и вынуждена была завязать бой. Головной полк бригады к этому времени достиг южной окраины Вольбужа, и разведка сообщила туда о встрече с противником. Начальник штаба полка майор Астапенко распорядился развернуть две батареи 76-миллиметровых пушек, которые сразу же открыли огонь по противнику. Скоро к месту боя прибыл командир бригады полковник А. Копелев и, ознакомившись со сложившейся обстановкой, приказал развернуть к бою остальные батареи бригады, находившиеся в 400—500 метрах от противника.

Когда батареи выходили на позиции, на опушке леса уже появились вражеские самоходные орудия. Наши артиллеристы открыли огонь по ним. Бой принимал затяжной характер. Чтобы создать превосходство над противником, полковник Копелев приказал из другого полка выдвинуть одну батарею 100-миллиметровых пушек на прямую наводку, а остальные батареи этого полка развернуть в 1,5 — 2 километрах от противника с тем, чтобы прикрыть действия соседних артподразделений.

Члены Военного совета 1-го Белорусского фронта знакомятся с планом города Берлина. Справа налево: генерал-лейтенант К. Ф. Телегин, командующий фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, командующий артиллерией фронта генерал-полковник В. И. Казаков. На втором плане командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-лейтенант Г. Н. Орел (апрель 1945 года)

Бой длился почти три часа. Он был тяжелым и ожесточенным, поскольку вражеские автоматчики делали неоднократные попытки пробраться на наши огневые

позиции. Все их попытки, однако, не дали успеха. Враг понес большие потери.

Бой этот закончился победой нашей артиллерии: огнем двух полков бригады было уничтожено 40 автомашин, четыре бронетранспортера, одно самоходное орудие и свыше 300 солдат и офицеров противника. Бригада понесла весьма незначительные потери.

Войска нашего фронта упорно и настойчиво продвигались к границе Германии. 23 января 1945 года они освободили город Быдгощ (Бромберг), а 25 января начали бои по взятию мощного узла сопротивления и крепости Шнейдемюль. К этому времени было завершено окружение города Познань и крепости «Цитадель», в которых находился 62-тысячный вражеский гарнизон. К исходу 26 января войска фронта преодолели 4-й познаньский оборонительный рубеж, и наши танковые армии уже находились в 70 километрах от реки Одер. 12-тысячный гарнизон города Шнейдемюля был также окружен нашими войсками.

Артиллерии и в этот период предстояло осуществить много боевых дел.

Особенно ожесточенные бои развернулись при ликвидации познаньского гарнизона. Фашисты пытались использовать город и мощную крепость «Цитадель», чтобы сковать действия наших войск, задержать их наступление на берлинском направлении.

Характерной особенностью артиллерийского обеспечения штурма познаньского гарнизона, засевшего в городе и крепости, являлась артиллерийская подготовка, в которой не производилось предварительного разрушения фортов крепости. Артиллерия открыла огонь в тот момент, когда наша пехота поднялась в атаку. Трех-пятиминутными огневыми налетами она подавляла живую

силу и огневые средства на фортах до тех пор, пока пехота не прошла в промежутки между ними и не блокировала их со всех сторон.

Само собой разумеется, что такие действия артиллерии, стрелявшей с закрытых огневых позиций, требовали от личного состава особо высокого мастерства в подготовке данных для стрельбы и корректирования огня во время самой стрельбы.

Таким образом, активно поддержанные артиллерией штурмовые группы, а затем и главные силы «прогрызли» оборону врага, прорвались между фортами и завязали бои на улицах Познани. Были оставлены силы и для ликвидации фортов — по одному батальону, каждый из которых усиливался батареей 76-миллиметровых орудий.

Огонь артиллерии с закрытых позиций по фортам продолжался до момента перехода пехоты в атаку с тыла. В это время по форту с тыла вели огонь орудия, выставленные на прямую наводку. Под их прикрытием пехота атаковала форт, уничтожая гарнизон. Подобная артиллерийская поддержка захвата блокированных фортов обеспечивала успешное продвижение стрелковых подразделений. Ведь, находясь все время под воздействием сильного артиллерийского огня, гарнизон форта не мог оказать сильное сопротивление.

Во время уличных боев в Познани артиллеристы хорошо обеспечивали действия штурмовых групп, состоявших из стрелкового батальона, усиленного одной или двумя батареями — в зависимости от задачи, которую он выполнял. По мере приближения к центру города штурмовые группы составлялись из 20—30 автоматчиков, но зато им давали на усиление одну или две 122-миллиметровые гаубицы, столько же 152-миллиметровых орудий, потому что 76-миллиметровые орудия не всегда могли быстро разрушать стены зданий, за которыми находилась фашистская пехота. Для «выкуривания» фа-

шистов из зданий применялись одиночные реактивные снаряды, которые выпускались прямо из укупорки. Делалось это так: один или несколько таких снарядов устанавливались в окнах или проломах зданий, находившихся против объекта, который надо было разрушить. Правда, таких снарядов выпустили всего лишь 38, но зато с их помощью удалось изгнать фашистов из 11 зданий.

Это были длительные, упорные и изнурительные бои, где приходилось каждое здание брать с боем. День за днем, медленно и упорно наши войска очищали дом за домом. Обычно день начинался с короткой артиллерийской подготовки — не более 15 минут. Стреляла вся артиллерия. С закрытых позиций огонь велся по глубине обороны врага, а затем начинались действия штурмовых групп, которые поддерживали орудия, стрелявшие прямой наводкой.

Лишь 17 февраля город Познань был полностью очищен от врага. Однако в крепости «Цитадель», которая была обнесена рвом, огромным валом и стеной, он еще сидел и довольно прочно.

То, как тяжело пришлось ликвидировать противника в крепости, можно подтвердить таким вот боевым эпизодом, разыгравшимся в бою за укрепление № 2.

Двадцатого февраля 1945 года штурмовые группы 74-й гвардейской дивизии, прикрываемые метким огнем артиллерии, овладели участком крепостного вала между укреплениями № 1 и № 2. В то же время через пролом, который образовался в крепостной стене от артиллерийского огня, одно наше подразделение ворвалось внутрь укрепления № 2. Но ему пришлось туго, поскольку противник вел очень сильный и меткий огонь. Продвинуться дальше без помощи артиллерии наша пехота не могла. Тогда командиру 86-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона майору Репину приказали быстро

перебросить на поддержку пехоте орудия. Мужественные и сильные артиллеристы быстро перекатали по штурмовому мостику одно 76-миллиметровое и одно 45-миллиметровое орудие. Оставалось преодолеть лишь расстояние между мостом и крепостной стеной. Но сделать это оказалось невозможным из-за сильного огня противника. Тут на помощь пришла солдатская смекалка и инициатива: артиллеристы закрепили один конец каната за станину 45-миллиметровой пушки и, ухватившись за второй конец каната, поползли под огнем к стене. Укрывшись за ней, они начали тащить пушку, а когда подтянули ее к стене, открыли огонь по огневым точкам, расположенным внутри крепости. Теперь уже стало возможным выкатить 76-миллиметровое орудие через пролом внутрь двора и открыть огонь по входу в укрепление № 2. Правда, расчет понес потери. Был ранен и майор Репин, но остался у орудия за наводчика. Шесть метких выстрелов сделал Репин по входу в укрепление и по амбразуре.

В составе штурмовой группы находился огнеметчик Сербаладзе. Воспользовавшись результатом стрельбы майора Репина, он подполз к входу в укрепление и из ранцевого огнемета пустил одну за другой две огненные струи. Начался пожар и произошел взрыв боеприпасов: укрепление № 2 было ликвидировано.

Раненый Репин продолжал оставаться в строю и руководить боевыми действиями своих подчиненных. По его приказанию в образовавшуюся брешь было переброшено еще несколько орудий, которые интенсивным огнем прикрыли действия пехоты, успешно доколачивавшей противника внутри крепости.

Такие же действия артиллерии проводились и в последующие дни. 23 февраля — в День Красной Армии и Военно-Морского Флота — под натиском наших войск крепость Познань пала.

«Берлинское направление», «На Берлин», «Берлинская операция» — эти слова и понятия уже прочно вошли в нашу повседневную речь и, главное, в наше сознание.

Еще под Сталинградом, когда войска Донского фронта уничтожали окруженную фашистскую группировку генерал-фельдмаршала фон Паулюса, можно было слышать:

- Когда дойдем до Берлина?
- Вот в Берлин бы!
- В Берлине будет не то, дадим им покрепче!

О том, что война непременно закончится в Берлине, можно было слышать в битвах на Курской дуге, в Белоруссии, в Польше. Советские люди твердо верили, что наша армия дойдет до фашистского логова. И все же это пока оставалось мечтой, страстным желанием, правда, имевшим уже прочное материальное и моральное основание.

А здесь, на Одере, у Кюстрина, мы уже считали, что мечта становится реальностью. На всех дорожных указателях, изготовленных самими немцами, были четко написаны названия населенных пунктов и расстояние от них до Берлина. И эти указатели, как ни парадоксально, звали нас вперед, подстегивали. Увидев надпись: «До Берлина — 60 км» или «До Берлина — 48 км», наши солдаты, кто со злостью, а кто с ядовитым юморком, бросали на ходу довольно меткие слова. Запомнилась такая фраза, ска-

занная одним артиллеристом: «Они не скажут: «позади Берлин, отступить некуда!» Перед нашим натиском им не устоять».

Чем ближе подходили наши войска к Одру, тем ожесточеннее становилось сопротивление врага: он бросал в контратаки танки, самоходную артиллерию, пехоту. Этому отчаянному сопротивлению обреченных надо было противопоставить воинское мастерство.

Вот такими замечательными качествами и обладал наводчик орудия Иван Макеев. Батарея, в которой он служил, все время сопровождала пехоту, находясь в ее боевых порядках. Поэтому артиллеристам приходилось вести огонь только прямой наводкой, вступая в бой с ходу, разворачивая орудия порой даже в неудобных местах. И во всех этих боях Иван Макеев вел бои с полным напряжением сил.

Макеев пришел на военную службу в сорок третьем году, когда ему было 18 лет. В сорок четвертом его перевели из пехоты в артиллерию. Он попал в хорошие руки: командир орудия младший сержант Монахов обучил его вначале исполнять обязанности заряжающего, а затем наводчика.

— В бою пригодится, надо всегда быть готовым заменить и наводчика, а то и командира орудия,— улыбаясь говорил Монахов молодому заряжающему.

— Понял, товарищ младший сержант, буду стараться,— отвечал Макеев командиру.

Уважительно относился он к командиру и нередко даже завидовал его знаниям и способности всегда верно подходить к подчиненным. И строгая уставная требовательность Монахова, его ревнивое отношение к порядку, дисциплине вкладывались в рамки добрых человеческих отношений между командиром и подчиненным. Безого-

ворочно, пытливо и инициативно выполнял Макеев советы и приказания Монахова. Командир и подчиненный легко понимали друг друга.

В скором времени Макеев в одинаковой степени хорошо выполнял обязанности заряжающего и наводчика.

До 14 января 1945 года Макееву приходилось лишь эпизодически участвовать в редких боях местного значения, а когда развернулись бои 1-го Белорусского фронта по осуществлению Висла-Одерской операции, боевые способности Ивана Макеева раскрылись в полной мере. Однажды, когда после мощной артиллерийской подготовки наши части двинулись в наступление, орудие сержанта Монахова отразило четыре атаки врага. Рядовой Макеев в этом бою отличился вместе со всем расчетом, который уничтожил вражескую пушку, два станковых пулемета и несколько фашистов. На груди Ивана Макеева засияла первая награда — медаль «За отвагу»

С каждым новым боем росло артиллерийское мастерство рядового Макеева. Как-то ночью на пути стрелкового батальона, который поддерживала батарея, встретилось большое скопление вражеских войск. Обезумевшие фашисты, пытаясь спастись, лезли в контратаки по трупам своих солдат, не считаясь с потерями. Одной группе фашистов удалось вырваться из общей массы и приблизиться к нашей батарее. Первым развернулось орудие младшего сержанта Монахова. Но в это время был ранен наводчик, и его тут же заменил Иван Макеев. Вот когда пригодились знания, которые он приобрел у бывалых воинов и своего командира орудия. Метким выстрелом Макеев уничтожил пулемет врага. Спустя некоторое время он ударил двумя снарядами по неприятельской гаубице, разбив ее вместе с упряжкой.

С пехотой батарея шла вперед, на запад, к логову фашистского зверя. В одном из населенных пунктов снова пришлось отражать контратаку пехоты, поддер-

жанную танками. Иван Макеев уже прочно занял место наводчика.

Замаскировав орудие в ограде дома, расчет младшего сержанта Монахова внимательно следил за приближением противника. Когда из-за дома появились два самоходных орудия, расчет тотчас же изготовился к стрельбе. Вместе с другими орудиями удалось отбить первую контратаку, но враг предпринял вторую, еще более сильную контратаку, и опять захлебнулся в собственной крови. Третья его контратака тоже не удалась. Враг засек месторасположение орудия Монахова, по которому и открыл огонь из самоходных орудий. Убило младшего сержанта Монахова и заряжающего рядового Грицика. Ранеными оказались артиллеристы Ивлев и Атабаев. У орудия остался один наводчик Иван Макеев. Макеев не раз слышал от Монахова, что пока стоит у орудия хоть один советский воин, оно живет, действует, наносит врагу урон. У него пока есть исправное орудие и вполне достаточно снарядов!

— Огонь, Макеев! Стой, Иван, насмерть,—командует сам себе наводчик, посылая во врага один снаряд за другим и каждый раз приговаривая:

— Это за Монахова!

— Это за Грицика!

— Это за Ивлева!

— А это за Атабаева!

После каждого метко посланного снаряда Макеевым фашисты не досчитывали в своих рядах десятков солдат.

И вдруг — опасность. Самоходное орудие врага подошло к огневой позиции Макеева метров на сто пятьдесят. Началась дуэль, из которой советский артиллерист вышел победителем: он упредил врага, сделав точный выстрел. Самоходное орудие замолкло. Вторая самоходка сделала выстрел и разбила пушку Макеева. У на-

водчика в руках остался один автомат с двумя дисками. Экономя патроны, ведя только прицельные очереди, Макеев отбивался от наседавших на него немецко-фашистских пехотинцев.

Но вот все стихло: фашисты выдохлись, перестали контратаковать. К Ивану Макееву подошел командир стрелковой роты и сказал:

— Пехота говорит тебе спасибо, артиллерист!

Некоторое время спустя Ивану Макееву вручили вторую награду — орден Славы III степени...

Что можно сказать о таких людях?

Слава всегда сопутствует героям!

31 января наши войска вышли к реке Одер, севернее Кюстрина. Им удалось при активной поддержке артиллерии быстро форсировать реку по льду. К исходу 3 февраля они окончательно очистили правый берег Одера в полосе наступления фронта. Севернее и южнее Кюстрина наши войска захватили на левом берегу Одера плацдармы и закрепились на них.

2 февраля враг предпринял несколько контратак крупными силами пехоты, танков и самоходных орудий в районе города Кенитц. Самая сильная и наиболее ожесточенная из них была первой, когда пехота и танки фашистов шли при поддержке артиллерии и авиации. Наибольшая тяжесть в этом бою легла на первую и третью батареи 507-го истребительного противотанкового артиллерийского полка, которые стойко и мужественно отражали атаки. Когда положение стало очень критическим, командир полка бросил во фланг продвигающимся на Кенитц танкам противника пятую батарею. Потеряв пять танков, враг вынужден был отступить в западном направлении. А с пехотой противника расправился второй дивизион 489-го артиллерийско-минометного полка. К этому времени к Одеру была подтянута еще артиллерия и уже к исходу 2 февраля только на плацдарме в

районе Кенитц находилось 184 орудия и миномета. Это позволило нам закрепить плацдарм и начать бои за его расширение.

Выйдя на Одер и захватив на его левом берегу важные плацдармы, войска нашего фронта завершили одну из наиболее глубоких фронтовых операций, какие были проведены в ходе Великой Отечественной войны. Советские войска находились на территории Германии, нацелив острие своих грядущих ударов на Берлин.

Войска 2-го и правого крыла 1-го Белорусского фронтов в ходе Восточно-Померанской операции разгромили крупную группировку врага, очистили от него побережье Балтийского моря к востоку от Штеттина, обеспечив тем самым фланг главной группировки войск, действовавших на берлинском направлении.

В это время шли напряженные бои войск 1-го Белорусского фронта по ликвидации предместных укреплений врага на восточном берегу реки Одер, по расширению и укреплению плацдармов на западном берегу в районе Кюстрина — города, именовавшегося «воротами Берлина».

К середине апреля 1945 года советские войска овладели Восточной Пруссией, Восточной Померанией, Силезией, освободили Венгрию, вступили в Австрию, заняли выгодное положение для нанесения завершающих ударов по Германии.

Несмотря на такие значительные боевые успехи на фронте, советским войскам все же предстояло приложить огромные усилия, чтобы заставить врага безоговорочно капитулировать.

Обычно оборону противника рассматривают с точки зрения того, какую она имеет глубину, сколько войск там действует, каковы укрепления, количество и сила

оружия и боевой техники. Берлин же был не только городом, приспособленным под сильную оборону. Он был столицей фашистского рейха. Падение Берлина означало конец фашистского владычества. С этим надо было считаться, определяя характер обороны врага, который был обречен на разгром, но сопротивлялся отчаянно.

Поэтому для нанесения завершающего удара советское командование сосредоточило на берлинском направлении большие силы в составе трех фронтов. Перед ними стояла вражеская армия в миллион человек, имеющая более 10 тысяч орудий, 1500 танков и самоходных орудий, 3300 самолетов. Все это размещалось на укрепленной местности, изобиловавшей реками и речушками, каналами, озерами, высотами, крупными лесными участками, множеством населенных пунктов, заводов, фольварков с кирпичными строениями, приспособленными под оборону. Особенно сильны были укрепления на западных берегах рек Одер и Нейсе. Этот оборонительный рубеж состоял из трех полос общей глубиной 30—40 километров.

Перед Кюстринским плацдармом на участке канала Одер — Шпрее имелись где две, а где и три линии сплошных траншей. Все без исключения населенные пункты были приспособлены к обороне.

Вторая полоса проходила по Зееловским высотам. Высоты и сам город Зеелов представляли собою самый мощный узел сопротивления на восточных подступах к Берлину. Здесь проходил высокий берег старого русла Одера, возвышающийся над долиной реки на 40 метров. Высота же берега в районе Зеелов — 50 метров. С Зееловских высот противник мог просматривать местность на всю глубину расположения наших войск и корректировать свой огонь.

Численность вражеских войск и характер его обороны на Берлинском направлении не оставляли сомнений в том,

что преодолеть расстояние от Одера до Берлина можно было только ценой огромных усилий и больших жертв.

Перед нашим фронтом, считая вторые эшелоны и резервы, противник держал до 30 пехотных, танковых и моторизованных дивизий и сильную группировку артиллерии, плотность которой на главном направлении превышала 60 орудий и минометов на один километр фронта. Такая насыщенность артиллерией у противника редко встречалась даже в наступлении. Но орудия — это военная техника, без людей она мертва: ею пользуются люди и от их морального духа, морально-психологического состояния зависят и правильное использование техники, и успех в сражении на войне. Это положение общеизвестно. Вот почему важно было знать моральное состояние немецко-фашистских солдат и причины их такого упорного сопротивления в тот период. Чтобы охарактеризовать настроение вражеских солдат, приведу известное мне лично показание одного пленного немца:

— Положение наших солдат, — сказал он, — просто безвыходное: побежишь — расстреляют свои же заградительные отряды из эсэсовцев; если попытаешься перейти к русским, тоже могут убить. А если удастся благополучно перебежать, семью расстреляют. Остается одно — сидеть в окопе, отстреливаться, пока не убьют.

Эти показания солдата подтверждались приказом фашистского командования, в котором, в частности, говорилось: «...всякий отступающий будет расстрелян на месте, будь то солдат, офицер или генерал».

И надо сказать, что такая бессмысленная по своей сути драконовская «дисциплина» в известной мере держала в повиновении немецких солдат, они упорно оборонялись.

Сильную вражескую оборону надо было преодолеть, прежде чем дойти до Берлина. Да и сам город оборо-

нялся сильно: из каждого дома стреляли, каждая улица стала крепостью.

Как же действовала наша артиллерия?

Ей и в этой операции пришлось сказать новое слово как при подготовке прорыва ряда оборонительных полос, так и в уличных боях.

Боевым действиям артиллерии предшествовала самая тщательная разведка. На каждом километре фронта размещалось несколько десятков наблюдательных пунктов. В полосе 1-го Белорусского фронта протяжением в 175 километров было развернуто около 7 тысяч наблюдательных пунктов артиллерийских частей и подразделений.

16 отдельных разведывательных дивизионов, 2 отдельных корректировочно-разведывательных авиаполка, 2 воздухоплавательных дивизиона аэростатов наблюдения — все эти силы также были направлены на добыwanie разведывательных данных для артиллерии. Самолеты-корректировщики произвели 248 вылетов, выявляя и фотографируя цели. Было обнаружено свыше 1,5 тысячи целей, в том числе 185 артиллерийских и минометных батарей.

Чтобы сокрушить такую оборону врага, нужны были мощные средства, способные не только прорвать вражеские укрепления, но и обеспечить нанесение ударов такой силы, которые позволили бы вести наступление высокими темпами и с наименьшими потерями. Таким образом, артиллеристам предстояло наиболее целесообразно распределить получаемые средства между армиями, спланировать артиллерийское наступление и организовать гибкое управление всей массой артиллерии.

По решению командующего фронтом Маршала Советского Союза Г. К. Жукова требовалось усилить артиллерией в первую очередь армии, действовавшие на главном направлении. Когда наши расчеты были утвер-

Перед штурмом Берлина. Артиллерийскому полку передают орудие, приобретенное на личные средства колхозницей Сядам Ниязовой (Ашхабадская область).

Третий справа: командующий артиллерией 47-й армии генерал-лейтенант Г. В. Годин

ждены Военным советом фронта, началась переброска артиллерийских средств в армии, наносившие решающий удар. Это была большая и очень трудоемкая работа: предстояло перебросить 90 артиллерийских и минометных полков, имевших 2 тысячи орудий, минометов и боевых установок «катюш» и более 10 тысяч автомашин и тракторов. Длина каждого из маршрутов равнялась 200, а некоторых — даже 270—280 километров. Нужна была исключительная четкость и полная согласованность со штабами других родов войск, тоже производивших перегруппировку сил.

Начиная с 15 марта из резерва Ставки Верховного Главнокомандования начали прибывать по железной дороге 40 артиллерийских и минометных полков, в которых насчитывалось более 700 орудий и минометов, 500 боевых установок полевой реактивной артиллерии и около 4 тысяч автомашин и тракторов. Их надо было принять и переправить к месту боевых действий.

Если учесть, что подготовка операции проводилась в строжайшей тайне и что при сосредоточении войск следовало соблюдать тщательную маскировку, то можно понять, какую работу пришлось проделать войскам.

Как и на протяжении всей Великой Отечественной войны, так и в данный период в войсках проводилась огромная партийно-политическая и идейно-воспитательная работа в каждой воинской части, каждом подразделении. Всюду чувствовалась мудрая организующая и направляющая роль нашей ленинской партии.

Именно партийно-политический состав, партийный и комсомольский актив, как и во всей нашей армии, в артиллерийских частях и подразделениях составляли цементирующую силу, вели за собой огромные массы воинов-артиллеристов на беспримерные подвиги.

Артиллеристам нашего фронта было предъявлено большое требование, особенно в отношении точности огня. Это требование вызвано было тем, что артиллерийскую подготовку атаки предстояло провести в ночное время, и тем, что на некоторых участках фронта наша пехота занимала исходное положение для атаки в 100—150 метрах от переднего края вражеской обороны. При малейшей неточности наша артиллерия могла поразить свою же пехоту.

Поэтому в ходе подготовки артиллерии к операции проводилась пристрелка вражеских целей, которые были

выявлены разведкой. Пристрелка проводилась одним орудием от полка с однородными дивизионами и двумя орудиями от полка, имевшего на вооружении дивизионы разных калибров. Днем производилась пристрелка целей противника, а ночью велась в ближайшем тылу на специальных полигонах. Таким образом, данные, полученные днем, проверялись стрельбой орудий тех же калибров и в те же часы, когда должна была начаться действительная артподготовка. Результаты пристрелок помогли разработать таблицу стрельб с поправками, которую штаб артиллерии фронта размножил и разослал во все части для руководства. Вместе с тем было спланировано взаимодействие артиллерии с другими родами войск.

К началу операции наш фронт располагал сильной группировкой артиллерии, в ее состав входило около 20 тысяч орудий и минометов всех калибров, в том числе около 1500 боевых установок и рам полевой реактивной артиллерии («андрюши»).

Плотность нашей артиллерии на участках прорыва обороны противника в это время достигала 300 орудий и минометов на один километр фронта, а на отдельных узких участках еще больше. Один залп, произведенный из сосредоточенных здесь орудий, минометов и установок полевой реактивной артиллерии ударной группировки, весил полторы тысячи тонн.

К началу Берлинской операции мы имели свыше 6 миллионов снарядов и мин. Таким количеством боеприпасов фронт не располагал еще никогда. Для сравнения напомним, что в контрнаступлении под Сталинградом с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года, то есть за 75 дней, артиллерия Донского фронта израсходовала только 4,5 миллиона снарядов и мин всех калибров. А ведь Берлинскую операцию планировалось провести за полмесяца.

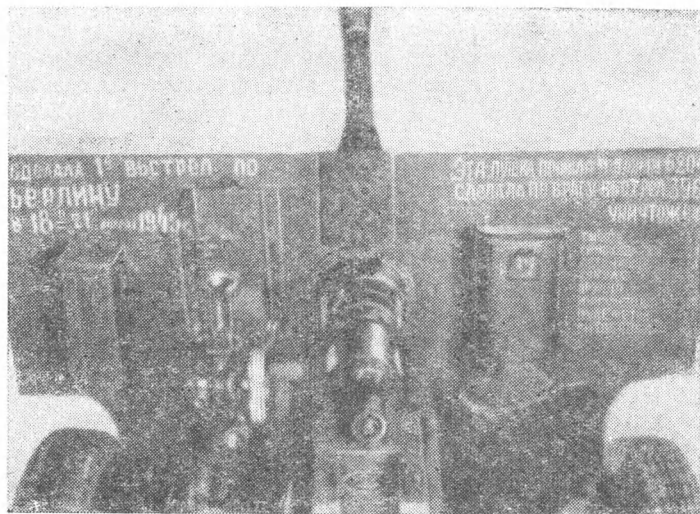
Боеприпасы шли непрерывным потоком. Только за 15 дней до начала операции фронт получил более 1 миллиона снарядов и мин. Для доставки их потребовалось около 2 тысяч вагонов — 40 железнодорожных составов.

В Берлинской операции мой наблюдательный пункт был организован с такой широкой сетью связи, какой у нас до этого не было. Я имел возможность установить прямой контакт с командующими артиллерией всех армий, с командирами трех артиллерийских корпусов прорыва, а также с командирами артиллерийских дивизий и ниже.

Обращение Военного совета о предстоящем наступлении на Берлин командиры и политические работники довели до каждого солдата, оно вызвало у личного состава небывалый подъем. В войсках с нетерпением ждали приказа о начале операции. В артиллерийских частях беспартийные воины подавали заявления о вступлении в партию. В последние дни перед сражением тысячи солдат, сержантов и офицеров заявляли о своем желании идти в бой коммунистами. «Коммунисты, вперед!» Этот призыв в самые трудные минуты боя поднимал в атаку всех, даже раненых. Трудно найти слова, которыми можно было бы показать высокое морально-политическое состояние советских воинов, участвовавших в последнем, завершающем ударе по врагу.

На стволах орудий, на бортах автомашин, тягачей и других военных машин появились надписи: «Вперед, на Берлин!» Эти слова имели огромную силу воздействия на бойцов. Они звали вперед, на Берлин, на подвиги во славу победы над врагом. Во многих батареях артиллеристы делали надписи на снарядах: «За раны и мучения Ленинграда», «За слезы и горе советских людей», «Смерть варварам!»

Политработники в каждом подразделении подготовили красные флаги с обозначением названий частей.

Это орудие первым сделало выстрел по Берлину 21 апреля 1945 года

Бережно пронесли их воины сквозь бои и сражения, через огонь и смерть. Боец, которому был доверен такой флаг, не страхась смерти, стремился вырваться вперед, чтобы раньше других водрузить его на одной из улиц Берлина.

...Противник уже не раз пытался обмануть нас, отводя свои войска с первой позиции перед самым началом нашего наступления. И когда ему удавалось осуществить такой маневр достаточно скрытно, мы выбрасывали впустую немало боеприпасов, а пройдя оставленный

противником рубеж, наталкивались на весьма прочную оборону там, где ее не ждали. Чтобы установить истинное положение и предотвратить бесцельное расходование боеприпасов, 14 апреля мы провели разведку боем, после которой пришлось внести существенные коррективы в план предстоящей артиллерийской подготовки.

16 апреля 1945 года в 5 часов утра по московскому времени (в Берлине в это время было 3 часа) мощный залп огромной массы орудий и минометов возвестил о начале артиллерийской подготовки. Зрелище было поистине феерическое: появились десятки тысяч зарниц в районах огневых позиций на широком фронте, запылали огни разрывов в стане врага. Особенно сильное впечатление производили залпы «катюш». Даже бывалых артиллеристов поразила эта стихия огня, которая ночью казалась еще более грозной, чем днем.

А в 5 часов 25 минут темноту ночи прорезали мощные лучи света: по единому сигналу повсеместно одновременно зажглись прожекторы, направленные в сторону врага. Местность перед наступавшими нашими войсками осветилась, нашей пехоте стало легче продвигаться вперед.

Атака началась дружно и была успешной. В артиллерийском отношении сопровождение пехоты шло по плану — с переходом от огневого вала к последовательному сосредоточению огня. Для подавления крупных опорных пунктов широко применялся массированный огонь тяжелой артиллерии (трех-пяти артиллерийских бригад), что помогало нашим войскам овладевать ими.

В первый же день меткий огонь артиллеристов фронта уничтожил и разрушил две тысячи целей, не считая живой силы и многих километров траншей и сотен зданий.

Район Зееловских высот обороняли выдвинутые из резерва довольно хорошо укомплектованные фашист-

ские дивизии. Но и эти свежие силы даже на такой сильно укрепленной местности не смогли устоять.

Чтобы нанести решающий удар по Зееловским высотам, артиллерию 8-й гвардейской армии усилили несколькими пушечными артиллерийскими бригадами, которые ранее поддерживали 5-ю ударную армию. Маневр, связанный с перенесением огня из одной армии в другую, удалось осуществить благодаря надежной, хорошо организованной связи. Это был один из немногих случаев в Великой Отечественной войне, когда командующий артиллерией фронта мог в необходимый момент лично и непосредственно управлять огнем артиллерии, усиливая его на том или другом направлении за счет средств смежных армий.

После 30-минутной мощной артподготовки на глубину 2 километра началась атака Зееловских высот. Нашим войскам приходилось очень трудно, тем не менее они усиливали натиск. Особенно тяжело было сокрушать такие опорные пункты, как Гузов, Зеелов, Фридерсдорф, Дольгелин и другие. Сломить здесь вражеское сопротивление можно было только с помощью мощных средств разрушения. Таким средством были орудия особой мощности — 305-миллиметровые гаубицы. Их огонь и решил судьбу опорных пунктов врага. И вот после мощных ударов артиллерии и авиации наши войска овладели Зееловскими высотами: был взят еще один важный рубеж на пути к Берлину.

Навстречу нашим войскам противник непрерывно выдвигал свои резервы. Вот почему войскам фронта пришлось буквально «прогрызать» вражескую оборону на всем пути до Берлина, сокрушая все возмставшее сопротивление немецко-фашистских войск.

На артиллерию ложилась очень трудная задача: последовательными ударами по промежуточным рубежам обороны и узлам сопротивления противника пробивать

путь нашей пехоте и танкам, уничтожать огневые средства и живую силу врага, отражать его многочисленные контратаки, закрепляться на захваченных рубежах.

Каждый новый бой начинался, как правило, короткой, но мощной артиллерийской подготовкой и походил на самостоятельную небольшую операцию.

Пехота и танки при непрерывной поддержке нашей артиллерии прорывали оборону противника на промежуточных линиях и продвигались на несколько километров до следующего рубежа. Артиллерия подтягивала свои боевые порядки вперед, войска готовились к прорыву очередного оборонительного рубежа и наносили новый удар. И перед каждой атакой артиллерия своим огнем основательно обрабатывала атакуемый рубеж, а затем неотступно сопровождала огнем и колесами наступающие части.

Еще 13 апреля 1945 года я подписал директиву, в которой перед артиллерией фронта ставились задачи в связи с предстоящей операцией. Наряду с другими требованиями в ней содержался и призыв к артиллеристам: «Разверните подлинную борьбу среди офицерского, сержантского и рядового состава артиллерийских и минометных подразделений (всех калибров) за честь дать первый выстрел по Берлину...»

Это короткое обращение в ночь перед наступлением политработники зачитали во всех артиллерийских подразделениях. Воины каждой части, дивизиона, батареи горели желанием быть первыми в этом своеобразном боевом и почетном соревновании. В предшествовавших операциях на том или другом участке отдельные артиллерийские части отставали от пехоты: то не хватало горючего, то подводила тяга, то еще что-нибудь. И пехотинцы жаловались иногда, что артиллерия отстала. В дни Берлинской операции таких жалоб не было. Даже гаубичные артиллерийские бригады большой мощности,

которым после прорыва главной полосы обороны и торопиться-то особенно было некуда, и те устремлялись вперед.

В штабе артиллерии фронта подготовили карту Берлина с четко обозначенными официальными границами. От штабов армии потребовали, чтобы они в донесениях о первом выстреле по Берлину, помимо времени, наименования подразделения и фамилии его командира, указывали координаты огневых позиций и обстреливаемого участка. После начала операции было установлено, что первый залп по Берлину произвел в 11 часов 20 апреля 1-й дивизион 30-й гвардейской пушечной артиллерийской бригады 47-й армии, которым командовал майор А. И. Зюкин (командующий артиллерией армии генерал-лейтенант артиллерии Г. В. Годин). Когда в штаб фронта поступило донесение об этом выстреле, на карту нанесли огневые позиции дивизиона и обстреливаемый им район города. (Эту историческую карту, натянутую на планшет, можно ныне видеть в Ленинградском артиллерийском историческом музее).

Через 1 час 30 минут открыл огонь по Берлину 1-й дивизион 642-го пушечного полка 2-й бригады 5-й артиллерийской дивизии прорыва. Несколько позднее в тот же день залп по Берлину произвела артиллерия 5-й ударной армии, а в 8-й гвардейской армии первой послала свои снаряды на Берлин батарея 295-го гвардейского пушечного полка. В 10 часов 21 апреля произвел залп по городу 4-й артиллерийский корпус прорыва.

21 апреля соединения 3-й и 5-й ударных армий завязали бои на окраинах Берлина, а 22 апреля вступили в черту города и войска 8-й гвардейской армии.

Войска нашего и 1-го Украинского фронтов окружили Франкфуртско-Губенскую и Берлинскую группировки врага. Теперь предстояло уничтожить их. На это потребовалась неделя — с 26 апреля по 2 мая.

Вскоре началась тяжелая битва непосредственно за Берлин.

Вести наступление в городе, тем более в таком огромном, как Берлин, было делом очень сложным. Для артиллерии возникали свои трудности.

По опыту боев в крупных населенных пунктах мы уже знали, что продвижение по городу лишает артиллерию пригодных для ее размещения закрытых огневых позиций. Для этой цели можно использовать только площади, парки и иногда большие дворы. А много ли артиллерии можно разместить в этих местах? Когда же части сближались с противником настолько, что их отделяла друг от друга только проезжая часть улицы либо даже только стена, стрельба с закрытых позиций становилась опасной для своих же войск. А наступление наших частей в городе по соседним улицам, вне зрительной связи между ними, только увеличивало эту опасность. Вот почему надо было продумать систему огня и методы использования артиллерии для поддержки действий пехоты в городе. Успешно решить эту нелегкую задачу помог боевой опыт, приобретенный в боях за крупные населенные пункты.

К началу боев непосредственно в Берлине нами было разработано указание о применении артиллерии в новых условиях. В начальный период боев она использовалась для ведения с закрытых позиций массированного огня по отдельным кварталам, садам, паркам и площадям, а затем, по мере продвижения наших частей, переносила его дальше в глубь города.

Непосредственную поддержку пехоты артиллерия осуществляла совсем не так, как при наступлении на полевую оборону противника. В частях первого эшелона для овладения отдельными зданиями и улицами создавались штурмовые группы из 60—70 автоматчиков (иногда и больше) и нескольких орудий и минометов.

В уличных боях, чтобы выбить неприятеля из занимаемого им объекта, требовалось либо надежно подавить его, либо разрушить этот объект.

В те дни в Берлине было множество вражеских автоматчиков. Они укрывались в верхних этажах и на чердаках и оттуда обстреливали советских пехотинцев, танкистов и артиллеристов, как только они появлялись на улицах и перекрестках. Серьезную опасность представляли фаустпатроны¹, которые фашисты особенно часто применяли на улицах города.

Штурмовые группы и поддерживающие их артиллеристы быстро приспособились к этим условиям. Они действовали сплоченно и изобретательно. Прежде чем штурмовать дома, наши автоматчики, разведав обстановку, начинали обстрел окон верхних этажей, где обычно укрывались гитлеровцы. Под прикрытием огня автоматчиков вперед выкатывались 45- и 76-миллиметровые пушки, которые вели огонь прямой наводкой. И затем, когда противник лишался возможности действовать свободно, в бой вступали 152- и даже 203-миллиметровые гаубицы. Они стреляли прямой наводкой по простенкам первого этажа и разрушали их. Здание обрушивалось, погребая под собой находившиеся там гарнизоны. Эффективно использовались и тяжелые снаряды реактивной нашей артиллерии. Их втаскивали на вторые, третьи этажи занятых нами домов и прямо с подоконников посылали снаряды в окна зданий, в которых находи-

---

¹ Фаустпатрон — ручное безоткатное (реактивное) оружие для стрельбы по танкам и другим бронированным целям. Применялось немецко-фашистской армией в 1945 году. Это оружие состояло из реактивной надкалиберной мины кумулятивного действия и специального ружья (открытого с двух концов ствола, в который мина вставлялась хвостовой частью). Фаустпатроном можно было вести огонь на дальность всего 50-100 м. Он пробивал броню толщиной 160—200 мм.

лись вражеские солдаты. Эти снаряды производили большие разрушения и вызывали пожары.

Дом за домом, улицу за улицей приходилось брать штурмом. Наши отважные солдаты неуклонно продвигались к центру города, преодолевая ожесточенное сопротивление врага.

29 апреля командиру 1-го огневого взвода старшине А. С. Островскому было приказано переехать с орудием на новую огневую позицию. Маршрут пролегал через перекресток двух улиц, который простреливался пулеметным огнем противника. Град пуль преградил дорогу орудию. Тогда Островский вместе с рядовым А. Русиновым решили уничтожить вражеский пулемет. Пробираясь вдоль стены дома, они подкрались к пулемету на 15—20 метров и забросали его гранатами.

Подъезжая к новой огневой позиции, трактор механика-водителя сержанта В. Османова, тащивший орудие, попал под губительный огонь вражеских «фаустников». Медлить было нельзя, ибо всякое промедление означало не только гибель техники, но также и задержку с открытием огня, столь необходимого для продвижения нашей пехоты. Сознывая всю ответственность, Османов на полном ходу и на предельной скорости развернул орудие в сторону врага. Старшина Островский, пренебрегая опасностью, бросился к орудию. Буквально за 3—4 минуты изготовившись к бою, взвод Островского тремя снарядами разбил дом, из которого вылетали фаустпатроны. Путь пехоте был открыт.

Много героических подвигов в боях за Берлин совершили артиллеристы 207-й стрелковой Краснознаменной ордена Суворова Померанской дивизии. Исполнявший обязанности командира 780-го артиллерийского полка этой дивизии капитан В. Расторгуев, например, получил

задачу поддерживать действия 150-й стрелковой дивизии. Шел ожесточенный бой за опорный пункт Кудерсдорф. Чтобы оперативнее управлять огнем полка, капитан сел в танк и, маневрируя, определял цели, по которым следовало нанести удар. Артиллеристы 780-го полка уничтожили противотанковую батарею, рассеяли большую группу противника, сосредоточившуюся для контратаки, и обеспечили на своем участке успешное продвижение наступающих стрелковых подразделений. Два дня спустя артиллеристы этого полка внезапным огнем налетом разгромили вражеский полевой аэродром, нанесли большой урон врагу в живой силе и технике.

На улицах пригородов Берлина — Розенталь и Бухгольц — начальник связи и начальник разведки полка старшие лейтенанты В. Вешкин и Г. Дубинин несколько раз пробирались с радиостанцией в тыл противника и корректировали огонь не только своего полка, но и всех артиллерийских частей дивизионной артиллерийской группы поддержки пехоты. В одну из таких смелых вылазок их группа была окружена гитлеровцами. Положение казалось безвыходным: ведь на каждого нашего смельчака приходилось свыше пятидесяти вражеских автоматчиков. Кольцо окружения неумолимо сжималось. Вся площадь перед костелом, на башне колокольни которого обосновали свой наблюдательный пункт наши артиллеристы, кишела вражескими солдатами. Они вели огонь по башне, не укрываясь, стоя во весь рост, а некоторые, считая, что русские разведчики убиты, прекратили огонь.

Георгий Дубинин посмотрел в глаза другу и сказал:

— Вызываю огонь на себя. Данные подготовил...

— Действуй, Георгий! — согласился Вешкин и включил рацию:

— «Ласточка», «Ласточка»! Я «Утес», я «Утес»! Принимайте команды! Срочно открывайте огонь! — и передал подготовленные Дубининым данные.

Гаубичный дивизион полка одновременно с дивизионом «катюш» накрыл площадь, в центре которой находилась церковь. На асфальте осталось лежать много трупов фашистов.

Серьезным препятствием на пути наступления наших войск оказался Берлин — Шпандауэр — Шиффартс — канал, за которым начинались центральные кварталы Берлина. Вдоль его берегов проходила мощная оборонительная линия врага. Северного берега канала полки дивизии достигли еще во второй половине дня 24 апреля, но, встреченные плотным ружейно-пулеметным огнем, артиллерией и минометами, залегли вдоль набережной и окопались. Все мосты были разрушены, на первый взгляд незначительный водный рубеж с ходу преодолеть не удалось. Тогда сюда подошла собственная и приданная артиллерия дивизии и стала бить по врагу прямой наводкой. А в это время усиленно готовились к штурму канала многочисленные минометные подразделения стрелковых полков.

Штурм начался вечером мощной артиллерийской подготовкой. Пушечная батарея, которой командовал капитан М. Соловьев, вошла в состав штурмовых групп 597-го стрелкового полка. С началом артподготовки батарея ударила по позициям врага прямой наводкой. Наша пехота начала форсировать канал, используя наспех сколоченные из досок плоты, связанные бочки, бревна и другие подручные средства.

Гитлеровцы открыли сильный автоматно-пулеметный и минометный огонь. Но выстрелы наших артиллеристов заставили замолчать одну за другой все огневые точки фашистов. Стрелковые подразделения захватили на противоположном берегу небольшой плацдарм. Вместе с пехотинцами туда переправились старший на батарее лейтенант В. Нагорный с радиостанцией, разведчик дивизиона ефрейтор Г. Брагин. Они корректировали огонь

всего артдивизиона. Проворный ефрейтор Брагин, «голубоглазый малыш», как любовно называли его товарищи, прикрывая переправлявшегося через канал командира батареи Соловьева, уничтожил огнем из автомата трех гитлеровцев, хотя за спиной разведчика Брагина находилась радиостанция, катушка с кабелем и телефонный аппарат.

Батарея капитана Соловьева успешно переправилась через канал, но фашисты пошли в контратаку. Командиры орудий старшие сержанты Илларион Матюнин, Тимофей Шостак, Григорий Чернорай, наводчик Владимир Нестер точным огнем из орудий сорвали контратаку врага, опрокинули его, и наша пехота выполнила боевую задачу дня.

В этом бою батарея 122-миллиметровых гаубиц под командой старшего лейтенанта В. Кундиренко, поддерживая наступление стрелкового батальона 598-го полка, вела огонь и с закрытых позиций, и прямой наводкой. Она разрушила три дзота, а на железнодорожной насыпи пять огневых точек в каменных зданиях, подбила два самоходных орудия «фердинанд» и уничтожила свыше 15 пулеметных гнезд. В ходе наступления батарея Кундиренко на северной окраине предместья Берлина — Шарлоттенбург очутилась в окружении. Быстро заняв круговую оборону, солдаты и офицеры батареи в схватке с врагом уничтожили более 70 солдат и офицеров сводного эсэсовского батальона и несколько часов удерживали свои позиции, пока на помощь не подоспел второй батальон 598-го стрелкового полка с четырьмя самоходными установками. Вместе с ними батарея разгромила эсэсовскую часть.

В Берлинской операции, особенно в боях за рейхстаг и Кроль-оперу — эти последние бастионы фашистов в центре столицы, отличился личный состав 420-го отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского

дивизиона 20-й стрелковой дивизии, которым командовал майор А. Н. Бессараб.

Проявляя беспредельное мужество, смелость и находчивость, офицеры и солдаты дивизиона 30 апреля и 1 мая, выдвинув свои пушки на центральную площадь правительственного квартала Берлина — Кенигплац, оказали эффективную поддержку стрелковым подразделениям в штурме рейхстага. Они прямой наводкой расстреливали огневые точки в окнах здания рейхстага, крушили амбразуры, подавив все зенитные установки гитлеровцев в Тиргартен-парке и вокруг рейхстага. В боях за предместье и центр Берлина этот дивизион все время действовал прямой наводкой, эффективно поддерживал огнем и колесами штурмовые батальоны дивизии.

Из огромной массы подвигов, совершенных советскими артиллеристами, я отобрал лишь маленькую часть. Но среди них есть один, о котором я расскажу особо. Речь пойдет о боевом пути одного орудия, которое участвовало в бою за Берлин.

Это было 76-миллиметровое орудие системы ЗИС-3 образца 1942 года № 4785. Расчет этого орудия под командой гвардии старшего сержанта И. М. Родионова прошел с боями 6204 километра.

Первый бой расчет Родионова провел еще на станции Поныри Орловской области. Об этих тяжелых боях я уже говорил. Находясь в боевых порядках нашей пехоты, артиллеристы старшего сержанта Родионова уничтожили 2 тяжелых и 1 легкий танк, 2 орудия и до роты противника.

Затем, когда наши войска перешли в контрнаступление, орудие поддерживало действия пехоты в атаках на врага.

В боях за освобождение Севска орудийный расчет Родионова уничтожил 1 танк, 3 самоходных и 2 полевых орудия, 20 фашистов.

В районе белорусского села Тиремцы орудие Родионова на рассвете 26 сентября 1943 года вместе с пехотой форсировало Днепр. Расчет занял огневую позицию на западном берегу реки и прикрывал пехотное подразделение, расширявшее плацдарм. 18 ноября орудие № 4785 одним из первых ворвалось в городок Речица, что стоит недалеко от Гомеля. В тяжелых уличных боях героический расчет уничтожил 2 средних танка, 6 автомашин и 50 гитлеровцев.

В последующих боях Родионов со своим орудием участвовал в форсировании реки Березина и в освобождении города Жлобина. Под селом Смолицы храбрые артиллеристы отразили 4 контратаки противника. Орудие Родионова 8 февраля 1945 года на аэродроме города Шнайдемюль уничтожило 5 самолетов противника, а в марте расчет уже участвовал в боевых действиях в районе Кюстрина, форсировал Одер. 21 апреля 1945 года в 18 часов 10 минут орудие под командой Родионова сделало свой первый выстрел по Берлину.

Живучесть пушки казалась удивительной. В ходе боевых действий она дважды была подбита, но, восстановленная, возвращалась в строй вместе со своим расчетом и снова громила фашистов. 3969 выстрелов произвела она по врагу. Ныне она стоит в Москве в Центральном музее Вооруженных Сил СССР. Своим огнем родионовский расчет уничтожил 33 танка, 21 самоходное орудие, 74 автомашины, 5 самолетов на аэродроме, 14 орудий разного калибра, 17 минометов, 77 пулеметов, 752 вражеских солдата и офицера. Блестящий итог! Завидная боевая биография и людей, и орудия!

За отвагу и мужество личный состав расчета награжден орденами и медалями.

В дни завершающих боев за Берлин все советские воины были охвачены неудержимым стремлением принять личное участие во взятии рейхстага, на котором

предстояло водрузить знамя Победы. Даже артиллерийские части, которые не должны были непосредственно участвовать в боях за рейхстаг, хотели быть причастными к этому историческому событию. В этом отношении характерным было поведение личного состава 124-й гаубичной артиллерийской бригады большой мощности.

...Боевые порядки бригады находились в 8—10 километрах от рейхстага. Было ясно, что он будет взят без ее участия. Но вот командир бригады полковник Г. Л. Гутин получил задание сосредоточить огонь своих гаубиц по рейхстагу. Разумеется, всем очень хотелось узнать результаты обстрела. Неизвестно по чьей инициативе, но в батареях решили: из общего количества снарядов, отпущенных на огневой налет, один-два послать в рейхстаг без взрывателей, чтобы они не разорвались и чтобы их можно было найти там, когда закончится бой.

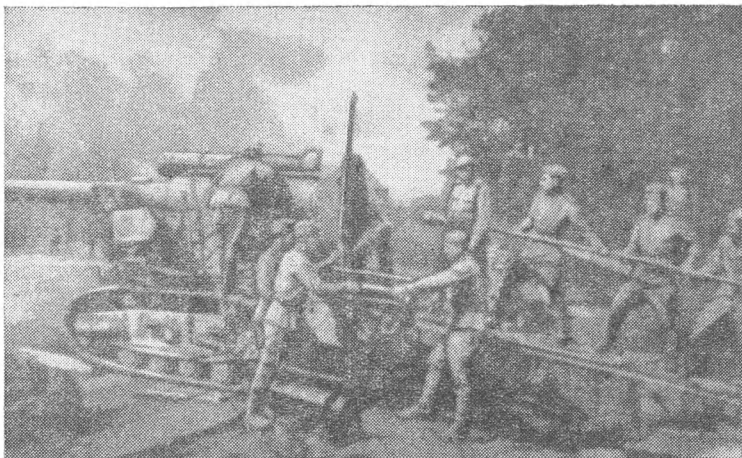
Так и было сделано. Во вложенных в снаряды записках бойцы писали: «Гитлеру от 1-й батареи 124-й габр. БМ», «Даешь рейхстаг!» и так далее.

Впоследствии эти снаряды были действительно обнаружены в здании рейхстага.

Не буду описывать, как шли бои за рейхстаг. Скажу лишь, что к рассвету 1 мая 1945 года алое знамя Победы реяло над поверженным Берлином. Соппротивление берлинского гарнизона прекратилось в 15 часов 2 мая. К концу этого солнечного дня наши войска полностью овладели городом.

Но не могу не сказать опять о цифрах, они очень красноречивы, очень внушительны.

В последней операции нашего фронта — с 16 апреля по 2 мая 1945 года — артиллерия израсходовала более 3 миллионов снарядов и мин всех калибров. Ее огнем уничтожено свыше 9 тысяч различных целей, в том числе около 250 артиллерийских и минометных батарей, более 800 отдельных орудий, около 6000 пулеметов, бо-

Орудие из дивизиона большой мощности, проделавшее путь от Москвы до Берлина

лее 41 тысячи вражеских солдат и офицеров, разрушено около 1000 различных оборонительных сооружений, сожжено и подбито около 200 танков. Во время уличных боев в Берлине были случаи, когда артиллерия только одной армии за день разрушила до семидесяти опорных пунктов противника.

Ни в одной из ранее проведенных фронтом операций удары нашей артиллерии не были столь сильны и сокрушительны, как в Берлинской.

Все более и более человек проникает в глубины тайн природы и ставит ее могучие силы себе на службу. Атомная энергия, реактивная техника, ракетостроение и покорение космоса, радиоэлектроника и телемеханика, бионика и химия полимеров, наконец, использование плазмы — это лишь часть из наиболее важных областей науки и техники.

Само собой разумеется, что такой великий научно-технический прогресс прямо и непосредственно влияет и на развитие военного дела, всех видов и родов войск, в частности артиллерии. Развитие последней и особенно ракетной техники шагнуло далеко вперед. Теперь офицерам, сержантам, солдатам артиллерийских и ракетных частей приходится иметь дело с приборами и механизмами, в которых воплощены самые последние достижения науки и техники.

Поэтому, если молодой человек, прочитав мою книгу об артиллерии и артиллеристах времен Великой Отечественной войны, изберет себе профессию артиллериста или ракетчика, его ждет очень увлекательная и романтическая деятельность.

Вот, пожалуй, все, что мне хотелось рассказать молодежи о моем любимом роде войск — артиллерии и ее героях-артиллеристах.

Больших и светлых вам дорог в жизни, друзья!

1967—1968

О КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ	3
НАЧАЛО	7
В БЕЛОСНЕЖНЫХ ПОЛЯХ ПОД МОСКВОЙ.	23
У ВОЛЖСКОЙ ТВЕРДЫНИ	63
НА ОГНЕННОЙ ДУГЕ	101
НА БЕЛОРУССКОЙ ЗЕМЛЕ	166
ЯНВАРЬ 1945 ГОДА. ВИСЛА. ОДЕР . . .	193
МАЙ. БЕРЛИН. ПОБЕДА	210
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	238

Владимир Иванович Казаков

АРТИЛЛЕРИЯ, ОГОНЫ

Редактор Л. А. Кузьмина

Художник Е. И. Селезнев

Художественный редактор Г. Л. Ушаков

Технический редактор В. Н. Кошелева

Корректоры Р. М. Рыкунина, Л. В. Смеян

Г-71646. Сдано в набор 24/1-1975 г. Подписано к печати 15/5-1975 г. Изд. № 3/611. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Тираж 100000 экз. Цена 43 коп. Усл. печ. л. 10,5. Уч-изд. л. 10,53. Заказ 1850.

Изд-во ДОСААФ, 107066, Москва, Новорязанская ул., д. 26. Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Красная, 23.

